

Алексей Яшин

КВАДРАТНАЯ ПУСТОТА

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года. Автор 22 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского орденна Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редкол-

легий ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова и Вениамина Каверина. Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер ордена «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

Литературное творчество совмещает с научной работой: профессор Медицинского института Тульского государственного университета. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования».

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008).

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

КВАДРАТНАЯ ПУСТОТА

Роман-новеллино

Москва
«Московский Парнас»
2012

ББК 84.3 (Рос.—Рус.)
УДК 882
Я 96

Яшин А. А. Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — Москва: «Московский Парнас», 2012. — 333 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978.5.73301.06.691

Двадцать вторая по счету книга известного современного русского писателя, члена Правления Академии российской литературы, лауреата многих литературных премий, главного редактора «толстого» литературно-художественного журнала «Приокские зори» Алексея Яшина в определенном смысле «социально диаметрально» ранее им написанному. Если в предыдущих романах, повестях и циклах рассказов это был «взгляд с позитива на негатив», то герой «Квадратной пустоты» — это современный вариант Прохора Громова из шишковской «Угрюм-реки». Понятно, что это не столь модный сейчас в записанной литературе ремейк. Автор явно не склонен в своем творчестве к примитивизму. Но ведь и Вячеслав Шишков здесь был далеко не первооткрыватель? Это уже установившаяся литературная форма романа, использованная Горьким, Чаплыгиным, тем же Шишковым. Это как в жанре басни: от Эзопа и Скалигера до Крылова и последующих: канонический сюжет в авторской аранжировке. Вроде все сказано для аннотации.

Иллюстрации на обложке О. В. Чмыр (Олеся Янгол).

© Яшин А. А., 2012
© Ханбеков Л. В. Предисловие, 2012
© Чмыр О. В. Обложка, 2012

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами, уважаемый читатель современной русской литературы — именно литературы, а не коммерческой печатной жвачки, — двадцатая по счету, в определенном смысле юбилейная, книга известного писателя-прозаика из Тулы, моего коллеги по Академии российской литературы, главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея Яшина.

Уже не первый год он публикует свои новые произведения в нашем издательстве Независимого литературного агентства «Московский Парнас». ...И традиционно предисловия к книгам Алексея Яшина «достаётся» писать вашему покорному слуге. Причем дело здесь не только и не столько в личных дружеских отношениях и деловом, литературном конечно, сотрудничестве по линии редактируемых нами периодических изданий — журнала «Приокские зори» и альманаха «Московский Парнас». Дело как раз в ином. Позволю себе немного «пофилософствовать».

В сложной, не хуже придворного церемониала, веками выработанной иерархии тружеников пера — они же избранники Муз — есть множество градаций: от коллежских регистраторов литературы «начинающих» и «подающих надежды» до высочайших титулов и определений таланта. И вот где-то между литературными

ми коллежскими ассессорами и статскими советниками наличествует титул писателя *самобытного*. С одной стороны, он несколько обтекаемый, с другой — что-то таинственно сокрывает.

...Это как безымянный палец на руке: вроде как не имеет родового наименования, но зато не участвует в сложении обидного кукиша, а главное — женщины именно на нем носят самую большую свою драгоценность: обручальное кольцо, а лауреаты журнала «Форбс», как любит повторять Алексей Яшин, на нем же демонстрируют «гайки с брюликами» из разворованного в 90-х годах Гохрана...

Не такой он простой — безымянный палец! Именно через него человек обручается на всю жизнь, а если кольцо ассоциировать с литературой, то это символ обручения с ней. Так и «самобытный писатель» — определение литератора *от-самого-быта*, то есть особым, отличительным образом обручения с художественной словесностью, более того — и обреченного быть-стать писателем.

К таким самобытным с полным правом следует отнести и Алексея Яшина. Потому и писать предисловия к его книгам не просто интересно, но это есть и познавательный творческий труд. Именно труд, а не работа — слово, вообще говоря, сомнительного достоинства: раб работает, а творческий человек именно трудится... Однако — от философствования — к делу.

Если предыдущие книги Алексея Яшина, его романы, повести, циклы «рассказов Николая Андреевича», есть, по-преимуществу, «взгляд со стороны позитива на негатив», то «Квадратная пустота» разнообразит сюжетные ходы в арсенале

художественных средств автора. Здесь все наоборот: статус главного героя романа получает что ни на есть самый отъявленный «негатив» нашего времени: представитель нынешнего господствующего класса — нувориш, чудовищное порождение запоздалой в рамках мировой истории эпохи первоначального накопления капитала.

Зачем автору понадобился столь радикальный прием? — А все за тем же, для достижения максимального эффекта художественного отображения действительности, вовсе не балующей нас избытком позитивного начала... и продолжения тем более.

В рамках художественного метода критического реализма, свято исповедуемого Алексеем Яшиным,* это весьма действенный прием, причем хорошо и добросовестно апробированный в классической русской и советской литературе. Достаточно вспомнить, что называется навскидку, «Угрюм-реку» Вяч. Шишкова с его колоритным образом Прохора Громова, романы и пьесы А. М. Горького, произведения Чапыгина... Да разве всех зараз переберешь?

...Как говорится, прием и обстоятельства его приложения те же, но с поправкой на другое время, относительно которого уже за двадцать лет бытует характерная присказка: были времена потруднее, но не было подлее... По другому и не скажешь.

Если для того же Прохора Громова существуют и активно воплощены в его характере

---

* Заметим: исповедуемым Алексеем Яшиным не только в творческой практике, но и как предмет теоретизирования; см. его «Манифест нового русского критического реализма» («Приокские зори» № 1/2011).

такие нормативные человеческие качества, как любовь, семейственность в определенном смысле, потребность человеческого общения, тяга к практическим знаниям, контролирующая самооценка, видение смысла своей бурной деятельности — правда, до определенного же момента, то для героя «Квадратной пустоты» все это ветошь, артефакт былой, ненавидимой им жизни, а все окружающее его — нуль, пустота. Откуда и название романа.

Это герой со многими отрицающими приставками «анти» есть воплощение взбесившейся мелкобуржуазной биомассы, вырвавшейся из-под семидесятилетнего санитарного спуда и злоопухолью растекшаяся по 1/6 части земной суши. Это определение Алексея Яшина, образности которому не занимать.

...Читая «Квадратную пустоту», припомнил, что автор ранее уже опробовал этот сюжетный прием, а именно в рассказе «Вор у вора...», вошедший в книгу «В час волка». Понятно, что рамки рассказа, хотя бы и по-лесковски пространного, не позволили Алексею Яшину в полной мере реализовать этот сюжетно-характерный ход. Что же, такова диалектика писательского творчества в раскрытии довлеющей над ним идеи: от малых «пробных» форм к выстраиванию законченной композиции романа, который был и остается высшим воплощением прозаического жанра. Что бы там не говорили об окончании романной традиции в век интернетовского околелитературного мусора (мнения Лимонова и многих других).

...А можно и проще, без литературной терминологии сказать: новый роман Яшина о том

«грядущем хаме» (по Д. С. Мережковскому), что уже стал самодовлеющей явью нашей жизни. Вот такие-то «господа из подворотни», вожаки и маяки устремлений столь лелеемого нами среднего класса, и правят бал в нашей разворованной стране. Ладно — разворовали, а в русской истории воры всегда, исключая сталинские времена, были в законе. Нам — стать не привыкать. Но сегодняшний хам еще и культуру опустил до помоечного уровня (см. рассказ того же автора «Коллоквиум на помойке в «Московском Парнасе» № 2, 2011), науку с промышленностью, а равно образование и сами умственные способности некогда великого народа, свел почти к абсолютному нулю.

Что ни говори, как не мечтай о возвращении общества социальной справедливости и гармонии, но страной правят эти самые господа из подворотни. Правят в том, реальном смысле, что все государственное устройство, вся пресловутая демократическая надстройка служит им в своих законах. А не менее пресловутый средний класс — это та питательная среда мелкобуржуазной биомассы, человеческого навоза, из которой и выходят «в люди» эти самые «грядущие хамы», гигантские навозные мухи со стократ усиленным инстинктом бездумного накопительства.

И возникает естественный вопрос: а что за душой, вернее — неким ее подобием, у этого героя-гегемона наших дней? Вот такой вопрос и задал себе Алексей Яшин. И попробовал ответить в «Квадратной пустоте».

А зачем? Какова здесь сверхзадача? — Просто надо помнить: лишь немногие люди жи-

вут и действуют по стоическому принципу моральной самооценки: мне не важно, что думают обо мне другие, но мне важно, что я сам о себе думаю. Но большинство же чутко прислушивается к мнению других о себе. А уж как хочется так называемому простому человеку знать: а что думает о нем, хотя бы и обезличенном, типичный хозяин новой жизни? Вот об этом-то и роман.

Контрвопрос: а зачем ему, усредненному, знать мнение о своей невеликой персоне «со стороны» сильных мира сего? — Но ведь на то он и человек общественный, коллективный, даже в таком вот раздранным коллективе-социуме, где один лопает от пуза бублики, а другому достаются одни лишь дырки от таковых.

Так ему-то, дырочно-бубликовому, небезразлично: а за кого его держат нынешние гегемоны такой удобной одним, но крайне неудобной для масс-медиа, жизни? — Ведь человек XXI века все же не овца, которой, в общем-то, безразлично: волк ли ее сожрет, или хозяин-джигит скушает ее мясо в шашлыке либо бешбармаке...

Хочется сразу остеречь читателя от двух предвкушений от чтения романа. В нем нет живописный картин в стиле сериалов о «волчьих девяностых» и вообще отсутствует детективная канва. Все же писатель Алексей Яшин если не выше (это от упреков в самонадеянности), то уже точно в стороне от пиаровской, заказной и прочей глянцевої беллетристики.

И второе: не следует особо настраиваться на социально-протестную ноту при чтении «Квадратной пустоты». Это не сверхзадача, даже просто не задача автора. Просто он следует основному содержанию творческого метода критиче-

ского реализма: писатель всегда по определению находится в оппозиции к власти имущим. Но — как подчеркивает Алексей Яшин в упомянутом выше «Манифесте» — в оппозиции именно конструктивной. И еще один, но весьма существенный момент, — не зря автор проекта «Манифеста» соотнес его с «новым русским критическим реализмом». Именно новым, учитывая, что базовая цель и задача современного критического реализма есть борьба с фактором расчеловечивания, увы, главной опасностью для современного человека. Неважно, где он живет: на зажравшемся Западе, голодной Африке, бушующей «исламской дуге», в небывало социально дифференцированной России, в Китае, сейчас непонятно с каким социально-экономическим и политическим строем...

И в этом расчеловеченье уже не важны строй, религия, история и традиции. Просто мировая эволюция вплотную подошла к реальному глобализму, где уже любой человек — винтик. Или гайка — кому как нравится.

Вот это и есть стержень романного действия. Да и само его название слишком прозрачно: ведь гениальность «Черного квадрата» (при всем нашем осторожном отношении к модернизму) состоит не в вековой запиаренности, не в образцово-показательной рыночной оценке, не в неиссякаемом интересе Запада к русскому авангардизму в живописи первой четверти XX века. Нет, наивная гениальность (а разве она бывает иной?) этой незамысловатой картины-символа в том, что она олицетворяет бездонную пустоту отчаяния человека, не понимающего: для чего он живет? Но это и не пустота «Але-

нушки у омота», нет, Аленушкина пустота отчаяния еще сможет обернуться надеждой. Горе забывается. Но вот квадратная пустота надежды не сулит. Такая вот символика названия романа-новеллино*... Только ли романа? — А может и всей нашей нынешней жизни...

**Леонид Ханбеков,
вице-президент Академии
российской литературы, критик**

---

* Материал из Википедии — свободной энциклопедии: «Новеллино» (ит. *Il novellino*) — сборник коротких рассказов исторического, частью анекдотичного содержания, появившийся не ранее 1281 г. Дата определена по новелле L, в которой говорится о известном юристе Франческо д'Аккорсо, как о вернувшемся из Англии, где он преподавал в 1273—1281 гг. Наиболее вероятный период составления сборника — 90-е годы XIII в. Автор сборника неизвестен, по-видимому «Новеллино» — собрание из нескольких первоисточников, в нем заметно влияние античных авторов, провансальской и арабской литературы. Название «Новеллино» сборнику было дано в миланском издании 1836 года. Основанием послужило письмо Джованни дела Каза от 27 июля 1525 года к первому издателю сборника Карло Гвалтеруцци. Издание под редакцией Гвалтеруцци, вышедшее в Болонье в 1525 году, было озаглавлено «Сто древних новелл» (ит. *Centò Novelle antiche*). В XVI веке сборник под редакцией Гвалтеруцци выдержал три издания. В 1572 году во Флоренции Винченцо Боргини издал сборник, убрав оттуда по религиозно-этическим соображениям 17 новелл. Они были заменены восемнадцатью рассказами, взятыми из других источников. Текст Боргини считался каноническим до 1825 года, когда Микеле Коломбо вернулся к изданию Гвалтеруцци. Значительное количество сохранившихся до наших дней списков сборника свидетельствует о его популярности в XIV—XV веках. Из них восемь рукописей были созданы независимо друг от друга.

**НОВЕЛЛА — ПРОЛОГ:
СЧАСТЬЕ**

◆ После просмотра по телящику местных и общероссийских новостей доцент военно-технического факультета Тулуповского университета Николай Андреевич впал в хандру. Совершенно дикое происшествие в ихней области городе Бортянске, а по *ЦТВ* и вовсе докаменный век: милицейский, то есть сейчас полицейский, майор изнасиловал первоклассницу; признанный невменяемым тридцатипятилетний мужик, проживавший с интеллигентной мамой, съел по частям человека, предварительно разрубив тушу на куски и забив ими холодильник... А мама куда смотрела? И все подобное в подобном же колере. Нд-а-а.

Так тоскливо стало в неуютной этой жизни, что Николай Андреевич пошел на кухню, достал початую бутылку водки, хлопнул без закуски стопку. Чуть полегчало от всенародного лекарства. Усмехнулся: это, мол, тебе не рекламируемый ежедневно по «Радио России» с восьми утра и до полудни чудо-аппарат электромагнитной терапии для самолечения всех недугов — от поноса до клинического сумасшествия.

Все же. Подумав, закусил кусочком сервелата, что уже второй день, порезанный, кукожился на тарелочке в том же холодильнике. Попутно вспомнил только что увиденную в перерыве теле новостей надоедливую рекламу биг-мака.

Почему-то и в обжорочной рекламе, и в голливудских фильмах американские мужики жрут свои котлетные бутерброды «на булочке с кунжутом», цепко держа их двумя руками и повернувшись спинами друг к другу. При этом они после каждого укуса этой булки, начиненной всякой мясо-овощной дрянью, ощерив пас-

ти, подозрительно искоса оглядываются друг на друга...

Отчего это так? Долго размышлял Николай Андреевич. Наконец, поинтересовался у много чего знающего знакомого доцента же Язвишина с медико-физкультурного факультета их университета. Доцент-патриот и биолог по совместительству рассмеялся:

— Ну ты даешь, Андреевич! Неужели не видел, как уличные собаки свои кости, добытые на помойке, глодают? Вся стая разворачивается по кругу хвостами друг к другу, каждый пес намертво обеими передними лапами придавливает кость к земле. Погрызет-погрызет, повернет морду к соседу и, оскалив клыки, предупредительно зарычит.

Так и западники, особенно америкосы, памятуя свое разбойничье-ковбойское прошлое, жрут, постоянно опасаясь, что сосед по жарчке Джон, схрумкав свою булку с кунжутом и котлетой, подбежит к нему и вырвет объедки на добавку.

...Да-а, думал сейчас Николай Андреевич, и у нас в стране сейчас за счастье полагается что-нибудь да отнять у соседа: фабрику-завод, миллион «зеленых», а то и просто все ту же булку с кунжутом и химической котлетой. А за бутылку с водовкой еще и синяков наставят. — От чувственного предвкушения дармовой выпивки. И вспомнил он свое нехитрое, далекое — северное счастье.

◆ Только было предался Николай Андреевич сладостным воспоминаниям, как со двора в открытые форточки и балконную дверь — на дворе жаркий конец мая месяца — раздался за-

поздальи по времени вопль явно заблудшего кота. Николай Андреянович сам-один даже рассмеялся, вспомнив эпопею, разыгравшуюся в их дворе на переходе апреля месяца в нынешний май.

Где-то в предпасхальные дни — а может и в саму пасху? Николай Андреянович, как научный атеист не помнил точных церковноприходских дат — в их двор с многочисленными конскими каштанами, березами и тополями, давно вымахавшими выше крыш окрестных пятиэтажек, заявился кот. Очень крупный, пушистый и совершенно белый. Судя по дальнейшему его поведению — чисто домашнего воспитания, но либо за что-то изгнанный, а может и просто выскочивший на улицу и потерявшийся.

Кот, молодой и по-домашнему не знающий реалий современной демократической жизни, явно паниковал, думая: вот и дорвался до вожделенной вольной жизни, а что в ней хорошего? Тут на него набежала выпущенная во двор для оправки мелкая собачонка Федосеевых из первого подъезда дома Николая Андреяновича — в половину размера кота. Робко твякнув, китайская мелочь в ужасе убежала от огромного кота. Но и тот, что-то вспомнив смутное в своих генах, мигом вскарабкался по стволу еще не распутившего листву тополя на высоту третьего этажа, уселся на ветвь матерого дерева и жалобно замяукал. Насчет спуска по стволу на землю его гены молчали.

...Почти неделю жители обоих дворовых пятиэтажек испытывали физическое и душевное угнетение. Бедный вольнолюбивый кот замолкал только на короткую уже ночь. Да и днем его голос все более слабел.

Дворовые восьмидесятилетние активистки-общественницы Аллка-дворничиха и Любка-цветочница обошли все окрестные дома, выискивая возможных хозяев кота — но безуспешно. Наверное, из другого квартала заблуждал.

Не выдержав морально-нравственных мучений, жильцы скинулись на пол-литру дорогостоящей «путинки», две полторашки «арсенального» пива девятиградусной* крепости, коляску «краковской» и два батона. Этот сухой, то есть «мокрый» паек передали Аллке-дворничихе, которая вступила в переговоры с Петькой-хворым, сорокалетним неработающим пенсионером по алкогольной инвалидности, бывшим спортсменом-гимнастом.

Аллка поставила ультиматум: «Седни с полудни и ночью не пей, поутру сымешь кота и получишь пакет с припасом!»

Петька, уже почти пропивший апрельский пенсион, с отчаянья согласился, но наутро, стрезву подошел к операции серьезно. Взял у своих собутыльников, ЖЭК-овских слесарей и плотников бросовых деревянных плашек, гвоздей-соток и молоток. Набивая плашки на ствол тополя, он добрался по рукотворной лестнице до страдальца, взял его, безропотного, подмышку и спустил на грешную землю.

Едва Петька-спасатель, вдругорядь спускаясь, успел выворотить из тополя плашки и получить от Аллки пайку на сутки гульбы, как кот, доселе озиравшийся непонимающе, заметив выведенного во двор бизнесментером Ни-

---

* Натуральное «живое» пиво имеет максимальную крепость 3,2 град/об. Все что выше — это добавленный спирт.— Прим. авт.

кифоровым бультерьера, опрометью взлетел на еще бóльшую высоту на ближайший каштан. Аллка-дворничиха бросилась было к Петьке, хворому спасителю, но было поздно: тот, усевшись на лавку в дворовом детском городке, уже ушел в запой. Да еще нагло потребовал приплату — чекушку «пятиозерной» — в компенсацию за полученные от кота царапины на руках.

...Двор вступил во вторую фазу нравственных мучений. Но сейчас более всех страдал Николай Андреянович: для второй серии кот уселся на дереве прямо напротив окон его квартиры.

Три дня перед майскими праздниками Николай Андреянович старался приходить домой с работы ближе к ночи, чтобы не видеть и не слышать злосчастного белого кота. И за эти дни, вызывая изумление (и подозрение — не выслуживается ли?) своих коллег по кафедре, по-стахановски написал-скомпоновал учебное пособие по проектированию стабилизаторов противотанковых ракет. От этой работы уже полгода дружно отбивались все профессора и доценты кафедры ракетостроения. И домашние его под любым предлогом весь световой день находились где-то вне родных стен.

Только девятилетний полуперсидский их кот Арамис, второй месяц уже как приступивший к весенней линьке, сидел на кухонном подоконнике, задумчиво и немигающе смотрел через окно на неопытного в жизни коллегу по профессии: да-а, брат, поживи с мое на усиленном домашнем допайке — и поймешь, что свобода — это осознанная необходимость. Никакая кошка-прелестница меня вот даже на лестничную площадку не выманит!

Но вот наступил Первомай, бывший пролетарский праздник, а ныне климатический день весны и торгово-офисного труда. Университетские корпуса на замок закрыты, в соседнем парке еще лужи от тающего снега. Некуда из квартиры уйти!

Выпив бывшепраздничные сто грамм наркомовских с прицепом, Николай Андреянович, услышав завывания кота на дереве, вспылил и начал звонить по телефонному справочнику во все возможные службы с лестницами: от МЧС и «пожарки» до общества спасения на водах. Всем он, учитывая праздничный день, обещал «на парнас» две значенные кредитки с видами города Ярославля...

Увы, судя по веселым голосам, везде, даже в МЧС и пожарных депо праздновали социально-климатический праздник. Отчаявшись, Николай Андреянович допил полулитровый «прицеп» к наркомовским, включил на полную громкость телевизор с орущими и пляшущими голыми ведьмами, сам же прилег на диван и проспал до темноты.

Видно не один он беспокоил по телефону занятых людей: на другой день пополудни прибыла во двор спасательная машина МЧС. Бравые ребята, развернув металлическую лестницу, сняли кота, но от денег вышедшего во двор Николай Андреяновича, нерешительно, поглядывая на старшого, отказались.

Поумневший за десять дней сидения на деревьях кот, даже не обращая внимания на бультерьера купца Никифорова, опрометью метнулся со двора и исчез в досягаемом пространстве и времени.

◆ В ознаменование окончания эпопеи с белым котом и второго дня праздника трудящихся и бизнесментеров Николай Андреевич пошарил по карманам, набрал мелочи на самую дешевую чекушку и вручил ее Петьке-хворому. И сам пошел в магазинчик в торце соседнего дома разменять одну из «ярославских» на четвертинку «зеленой марки», настоящей на кедровых орешках.

В магазинчике, где днем отоваривались водкой пьющие мужики их квартала, а ближе к ночи толпы студентов университета из рядом расположенных общаг покупали пиво и всевозможную фаст-фудовскую дрянь в хрустких пакетах, его радостно приветствовал сам хозяин, розовощекий сорокадвухлетний отставной доцент-подполковник Коля Антипенко. С ним Николай Андреевич познакомился еще в бытность работы в НПО «Меткость», где ему по отделенческой разрядке поручили написать отзыв на кандидатскую диссертацию тогда капитана Антипенко по техобслуживанию стартовых установок противотанковых сверхзвуковых ракет.

...Год назад старейшее в России-СССР Тулуповское ракетно-артиллерийское высшее военное училище, с недавних пор — военный институт, ликвидировали в целях модернизации армии и придания ей качества компактности и маневренности для борьбы с мировым терроризмом — в юдашкинских куртайках на синтепоне.*

Пришлось бывшим полковникам и подпол-

---

* Даже верноподданный во втором поколении киношник Никита Михалков демонстративно отказался от какой-то почетной общественной должности в минобороны, увидев «юдашкинцев» на майском параде.— Прим. авт.

ковникам, майорам тож, подыскивать иной заработок. Так Коля Антипенко на паях с женой и молодящейся тещей, скинувшись трудовыми и взяв кредит в банке, открыл мелочный продуктовый магазинчик в соседнем доме, переоборудовав под него одну из двух тещиных же квартир — тяжелого наследия советской власти.

...Но не оттого сейчас, в самом исходе жаркого мая, Николай Андреевич радовался жизни, глядя в окно на заросший высоченными деревьями двор, что история с белым котом ушла в прошлое. Нет! Просто впервые за тридцать с лишним лет его проживания здесь со двора не доносился умоисступляющий стоглоточный вороний грай.

Воронье племя, поселившееся в их дворе в незапамятные даже старожилым бабкам Аллке и Любке и каждый год выводившее на ветвях все подрастающих деревьев, попало удивительно дружное между собой и громкоголосное. Каждая птица — сама себе Шаляпин.

Со школьных уроков Николай Андреевич цепко помнил, что не только аисты и гуси-лебеди по весне и осени совершают перелеты длиной в четверть окружности Земли, но и наши среднерусские вороны, грачи и галки тоже улетают-прилетают. Правда, на более короткие расстояния: километров на двести-триста. То есть, для примера, тулуповские каркающие пернатые на лето убывают в командировку для размножения в окрестности Белокаменной, а их место в тулуповских дворах и парках временно занимают под гнезда вороны и грачи из Рязани или Воронежа. И так далее.

...Может так оно и было при царях и ген-

секах, но сейчас, в эпоху толерантности и необузданной свободы тулуповские грачи и вороны уподобились оседлым цыганам, что живут своими баронствами в предместьях города. И те, и другие перестали кочевать. Ромалы окормляют весь город наркотой, а вороны живут в полюбившихся им дворах, сытно кормясь из окрестных помоек. И все время, исключая темное ночное, каркают. Вот и демократию нам, наверно, накаркали!

А вот здесь начинается самое интересное. Как сообразил Николай Андреянович, да и все жильцы обоих домов двора, первое сидение белого кота на дереве пришлось на период построения воронами своих гнезд. Но их насторожило появление как раз на высоте гнездования самого заклятого врага — поедателя птенцов. Поэтому, посоветовавшись, вороны решили не много обождать со строительством, суть да дело занялись накапливать стройматериал — ветки, бумажки, прутики, комки глины — на земле, в укромных местах дворовой обочины. И терпеливо ждали, когда кот снизойдет с дерева.

Но когда кот оказался уже на другом дереве, вороны заволновались. Ситуация складывалась форс-мажорная: еще несколько дней и сроки кладки яиц, а значит и вылупление из них птенцов, выйдут из плановых, а это ослабит их стаю по сравнению с другими, соседними в борьбе за выживание.

Арендовав на паритетных началах на время огромный каштан в соседнем дворе, вороны устроили многочасовой, крикливый партхозактив; после всестороннего обсуждения сложившейся ситуации пришли к выводу: теперь в их

родном дворе коты сошли с ума и будут жить на деревьях, а значит вороньему потомству грозит смертельная опасность. И многомудрый вожак стаи, седой ворон Карагач отдал приказ: считать прежний свой двор выморочным и, потеснив стаю соседнего двора, срочно строить гнезда там.

Вот так двор Николая Андреяновича обрел, как древние иудеи по окончании Вавилонского пленения, свободу от несмолкаемого вороньего грая. Но как представить себе меру отчаянья жителей соседнего двора, в котором отныне стая удвоилась в количестве! Но люди — отчаянные эгоисты; кому какое дело до чужих забот?

Зато в их дворе теперь появились сладкоголосые мелкие птички, которых раньше вороны и близко не подпускали к дворовым деревьям; даже соловьиная пара поселилась на липе, услаждая сердца и души жильцов своими восхитительными трелями и виртуозными коленцами и переходами.

Но особый восторг жителей двора вызвала сова, прилетевшая из соседнего парка и поселившаяся на самой верхушке двадцатиметровой березы. Пенсионная учительница биологии Фаина Аристарховна весело просвещала соседей: «Вот пройдет немного времени, так сова начнет в вечерние сумерки передразнивать — не хуже попугаев — всех обитателей двора!»

И действительно, уже вскоре отдыхающие от дневной жары на скамейках детского городка бабки, курящие на балконах обоих домов мужики с полным восторгом слушали доносящиеся с верхушки березы проделки совы-пересмешницы: то лай купеческого бультерьера сменялся звука-

ми, очень похожими на пьяное бормотанье Петьки-хворого, а потом и вовсе сова на два голоса интерпретировала вопли сцепившихся по пустяковому поводу Аллки и Любки...

Снова заулыбался сам-один Николай Андреянович, наконец-то переходя к счастливым воспоминаниям.

◆ На воспоминания Николая Андреяновича навела сегодняшняя пополуденная прогулка по центральному городскому парку, что в двух-трех минутах ходьбы от его дома. По наступившему жаркому, как и месяц май, лету все асфальтированные дорожки и площадки были заполнены школьниками и младшими студентами обоих полов, раскатывающими на роликовых коньках. Оно, конечно, для здоровья полезно, да и отвлекает молодежь от неумеренного потребления пива и легкой наркоты типа «спайс», а также от мимолетных сношений в антисанитарных условиях... как в очень содержательной частушке:

*Как у наших у ворот
Ветка к ветке клонится,
Парень девушку ...,
Хочет познакомиться!*

Но сколько неудобств для мирных гуляющих по парку без «роликов»? — Во-первых, толерантное юношество полагает, что все асфальтированное в парке — только для них. Поэтому всем остальным приходится совершать свои моционы с постоянной оглядкой и перебегать с одного края дорожки на другой, особенно если навстречу или в спину несется, взявшись за руки, целая вязанка «роллингеров».

Во-вторых, их коньки дешевой китайской фабрикации издают тревожащие уши грохотно-скрипящие звуки. Оно также понятно: выполняя лозунг компартии Поднебесной «Из страны вывозить на продажу только хлам», китайские кустари сами ролики мастерят не из умеренно вулканизированной резины, а из какой-то, явно фенол-формальдегидно-пластмассовой, дряни. Очень стукотной.

А средства массовой дезинформации, имея установки по поводу и без повода постоянно очернять наше советское прошлое, говоря о «роллингах», никогда не забывают добавить: «Только в новой, демократической России наше славное спортивное юношество, будущий средний класс — спаситель страны, смогло приобщиться к роликовым конькам — чуду западно-восточной цивилизации!» И так далее в этом же ключе.

Слушая подобные вольнолюбивые рассуждения дикторов и телеведущих, причем явно не дружащих с русским языком, Николай Андреевич сразу вспоминал известное высказывание партайгеноссе Юзи Геббельса, духовного отца современных СМИ: «Ложь, повторенная трижды, становится правдой». И поэтому когда он, особенно выкушав рюмку-другую «путинки», рассказывает, как он старшим школьником, в середине «золотых» шестидесятых годов катался светлыми летними ногами по бетонным (не асфальтовым!) дорогам родного города Полярного на роликовых коньках отечественного, конечно, изготовления, то отравленные ядовитыми словесными жалами СМИ собеседники, приторно-ядовито улыбаясь, на всякий случай согласно кивали головами. А наиболее интеллигентные из

них задумчиво переводили тему разговора на дежа вю — явление ложной памяти.

◆ Николка успешно перешел в десятый класс. Им, последним могиканам хрущевской «одинадцатилетки», за девятый класс выдали даже хрусткие «корочки» о неполном среднем образовании — первый в жизни документ, не считая свидетельства о рождении и комсомольского билета.

Сколько себя он помнил с младенчества, каждое лето их большая семья уезжала на весь двухмесячный «полярный» отпуск родителей в калужскую старообрядческую деревню Дворцы — родину отца Андреяна Матвеевича, где останавливались у его сестры Натальи.

Но в этом году, хотя на дворе стояло начало июля месяца, вопрос о поездке пока висел в воздухе. Все дело в том, что Андреян только только возвратился из трехмесячного пребывания в военном санатории под Выборгом, куда его отправили после лечения в полярнинском госпитале Северного флота. — Открылись каверны «заработанного» в войну, здесь же в Арктике, туберкулеза. Вернулся он из Выборга полностью излеченным, но, оказавшись в домашней обстановке, о поездке в Дворцы пока ничего определенного не говорил, заново — после медицинского перерыва — привыкая к курению «беломора» ленинградской фабрики имени Урицкого.

Николка же не особо интересовался видами на отпуск. И так через пару лет, как только он окончит школу, семья намеревалась распрощаться с Севером и переехать в Тулуповск, где дядька отца Лазарь, бывший полковник НКВД,

уже пристраивал для семейства племянника — за божескую плату — вторую половину своего дома на пролетарской окраине города.

Но главное — отец привез ему из Выборга роликовые коньки, выпуск которых только только наладил один из заводов близ Ленинграда. Николкиному восторгу предела не было!

И еще что важно — он на какое-то время становился единственным обладателем такого кунштюка в Полярном. Коньков не имели даже его адмиральские одноклассники Ямщиков и Катасонов, хотя бы их отцы непрерывно мотались в Ленинград читать лекции курсантам ВВМЦПП*. Один адмирал вспоминал (преимущественно матерными морскими словами) о своем участии в походе бригады подлодок на Кубу во время не столь давнего Карибского кризиса**, а второй делился опытом плавания на атомных лодках первого поколения. За этими военными упражнениями адмиралам было явно не до коньков...

Любуясь только что вынутыми из коробки коньками и попутно размышляя о занятости ад-

---

* Высшее военно-морское училище подводного плавания. — Прим. авт.

** Во время Карибского кризиса задача прорыва американской блокады Кубы в случае начала боевых действий была возложена на Северный флот. К моменту начала блокады все советские атомные подлодки Северного флота находились на «доделках» — слишком быстро их построили в Северодвинске, да и дело новое... Поэтому на Кубу была отправлена из Полярного бригада из четырех дизельных лодок. У Кубы три из них американские противолодочные корабли вынудили всплыть. Четвертая, под командованием командира бригады, сумела уйти. — Прим. авт.

миралов, Николка в мыслях перескочил все на тот же Карибский кризис. Когда кризис случился, семейство их проживало еще на маяке острова Большой Олений. Запомнились с тех удивительно тихих, теплых летних дней два момента. Слова отца, что-де все это ему уже знакомо по июню сорок первого года — такая же тишь да гладь в северной природе и ожидание скорой войны; как человек флотский, да еще и напрямую связанный со службой наблюдения, Андреян Матвеевич многое тогда знал...

И другое, что Николка сам видел: днем и светлой ночью мимо Большого Оленьего шли на выход в Баренцево море друг за другом в кильватер и попережку крейсера и эсминцы из Североморска, подлодки, противолодочные «морские охотники» и торпедные катера из близкого Полярного. Отец пояснял с видом бывалого моремана: «Готовность номер один. Идут на Кубу», на Новую Землю, на полуостров Рыбачий — ближе к норвежской границе. Занимают боевые позиции».

Также днем и ночью из Сафоново и других аэродромов по берегам Кольского залива безостановочно летели курсом норд-норд-вест тяжело груженные транспортные и десантные самолеты — для усиления на Земле Франца-Иосифа дивизии первого удара по натовским базам в Исландии и Шотландии.

...Через год семья перебралась в Полярный. В конце июля Николка отправился со школьным дружбаном Сашкой Белозеровым пособирать уже перезревающей морошки. Был как раз главный в городе праздник — День военно-морского флота, поэтому на пригородных соп-

ках, куда ни кинь взгляд, живописно расположились сам-трое отдыхающие матросы и ундеры*. Перед каждой группой на расстеленных листах североморской «На страже Заполярья» веселилась на солнышке одна, а то и две водочные бутылки, приобретенные у бутлеггеров** из Старого Полярного по устоявшейся твердой цене — пять рублей, окруженные вскрытыми банками из щедрого сухпайка подводников: твердый сыр с тмином, консервированная же колбаса, красная икра, всевозможные рыбные консервы в масле и в томате, калиброванная по весу и длине таранка. Даже неуместные к водке стограммовые полотки черного шоколада с вафельными стенками. Все с военной интендантской приемкой.

Как раз и имея в виду пренебрегаемый мореманами шоколад, насобирав по кило морошки, Николка с Сашкой взяли курс на двух — почему-то без третьего — ундеров: поздравить с флотским праздником. За что и были приглашены «к столу», к шоколадным полоткам, по форме смахивающим на увеличенные пластилиновые палочки.

Как тут же выяснилось, оба ундера, один старшина первой статьи, другой — второй, были годками*** и заодно с военно-морским днем отмечали «сто дней до приказа», готовились на

---

* От «унтера» — флотское прозвание старшин.— Прим. авт.

** В зонах базирования Северного флота в те времена соблюдался полный «сухой закон». — Прим. авт.

*** То есть одного года призыва и, как правило, служащие на одном корабле. Это как «земели» в сухопутных войсках.— Прим. авт.

дембель после четырехлетней службы.* Поэтому-то и бутылок у них имелось две: пол-литровая и четвертинка.

Николка же, увидев на форменках старослужащих редкостные для мирного времени серебряные медали «За боевые заслуги» (такая была у отца за Отечественную), высоко ценимую у моряков, поскольку скрещенные на медали винтовка и шашка напоминали Андреевский крест, поинтересовался причинами столь высокого отличия.

◆ Старшины, горделиво покосившись влево на медали, охотно поведали о том, что подписка не разрешала им разглашать. При этом они вполне разумно и справедливо полагали, что, во-первых, полярнинские пацаны и без них достаточно слышаны о кубинском походе кораблей Северного флота. Во-вторых, нигде окрест в маскхалатах под бурую сопочную растительность не залегли все слышащие и видящие замполиты и особоотдельцы.— Если те где и залегли, то у себя по домам на диванах после праздничного обеда все с той же контрабандной водкой. А кто помоложе, тот и вовсе в компании с женой или любовницей, соскучившейся по мужской ласке в долгих отсутствиях визави в хлопотных воинских делах. Да-да, именно в такой конкретике думали старшины, сами на четыре года отлученные от девушек-женщин и досыта нахлебавшиеся флотских борщей, которые корабельный фельдшер щедро заправлял противозобудительными препаратами брома...

---

* Тогдашняя длительность службы моряков-срочников.— Прим. авт.

Наконец, действовал неписанный закон, молча принимаемый всем служилым народом — от только что призванного салаги до матерого адмирала: в делах воинских тонкостей и служебных тайн, регламентированных флотскими уставами, гражданские лица, исключая вольнонаемных, а тем более пацаны, нигде не прописывались. А значит, их и вовсе как бы нет в той части природы, где гордо реет бело-синее знамя ВМФ СССР.

Потому что-то рассказать таким пацанам — все одно что выйти в чистое поле у себя на родине и, как болтун в известной сказке, облегчить душу исповедью в пустоте...

Конечно, о кубинском походе подлодок из Полярного Николка с Сашкой знали — все офицерские дети в городе учились в одной и единственной средней школе. Но офицер не матрос или старшина, он не сидит в праздники, да и в будни тоже, на сопочном вороничнике, рассказывая о героических дальних походах. Со своими детьми видится только в домашней обстановке, в присутствии жены и даже тещи. А что касается военных тайн, то в памяти его еще с военно-морского училища сделана зарубка слов ротного наставника: «Когда дома жена или «влево» от дома какая иная бабенка залюбопытствует насчет вашей службы, то либо баланду травите, а лучше займитесь прямым мужским делом. Помните: столько Геббельс за год не наплетет всего, сколько баба за один вечер растреплет!»

А тут Николке с Сашкой повезло: перед ними сидели два моряка с той самой флагманской подлодки бригады, отправленной из По-

лярного на прорыв блокады Кубы, что единственная сумела оторваться от американских противолодочных кораблей и, не всплывая, уйти в более безопасное место, затаиться. Так что в случае начала войны могла и авианосец штатовский потопить. За что весь экипаж лодки получил боевые награды, матросы — старшинские лычки на погоны, бывшие уже старшинами — мичманские звания, а офицеры — дополнительные звезды. До потопления авианосца со звездно-полосатым флагом дело тогда не дошло...

Захмелевшие от водки и скорой «гражданки» мореманы все в тонкостях рассказали незнакомым им ребятам о карибском походе, не забывая особо оговорить свой героизм в составе боевой части дизелистов. Главное — теперь Николка с Сашкой доподлинно знали: как американцам удалось заставить всплыть наши подлодки.

Выходило так, что во время больших наших или натовских военно-морских учений вступает в действие директива, согласно которой такое учение рассматривается противной стороной как возможный маневр перед началом боевых действий, то есть войны. Поэтому эта супротивная сторона засылает в эпицентр учения свои подлодки. Естественно, что в глубоководном погружении. Для разведки и вступления в бой, не дай бог, в случае начала войны.

Противник, конечно, не дремлет. Его противолодочные «охотники» и БПК* беспрестанно рыщут по акватории учения. Обнаружив же чужую лодку на глубине погружения, противолодочники «прилипают» к ней, отслеживая ее

---

* Большой противолодочный корабль — размером со средний крейсер.— Прим. авт.

курс, и начинают сбрасывать муляжи глубинных бомб с песком вместо взрывчатки, но с небольшим детонирующим зарядом навроде пехотного взрыв-пакета, что используется во время их же учений.

При попадании такого бочонка на корпус подлодки этот стук слышит ее экипаж. Слышат и акустики с противолодочника... Конечно, матросы да и офицеры на подлодках не того чина, чтобы знать: существует или нет некая договоренность между нашим и натовским военноморскими штабами, но командир подлодки в такой ситуации мирного времени по какой-то сверхсекретной инструкции обязан всплыть под язвительный смех на кораблях потенциального противника и, превратившись из грозы для авианосцев в примитивную мишень для любой слабосильной корабельной пушки, с позором удалиться восвояси. А как не всплыть? Никто ведь не даст гарантию того, что очередной бочонок окажется не с песком, но с тротилом? Благо все можно списать на «ошибки» при проведении боевых учений.*

Другое дело в условиях войны: там — по корабельному уставу и инструкциям — обнаруженная подлодка, исчерпав все возможности уйти, должна подвсплыть на перископную глубину и открыть веерный торпедный огонь из носовых и кормовых аппаратов по всему, что наблюдается на поверхности моря...

— ...Вот из нашей бригады,— закончил рассказ усатый старшина первой статьи,— янки

---

* Если отвлечься от официальной версии, то тому ярчайший современный пример — гибель АПЛ «Курск» близ острова Кильдина.— Прим. авт.

таким манером и выудили с глубины три лодки, только наша флагманская и ушла. Опыт у наших командира и старпома еще с Отечественной имелся! До сих пор тот стук бочонков о корпус ночами снится... Ну, салажата, берите остатки шоколада и отчаливайте. Мы сейчас с годком про баб будем балакать, вам еще рано слушать.

Николка с Сашкой, как люди воспитанные, отсыпали на обеденную газету сочной, уже чуток перезревшей морошки, отдав не по уставу честь к пустым головам, взяли курс на ближний к сопке Корабельный городок, где и разошлись в стороны своих домов: Николка через Чертов мост, соединивший по рельефу межсопочного оврага Новый и Старый Полярный, — на улицу имени геройского матроса Сивко, а Сашка — на пологую улицу героя-подводника Магомеда Гаджиева, что спускалась от их школы, оглавлявшей улицу, и упиралась в фасад Дома офицеров флота.

◆ Коньки сверкали девственной никелировкой. Четыре парных колесика на резиновом ходу на коньке давали прочную устойчивость, а подшипники на осях пар, завальцованные в обрешиненные стальные основы колесиков, делали коньки бесшумными. Главное — одевались они с помощью кожаных ремней и регулируемого, раздвижного металлического подпятника, на любую обувь, хоть на валенки принайтовывай! Хорошо продуманная система крепления давала ощущение влитости коньков в подошву ботинок. Никаких вихляний и других криво-копытностей, что так раздражает в школьных, урочных лыжах с мягкими или полужесткими креплениями... — По сравнению с жесткими ротофеллами.
...Николай Андреевич огорченно вздох-

нул, вспоминая о тех коньках. Как и все советское тех лет, как те же телевизоры, холодильники, даже столь презируемые сейчас легковушки, коньки изготавливались с расчетом на непрерывную работоспособность в течение пятидесяти или даже сотни лет. И сейчас бы Николай Андреевич, вызывая изумление своими скоростями у парковой публики, тряхнул бы старинной на асфальтовых дорожках. Увы, вмешался, как любят сейчас все подряд оправдываться по телевизору, пресловутый «человеческий фактор». — Явно калька с американского.

Два весенне-летних сезона он откатался на коньках в Полярном. И по переезду семьи в Тулуповск, будучи студентом, он катался летними вечерами по городским тротуарам Косолученской рабочей окраины. На зиму же коньки ставились на одну из полок хозяйственного сарая во дворе дома.

Привыкнув на Севере к маячной бане, да еще по старообрядческой брезгливости не жалуя общественных моечных заведений, Андреев Матвеевич как-то взялся за строительный инструмент (он все умел делать) и в половине сарая соорудил настоящую баню-каменку. Поскольку с дровами в городе туго, то топить пришлось углем. А уголь, как горючий материал, очень коварен: вроде все сгорело, погасло, но какие-то угольки еще долго скрыто тлеют. Не досмотришь — и вот тебе пожар!

Так случилось зимой и с самопальной Андреевской баней: запылал сарай ночью. В итоге — по доносу добрых соседей — штраф от административно-пожарной инспекции, от коньков остались только стальные остовы. Сгорели лыжи всех

трех братьев и казенный — от спорткружка школы — гоночный велосипед младшего из них, Сергея. Кроме коньков Николай (уже не Николка!) лишился и двух ящиков радиодеталей, привезенных с Севера. Удар для активного радиолюбителя-конструктора, что называется, ниже пояса.

◆ Погрустив о досрочной кончине роликовых коньков, Николай Андреевич вернулся к воспоминаниям. И сбросивший на лето свою шубу с пуховым подшерстком кот Арамис, устав отдыхать перед третьим за сутки сном, взгромоздился на подоконник, немигаючи глядел на хозяина и ждал продолжения мысленных его мемуаров.

Коту надоело весь день валяться то на правом, то на левом боку, поэтому он решил здесь же на подоконнике сделать обычное для его породы физкультурное упражнение — размять косточки. То есть этот зверек встает на лапы, сначала выгибает этаким верблюдом вверх спину и мелко дрожит изогнутым вопросительным знаком хвостом, становясь похожим на какую-то замысловатую букву из арабского алфавита навроде развернутой на девяносто градусов буквицы «кха» или «сад». Затем он резко подается вперед усатой мордой, опять же до осязаемой дрожи вытягивая лапы. И в заключении делает то же упражнение, но подаваясь корпусом назад. Как рассказывал — не Арамису, конечно, а Николаю Андреевичу его приятель, доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета их университета, два таких минутных упражнения в сутки у котиков равноценны изнурительным многочасовым спортивным гимнастическим у людей... Оно и понятно: человек спит в сутки восемь часов, а куда остальное время девать?

Кот же дрыхнет двадцать часов; ему некогда заниматься физкультурными излишествами.

И вот на последнем упражнении, в котором задействованы выпущенные когти передних лап, Арамис зацепился ими намертво за газету, служившую ему подстилкой на подоконнике. Пришлось Николаю Андреяновичу выручать кота, отцепляя поочередно когтистые лапы от газеты.

«Экий ты, брат, неловкий, — добродушно сказал Николай Андреянович, — раз любишь цепляться, так и отшвартовываться надо уметь! Вот как я в детстве: прицеплюсь на своих роликах к машине с тихим ходом, доеду куда нужно — и отчаливаю. Учись!»

...Нет, ну никак нельзя перейти к сладостным воспоминаниям! — Только отцепил кота от газеты и поучительно рассказал ему, как он в полярном зацеплялся-отцеплялся от машин, идущих на малой скорости, как по ассоциации в голову полезла всякая чертовщина из обрыдливших теле- и радиопередач, где дикторы из штанов (дикторши — из микротрусиков типа «нитка через зад») выскакивают, норовя в очередной раз испоганить великий русский язык, к месту, чаще — не к месту, ввернув либо американское жаргонное слово, либо же исковеркав русское на американский лад.

Утром за завтраком по закоренелой советской привычке Николай Андреянович включает кухонный репродуктор: послушать прогноз погоды — брать с собой зонтик или оставить дома. Но до прогноза поневоле приходится выслушивать удивительно однообразные новостистарости: доблестная Антанта, имея в памяти ливийскую нефть, в очередной раз нанесла

авиабомбовый удар по Социалистической Джамахирии; президент Лукашенко никак не хочет сдаться на милость победителям — российским олигархам; в Дагестане стреляют по всему, что движется, а на Волго-Вятских просторах (пару лет назад на Дальнем Востоке) планомерно, с периодичностью раз в неделю, взрываются ракетно-артиллерийские арсеналы...

К прогнозу Николай Андреевич уже ввел в организм пару индюшачьих котлет — ох трудно подделать, например, из мяса кенгуру или сусликов — с гарниром из рассыпчатой гречки, приступил к чаепитию. Поэтому лень вставать, чтобы выключить радиоточку. А из нее уже льется ежеутренняя передача-болтовня пары «диктор-дикторша» на заданную тему.

Вот сегодняшним утром речь в течение часа шла о таком животрепещущем явлении современности, как хулиганство пацанов, которые либо на роликах своих китайских зацепляются за машины или трамваи в Москве, либо же «зацепляются», то есть забираются на вагонные площадки железнодорожных товарняков и едут себе верст за пятьдесят-сто, а то и более.

Дело понятное и всегдашнее со времен перехода от конной тяги к «чугунке». Николай Андреевич и внимания бы в другое время не обратил на ежеутреннюю трепотню дикторов, которую затем сменит шестичасовая реклама БАД¹ов и чудо-аппаратов биорезонансной терапии, но его прямо-таки ужалил новый термин: *зацепинг*. Так выходило по-дикторски, что пацаны сейчас, цепляясь, не хулиганством, а зецепингом — неким видом спорта и «протеста против отсутствия в современной России гло-

бальных молодежных программ» — занимаются. Иногда дикторы путались и называли этот полуспорт-полупротест *прицепингом*.

Спорт этот они же оба (в брюках и в стрингах) относили к *экстриму*. — Через «и» — на американский опять же лад.

...Порой Николай Андреевич даже восхищался: как же сейчас — с подачи СМИ, конечно — умеют «облагородить» все понятия, которые в нормальные времена полагались либо предосудительными, либо второсортными. Так уже никто, исключая людей старого закала, не говорит таких слов, как «торгаш, торгует»... Нет, говорят: «занимается продажами». Это как раньше: «занимается космическими исследованиями»!

И слово «покупать» уже вытеснено американским «шопингом». Правда, с последним иногда случается конфуз. Буквально на днях, раскуривая сигаретку на свежем воздухе, на балконе поутру, после завтрака, услышал Николай Андреевич диалог Аллки с Любкой. Вчера они подрались, не поделив выброшенный кем-то из богатеньких на дворовую помойку почти новый женский плащ турецкого производства, а сегодня с утра помирились, дружно критиковали работу новой дворничихи-таджички, не понимавшей ни слова по-русски...

— Алл! Чегой-то второй день внучки твоей не вижу?

— Да она с подружкой, что имеет машину и родичей в Москве, туды укатила.

— А зачем?

— Да этим... *жопингом* заниматься.

...Даже любимое им «Радио Орфей» увлеклось американизацией. Опять же на днях после

прослушивания тридцать шестой симфонии Моцарта дикторша с трепетом в голосе объявила: «А сейчас вы услышите нашего дорогого гостя — руководителя оркестра ударных инструментов Марка Пекарского. Тема нашей с ним беседы: гармонизация перкуссиизма. Ни много, ни мало...

Бедный, бедный русский язык... Но почему же бедный? Николай Андреевич чуть было не сел на любимого конька, дескать, русский язык обладает чудесным качеством самоочищения. Вот почти два века все привилегированные сословия царской России говорили по-французски. А что сейчас от этого осталось? — Да несколько бранных слов (как от татарского нашествия тож): шваль, шантрапа, шарамыжник.

Дай, бог, чтобы то же самое случилось и с нынешней американщиной. Ведь русский язык здесь можно уподобить той же пирамиде Хеопса. Стоит она сорок с лишним веков в продуваемой знойными ветрами из Нубийской пустыни долине Нила и снисходительно невидящими глазами наблюдает над мельтешащим окрест народом: археологами и туристами со всего света.

А те все изъяны ищут: и углы у пирамиды неровные и несоосные форме тетраэдра, и блоки-камни разного размера, и пивной с фаст-фудом поблизости нет — это для туристов...

Пирамида же с воплощенной в камне душой фараона Хеопса усмехается, положив на всех них свой сфинкс.

Усмехнулся Николай Андреевич своему удачно-грубоватому сравнению и все же окончательно и бесповоротно ушел в воспоминания своего заполярного детства.

◆ В начале третьего часа светлейшей ночи Николка, сидевший у кухонного окна, дочитал шестой том собрания сочинений Виктора Гюго. Подумал было взяться за седьмой, но поостерегся: на днях заведующая абонементом районной библиотеки Нина Тимофеевна заметила, записывая в его формуляр очередную пачку книг: «Николай! Тебе еще два года учиться, то есть жить в Полярном, а ты уже больше половины нашего, не столь уж и малого, фонда прочитал. Ты рассчитай так, чтобы к отъезду на материк без пищи духовной, как говорят, не остаться!»

Опять же роликовые коньки, хотя и обкатанные, требовали совершенствования практики. Но самый главный довод — отложить чтение и размяться на замерших «ночью» полярнинских дорогах — это сообщение Сашки Белозерова, что-де в Кислой губе уже неделю у пирса без всякой видимой цели стоит на швартовых очень даже странная посуда: огромная, широченная в своих пузатых бортах, деревянная — сколоченная явно в Соломбалах или Кандалакше* из десяти-пятнадцатидюймовых брусьев. Словно шлюпка-шестерня, то есть на шесть весел, увеличенная до размеров эсминца, но с бóльшим тоннажем ввиду пузатости «посудины». На палубе только кормовая капитанская рубка. Две мачты, но, судя по всему, была еще и средняя, самая высокая, спиленная за ненужностью, ибо и на реях двух оставшихся никаких признаков парусов. Вместо них уже при переделке судна установили дизель.

---

* Небольшие городки, соответственно, в Архангельской и Мурманской областях, где едва не с новгородских времен строили деревянные суда — вплоть до 50-х гг. XX века. — Прим. авт.

Еще Сашка выразился в том смысле, что это некогда был трехмачтовый барк-сухогруз, а теперь непонятно что. Может для маскировки от космической разведки натовцев на нем подвозят в Полярный крылатые ракеты для атомных подводных лодок...

— Да-да,— съехидничал Никола, зная хорошо увлекающуюся натуру другана,— и вообще на этой посудине для маскировки весь запас атомных боеголовок для Северного флота хранится!

— Знаешь что,— обиделся Сашка,— сам дуёй в Кислую и пораздумывай: что там делает у пирса эта деревянная калоша.

Вот почему Николка, отложив чтение седьмого тома собрания сочинений автора «Собора Парижской богородицы» до следующей светлой ночи, решил совместить приятное с полезным: размять ноги на роликах и хорошенько рассмотреть странную деревянную «посудину».

Надев удобные под коньки демисезонные ботинки на толстой резиновой подошве, рассовал по карманам темно-синей вельветовой куртки «под пояс» все обычное для ночных прогулок: спички, перочинный ножик с шестью предметами, включая отвертку, моток бечевки — непонятно зачем, но на всякий случай, авторучку и маленький блокнотик, только этой весной купленный ему родителями транзисторный приемник, завернутые в вощеную бумагу два бутерброда: с краковской колбасой и с салом с мясной прослойкой.

В левом нагрудном кармане обнаружил кубинскую сигару «Монте-Карло» в алюминиевой трубке с завинчивающейся крышкой. Всевозмож-

ные сорта сигар появились во всех магазинах страны — ценой от тридцати до шестидесяти копеек — после Карибского кризиса. Отец смеялся: «Американские буржуи их сейчас через третьи-четвертые страны покупают по двадцать-тридцать долларов за штуку, а у нас пацаны для баловства за копейки!»

Действительно, взрослые мужики, смоля «беломор» и «приму», а офицеры «Казбек» и сигареты «Тройка» с золотым ободком, только ухмылялись, глядя на витрины с десятью сортами «гаван». Покупали их для форсу только некурящие школьники.

Николка же купил за пятьдесят копеек сигару ради тубы. Ему, как радиолобителю-конструктору, она очень даже подходила для хранения всякой нужной мелочи: резисторов, транзисторов и маленьких слюдяных конденсаторов марки СГМ. Но и саму сигару жалко было без пользы для доброго дела просто положить куда ни попадя.

Пробовал было предложить ее отцу. Даже выбрал подходящий момент, когда тот девятого мая распивал на кухне бутылку контрабандной водки с соседом — латышом Верейкисом, дальним родственником знаменитого революционера, работавшем начальником участка на городской телефонной станции.

Отец, с наслаждением закулив явскую беломорину, сигару отверг, попутно прочитав короткую лекцию:

— В мире, Кольк, выращивают всего два сорта табака: турецкий и американский. Да еще французы сделали селекцию одного с другим и курят свой черный табак. Но это не в счет, да

и далеко не все лягушатники этот свой капотэн смолят.

Курение — дело тонкое. Если будешь когда курить, что не советую, сам поймешь. Поэтому нам, то есть всей Европе, Азии, а также Африке и Австралии, дымящим турецким, закурить американский — все одно что мне, как учившемуся в калужском молочном техникуме, съесть хоть одну ложку фабричной сметаны. Деревенскую можно... Или вот Карлу, — Верейкис подтвердил наклоном головы, — от рождения пьющему только водку и самогон, поднести стакан сухого вина.

Так что, Кольк, запаковывай свою сигару в обрат, отдашь какому-нибудь мореману. На дармовщину.

◆ Чуть помедлив, он вернул сигару в давешний карман куртки и вышел на улицу, прихватив в кладовке коньки.

На северной стороне, в промежутке между финскими домами Верейкиса и сундука* Зимина, на треть утопленное в матовом зеркале моря нежарко освещало этот заполярный край покрасневшее ночью, не слепящее глаза солнце. На него же немигаючи, с умильным выражением морды смотрел овчарочий пес Верейкиса Рекс, принайтованный длинной цепью к своей будке.

Будка была сгоношена Карлом Вилисовичем, как уважительно звала соседа Николкина мать, из добротной, почти в дюйм толщиной, досчато-фанерной тары, окрашенной в зеленый

---

* В просторечии — мичман. Это как в пехоте старшин зовут кусками, а в авиации — макаронниками (в описываемое время звания прапорщика еще не было).— Прим. авт.

военный цвет. На одной стороне будки-тары значилась оранжевая эмблема: три лепестка, похожие на мальтийский крест. Как на серебряном рублевике Павла Первого, что имелся в николкиной коллекции. Только с четырьмя, конечно, лепестками. Из уроков гражданской обороны он знал: это эмблема радиации.

Самое интересное, что когда прошлым летом Верейкис решил — от греха подальше — закрасить эмблему зеленой же краской, то Рекс то ли случайно, а может и с собачьим умыслом, перевернул лапой банку с краской, поставленную для почина работы Карлом на землю. Краска вылилась, Верейкис выругался по-русски и по-латышски, сплюнул и более на нравящуюся Рексу эмблему не покушался.

Пес же, увидев Николку, вскочил на лапы, размахался хвостом и радостно заскулил. Верейкис охотно разрешил Николке по ночам прогуливать овчарку на поводке. Николка показал Рексу коньки, тот вздохнул и снова, присев, уставился на неуставное для ночи солнце.

Николка же сбежал со своей пологой сопки, произвольно — где имелись более или менее ровные скалистые площадки — застроенной финскими домиками, носившими название улицы имени геройского матроса-катерника Сивко, обогнул единственный в Старом Полярном каменный жилой трехэтажный дом и спустился по лестнице на главную бетонную дорогу. Дорога эта, извиваясь между городских сопок и озер, соединяла все пирсы и склады-пещеры всего Полярного: Старого и Нового.

◆ Для разминки ног, надев коньки, Николка поначалу двинулся в противоположную Ки-

слоей губе сторону. И собственно для раскатки, а главное — посмотреть на большое озеро Песковатое, основное летнее купальное место города. В частности, проверить: купаются ли по ночному времени, как то было два дня назад, абсолютно голые стройбатовский сержант Петро Симоненко, шофер из хохлов, и Верка-давалка, добрая толстая деваха из коммунхозовского общежития, что стояло на озерном берегу. Но, видно, Петро с Веркой женились в ее комнатухе, на озере никого не наблюдалось. А Николка какое-то время отработывал технику катания по бетонке: закрыв глаза, отсчитывая ногами размер бетонной плиты-ячейки, в нужный момент подпрыгивал на коньках, перескакивал расселину между ними. А вообще-то поджидал тихоходную машину, следующую в сторону Кислой.

Таковая не замедлила показаться из-за скалы напротив Песковского озера, которую дорога огибала со стороны окраины Нового Полярного.

В кабине медленно идущего военного МАЗа кроме матроса-водителя сидел еще один, зажимая между колен карабин. Ага, с грузом, значит. Груз Николка увидел, когда умеренно урчащая машина с забрезентненным кузовом проследовала мимо стоящего на обочине конькобежца: на трехосном прицепе под таким же брезентом четко угадывались две торпеды, причем, с открытыми винтовыми хвостовиками. На одном из них, на самом конце прицепа сидел матрос с одинокой, сиротливой лычкой на погонах*. В правой руке он держал дымя-

---

* То есть старший матрос; чин, равный пехотному ефрейтору.— Прим. авт

щуюся папиросу, судя по запаху донесшегося до Николки дыма — курский «Север», отвратнее которого, как говорил отец, только сушеный конский навоз. Лево́й же мореман придерживал на коленях маленький оранжевый флажок, который по уставу он должен был демонстрировать на вытянутой руке на уровне своей головы.

Судя по мечтательному выражению лица, дозволенным негласными правилами старослужащим усам и полнейшему равнодушию к появлению пацана, что прицепился к тросовому крюку, на торпеде сидел дембель разряда «сто дней до приказа», непыльно оттрубивший свои четыре года* на берегу по ведомству автотракторного управления флота. Отсюда и сиротская лычка, и одинокий значок классности на форменке.

Налюбовавшись вдосталь темно-синим безоблачным небушком, «страшный матрос» все же снизошел до попутчика:

— Что, и у нас начали такие коньки делать?

— Ага, отец из Выборга привез. А ты на дембель собрался, годок?

— Какой я тебе, салага, годок! Впрочем, да, на дембель компас курс повернул.

— На сверхсрочную будешь оставаться?

— Тьфу! — Матрос поперхнулся дымом папиросы, — я что тебе, хохол что ли, чтобы лычки выслуживать и в сундуки метить? Нет, меня невеста на Белгородчине ждет. Как приеду — сразу женюсь, ребятенка Надьке своей запроектирую для крепости семьи, а сам в сельхозтехникум определюсь по авточасти. Тетка у

---

* Тогдашний срок службы во флоте. — Прим. авт.

меня колхозный пред, пишет, что уже направление мне на учебу написано и проштемпелевано. Пройду заочные курсы и стану главный механиком в колхозе. А ты, салага, куда по ночному времени собрался? Рыбалить что ли? А-а, ты без удочки...

— Я до Кислой. Дела кой-какие есть.

— Так с нами не доедешь. Мы рулим на пятый склад.

— Ничего, там дальше все под гору, самокатом почти до самого пирса докачу. Хочешь сигару выкурить?

Не дожидаясь ответа от озадаченного дембеля-мечтателя, Николка левой, не занятой рукой вытащил из кармана сигару и протянул матросу.

— Только упаковку, трубу то есть, мне верни.

Мореман отвинтил колпачок, вынул сигару, снова завинтил и отдал Николке. С интересом и вдумчиво понюхал сигару:

— Да-а, не приходилось еще такой баловаться...

— Ты кончик-то откуси, а будешь курить, так не затягивайся. Забери в рот дым, выдохни медленно и носом в себя вбирай!

— Мал ты еще дембеля учить. В кино видели, как буржуи их курят.

Матрос достал из кармана ножик, похилее, чем у Николки, всего с четырьмя предметами, аккуратно отрезал кончик сигары, зажег спичку, закурил.

— Крепко, но душевно,— прокомментировал он первые две-три затяжки.

◆ Меж тем мазовский тягач, прицеп с топедрами и примкнувшим к ним Николкой ми-

новал Старое Полярное. Проплыли они мимо стоявших по обе стороны улицы-дороги одно- и двухэтажных жилых домов — бревенчатых и обшитых лесенкой досчатыми планками, мимо магазинов: гастронома, овощного и хлебного. Около здания почты, тоже одноэтажного деревянного, дорога круто взяла вправо, оставив по левую сторону стройбатовский клуб, где вечером «давали кино» для всех желающих, райбиблиотеку и двухэтажную, кирпичную районную* же больницу для гражданских. А справа — гражданская же столовая, за которой обширная болотистая низина и далее — городское подсобное хозяйство с теплицами, коровником и птичником.

Еще раз дорога свернула под прямым углом, но уже влево, и потянулась вплотную к отвесной скале высокой сопки, на пологой вершине которой расположилась радиостанция дальней связи с кораблями с большим антенным полем.

Машина-тягач начала притормаживать. Собеседник Николки аккуратно срезал своим хитрым перочинником отгоревшую часть сигары, а солидный еще охнарик уложил в нагрудный карман форменки.

— Все, салага, приплыли. Ты давай отцепляйся, а то может из хранилища сундук какой выскочить — меня же и облает. Не дай, бог, моему начальству звякнет — можно так и во вторую очередь дембеля попасть, на два месяца службу продлить... Прощевай, салага!

— И тебе, годок, скорой гражданки!

---

* До начала описываемого времени Полярный, старейший город на Кольском полуострове, являлся районным. Затем центр района был переведен в Североморск.— Прим. авт.

При слове «годок» матрос слегка поморщился от такого обращения, но тут же принял уставное выражение лица, с хвостовика торпеды пересел на жесткий откидной от борта прицепа стульчик и вытянул руку с оранжевым сигнальным флажком. Стоп-гюйсом — по-флотски.

Тягач с прицепом осторожно свернул на боковое ответвление бетонки и остановился перед огромными стальными воротами, окрашенными под скальный цвет. Наружный вахтенный, но уже не с карабином, но с автоматом, снял с вделанного в гранит аппарата тяжелую бронированную телефонную трубку, что-то сказал, искоса глядя на номерную табличку машины. Тотчас ворота со скрежетом разъехались, тягач с прицепом въехали в выдолбленную с помощью динамита пещеру-хранилище. Ворота вновь съехались.

Заметив Николку, стоящего на противоположной обочине дороги, караульный, явно первогодок, еще не проникнутый чувством либерализма к городским пацанам, прикрикнул:

— А ну марш отседова! Не положено тут стоять и смотреть!

— Чтоб тебе, салага, дембельнуть с пустыми погонами! — Огрызнулся Николка и покатил себе дальше, до близкого поворота вправо и под полуметровый пологий спуск в низину Кислой губы.

Заодно вспомнил, что зимой караульный перед воротами хранилища облачен в шубу, поверх которой еще накинут тулуп. Автомат висит на воротнике шубы под расстегнутым тулупом, на ногах валенки с галошами, а шапка-ушанка постыдно для моряков завязана под подбородком.

◆ Еще раз, напоследок, резко свернув

вправо, дорога пошла под горку, а Николка только успевал переставлять ноги через стыки бетонных плит. Чтобы не слишком разгоняться, он вертел школьную синусоиду во всю ширину дороги. Впрочем, ему больше нравилось другое наименование этой кривой линии: косинусоида.

Оставив слева новое трехэтажное здание городского хлебозавода, а справа городское же кладбище, где за сотни тысяч лет течения Кислого ручья намыло трехметровый, пригодный для могил слой илистой земли и торфа, Николка выехал на низинную, ровную часть дороги.

До самого пирса справа тянулся вдоль нее трехметровый бетонный забор, за которым располагалась (хорошо видно, если забраться на противоположную сопочку) большая забетонированная площадь для различных манипуляций с крылатыми ракетами, что складировались в совсем недавно выдолбленной тем же динамитом скальной пещере-хранилище.

Бетонка закончилась перед бревенчатым настилом из брусьев единственного в городе полугражданского пирса. У него швартовались пассажирские катера из Мурманска, Североморска, а также причаливали и катера, идущие дальше: на Рыбачий, Кильдин, поселки и становища Терского берега Кольского полуострова.

На этом же пирсе причальный кран разгружал стройматериалы, продовольствие и всякую магазинную мануфактуру с прибывавших из Мурманска барж: самоходных и буксируемых.

Подкатив к месту швартовки барка, Николка восторженно присвистнул: да, такого он и в кино про пиратов и знаменитых адмиралов не видел! Все как Сашка Белозеров рассказывал. Не соврал, знать.

Ни одной живой души на просторной досчатой палубе. Медленно раскатывая вдоль странной посуды, Николка доехал до ее кормы — прямо напротив КПП, что у лестницы, спускающейся вниз, к воде, к низенькому причалу для пассажирских катеров. Облокотясь на поручни, там лениво беседовали два дежурных матроса. И они обратили внимание на Николку:

— Эй, пацан, курева нет?

— Нет, годки, — нарочитым баском ответил он, — только что последнюю сигару отдал дембелю.

Те посмеялись и в рассеянности начали рассматривать матовую гладь залива, косясь в мурманскую сторону. Видать, мысли их устремились к нескорой гражданской жизни.

Чудаки, думал Николка, и что они все так стремятся поскорее уехать из этих прекрасных мест в свои белгородские и курские деревни? Чудаки...

Николка, хорошо рисовавший, достал блокнот и ручку, чтобы набросать контуры барка, но один из матросов запрещающее махнул рукой, а потом той же рукой указал на близкий мол, недавно насыпанный из камней прорываемой пещеры. За молом — почему Николка сразу и не заметил, стояла пришвартованная, крутобокая, лишь на пару метров выступающая из воды атомная подлодка, готовясь загружаться «крылатками».

Николка убрал в карман блокнот и покотил в сторону пассажирского вокзальчика, где в зале ожидания по раннеутреннему времени в полудреме сидели на скамьях со спинками всего несколько человек. Не спеша принялся за бутерброды, а потом все же по памяти зарисовал

в блокнот барк. Заодно и подводную лодку у пирса-мола. Незаметно для себя тоже задремал.

◆ Продремал он, судя по всему, не более длины школьного урока, а проснулся на звуки вокзального динамика, исполнившего гимн Советского Союза. Шесть утра. Именно это время Николка и ожидал.

После гимна и утренних известий из динамика полилась хорошо знакомая по школьным урокам музыки «Ода к радости» из девятой симфонии Бетховена. Под эту бодрящую музыку уже все ожидающие пробудились, взглянули на круглые настенные часы, подхватили свои баулы с чемоданами и тронулись в сторону КПП.

Запив давешние бутерброды кипяченой водой из бачка с принайтованной к нему цепочкой матросской (не солдатской же, конечно!) алюминиевой кружкой, Николка тоже выкатился из вокзальчика. Прямо напротив с пыхтением разворачивался единственный в городе пассажирский автобус, которого собственно он и дожидался, а с моря к причалу с КПП подруливал на малых оборотах ранний мурманский катер. По расписанию в такую рань он ходил только с конца мая по окончанию августа месяца. — Опять же по расписанию он угадывался под раннеутренний поезд «Ленинград — Мурманск».

Не желая отказать себе в удовольствии, он подкатил к КПП. Катер пришвартовался, по лестнице с причала на высокий пирс через створы КПП пошли прибывшие пассажиры. Дежурные матросы документов у них не спрашивали — это делали их годки при погрузке в Мурманск. У них задача другая: равнодушно глядя, как неподконтрольные им штатские волокут сум-

ками и даже чемоданами запретную в городе водку, они мстительно приказывали открывать для показа всю тару у военных, то есть, в основном, офицеров, вплоть до капрангов* (адмиралы на пассажирских катерах не ходили).

Обнаружив же две-три бутылки, матросы изымали их из багажа, после чего один из них, взяв по посудине в руки, наклонялся над перилами. Лихо разбивал их друг о друга — и все это улетало в воду.

Везло только офицерам, прибывшим с женами: сам гвардеец проходил через КПП рука-в-брюки, а его супружница сгибалась под тяжестью поклажи с запретным плодом.

Налюбовавшись чужой бедой, Николка, обгоняя прибывших, подкатил к автобусу, снял коньки и занял престижное место в первом ряду.

Понятие платы за проезд здесь не существовало. Из автобуса Николка выше на остановке у старополярнинского гастронома и уже через пять минут вошел в свой дом. В кладовке аккуратно протер ветошью коньки от пыли и поставил их на законное место на левой средней полке.

◆ На кухне мать уже растапливала печь. На Николку внимания не обратила. Все остальные еще спали. Прошел в дальнюю комнату, его с братьями спаленку с крохотным, размером с обычную форточку, окном, летом завешанным куском портьерной ткани. Так удобно: кто хочет — ночью спит, а кто и днем.— Для всех полутьма.

Николка разделся, лег на свою койку и мгновенно заснул. Сон ему виделся из самой обыденной жизни, счастливый и легкий.

---

* Капитан первого ранга.— Прим. авт.

Снилась только что прошедшая ночь, но только у него еще нет роликовых коньков, а Сашка Белозеров ничего ему не говорил о странном судне у пирса Кислой губы. Поэтому, дочитав шестой том автора страданий Квазимо-до в начале третьего часа, он решил перед сном немного проветриться.

Вышел из дома, подошел к дому Карла Верейкиса, где ему навстречу поднялся на все свои четыре лапы радостно привизгивающий Рекс. Отцепил от его ошейника карабин цепи, заменив цепь на поводок, что всегда летом висел на гвозде справа от входной двери дома.

Пройдя меж домов невеликой улицы имени матроса Сивко, вышел, попридерживая возбужденную овчарку, на край глубокого оврага-расселины между сопок, разделявшего Новый и Старый Полярные. Сел на неостывший еще со дня большой плоский камень, отпустив Рекса порезвиться на безлюдье. А тот и рад: кругами крутается вокруг камня и Николки, подбегает к опасному, отвесному скалистому краю оврага. А потом и вовсе валяется кверху брюхом и лапами на небольшой травянистой лужайке. Словом, пес сам себе занятие на воле всегда найдет. Не требует внимания Николки, не отвлекает от мечтательных размышлений.

А размышления его горделивые: за Северный флот, за всю великую свою страну с четырьмя могучими флотами, Каспийской, Средиземноморской и Индоокеанской флотилиями, авиационными и сухопутными многими армиями и военными округами.

Взять тот же Полярный, одну из многих флотских баз. Вот сейчас середина ночи, хотя и

светлой, крайнесеверной, но все же — ночи по стрелкам часов. В обычном, гражданском городе, селе, деревне жизнь замирает.

Здесь тоже людей на улицах не видно почти, но флотские дела не делят сутки на утро-день-вечер-ночь.

Посмотрел Николка вправо, где ущелье-овраг, расширившись, переходит в пирсы Екатерининской гавани. А перед пирсами стоит похоже на заводской цех здание, из которого на половину города круглосуточно доносится drobный стук мощных дизелей и свистящее шипение насосов: это закачивают в огромные бронебольные баллоны сжиженный воздух. А от кислородной станции, так ее попросту называют, баллоны на тягачах развозят вправо и влево по пирсам на подводные дизельные лодки, две эскадры которых базируются в Екатерининской гавани.

А влево, уже на краю Нового Полярного, в небольших бухтах рядами стоят десятки торпедных катеров и противолодочных морских «охотников». И сама акватория Екатерининской гавани не пуста. Между пирсами время от времени шлепают буксиры, что-то развозя. Из гавани в Кольский залив входят и выходят служебные катера «аркашки» — от их сокращенного названия «РК». Над гаванью несутся гудки, сигнальные просвисты и подвывания.

За бухтами с торпедниками и морскими охотниками — самая высокая в окрестности города сопка Ледовая. На ее верхней площадке — хозяйство ПВО, оберегающее город и корабли.

А за Ледовой — губа Пала, берега которой заняты причалами, доками и цехами судо-

ремонтного завода. Флотского, конечно. Тоже работает круглосуточно.

На самых малых оборотах вошла в Екатерининскую гавань вернувшаяся с задания подлодка, направляясь к своему месту швартования у пирса.

Со стороны Кислой губы донесся пронзительный свистящий звук. Это проверяют на специальных стендах движки крылатых ракет.

Нет, не спит ночью военно-морской город!

...Как-то Николка, вернувшись под вечер домой, застал на кухне отца с незнакомыми капитаном второго ранга, распивавшими по какому-то поводу бутылку. Кивнув вошедшему, кавторанг продолжил ранее начатое: «...И Никита после Карибского кризиса одумался, перестал крейсера резать на металлолом. Заводы в Северодвинске и амурском Комсомольске все новые и новые стапели под атомные лодки строят. Это хорошо, конечно, но вряд ли Кукурузнику даром пройдет загубленные надводный флот, дальнобойная артиллерия и двухсоттысячное увольнение офицерского состава».*

И еще Николка знал, что не только в середине ночи военная жизнь идет планомерно на суше и на море. Она не затихает и под скалами в рукотворных пещерах-складах, где дежурные сундуки и интендантские офицеры озабоченно ходят мимо бесконечно длинных стеллажей, сверяя с записями в конторкорректных журналах инвентарные номера воинского

---

* Так оно и случилось ближайшей же — по времени повествования — осенью, когда Хрущев в одночасье превратился в пенсионера союзного значения (то есть 160 рублей в месяц). — Прим. авт.

имущества: от торпед и ракет до банок тушенки стратегического резерва...

Какая мощь! Какая четкая флотская организованность и порядок! Как хорошо и спокойно жить в стране, так надежно защищенной от любого врага! Как говорит их историчка Белла Нурьевна, жена каперанга Джугоева, Героя Советского Союза, любящая ввернуть какую-нибудь фразу по-латыни: «Пара пакем — пара беллум». То есть, хочешь мира — готовься к войне.

Восторженный сон Николки длился до двух часов пополудни, пока мать не разбудила его обедать.

...Закончив воспоминания, Николай Андреевич позавидовал Николке: ведь тому судьба отпустила еще тридцать с лишком лет такого вот счастья.

А Николай Андреевич перешел к делам сегодняшним: стал вспоминать все, что знал о бортянском олигархе Сысоеве, о котором ему много чего рассказал бортянский журналист Галактионов, с которым он как-то двое суток проживал в одном гостиничном номере в Москве, будучи командированным на научную конференцию.

**НОВЕЛЛА ВТОРАЯ:
РАССКАЗ БОГАДЕПКИ**

◆ В пятидесяти километрах от Бортянска, крупного промышленного города... впрочем, промышленного в принятом понятии — в прошлом, также в прошлом и города областного подчинения, первенца сталинских пятилеток, на берегу невеликой речки Ясенки расположилось еще со времен суворовских поселений отставных солдат село Клебаново. Опять же село в не таком уж далеком прошлом, а ныне вяло живущее в старости своих насельников село.

Взамен умерших племсовхоза, маслобойного завода и свинооткормочного комплекса с колбасно-сосисочным цехом областная епархия на государственные жертвования отреставрировала церковь, где недавно присланный отец Владимир*, выпускник Московской духовной семинарии*, служит службы и справляет немногочисленные требы для села и опустевших окрестных деревень.

Впрочем, одно учреждение от советских времен осталось: Дом престарелых. Опять же следует уточнить: прежде это было что-то вроде санатория-интерната, в котором вышедшие на пенсию окрестные сельские учителя проживали при обострении хворей по паре-тройке месяцев. Оставшиеся же одинокими в серьезной старости проживали постоянно. Но таких не много наблюдалось.

Теперь двухэтажное бревенчатое здание с немногими хозяйственными постройками во дворе все именуют богадельней. Уже с навечно за-

---

* То есть окончил семинарский курс в МДАиС — Московской духовной академии и семинарии, что находится в Троице-Сергиевой лавре в городе Сергиевом Посаде; бывш Загорске. — Прим. авт.

крепленными здесь постояльцами, в большинстве своем — старушками за семьдесят. Прибывают же они сюда, в основном, из Бортянска и даже из областного центра, ибо в окрестных селах и деревнях мужики до богадельного возраста не доживают, спиваются, а для самых одряхлевших одиноких старушек селиться в богадельню считается зазорным.

◆ С конца зимы постояльцы Дома престарелых с некоторым удивлением наблюдали за явным улучшением их жизни. Составлявшие половину призреваемых отставные учительши, как политически грамотные, склонны были объяснять это результатами прошлогодних скандальных думских выборов, а особенно — только что отгремевшими выборами президентскими. То есть, толковали они между собой, после выборов власть-то хотя вроде и прежняя осталась, да решила заняться страной, порядок поднавести и о простом народе чуток позаботиться.

Известные же скептики богадельские старики Архипыч и Георгич, учитель и зооветеринар, оставшиеся к восьмому десятку бобылями, подтрунивали над слабыми умом женщинами: держи, мол, карман шире! Позаботилась щука о карасе! За четверть века все в стране разворовали-распродали, довели народ до нищеты и ущербности в головах — только теперь и осталось им, чиновникам как о народе заботиться! Нет, товарищи женщины-бабы, здесь что-то другое. Иначе как объяснить такое вот шефство над нами, сирыми и убогими...

Однако чем ближе к святой пасхе, тем жизнь в Доме престарелых тянулась к лучшему. Словно как островок советской власти снизошел

на окраину сельца Клебанова, а именно между церковью и пологим берегом речки Ясенки, где огородилась хилым штакетником доселе забытая богом и властью богадельня.

Спешно перекрыли под шифер аварийно прохудившуюся еще в девяностые годы крышу. Причем не халтурщики-гастарбайтеры выводили ее под конек, а серьезная бригада подрядно-ремонтной артели из Бортянска в неделю управились без малого. Заодно основательно подновили фасад, а вместо заваливающегося штакетника окружили Дом престарелых со всеми его хозяйственными окрашенным в веселый розовый цвет забором из шпунтованных досок-полутордьюмовок.

Уже другая бортянская бригада из двух малярш-штукатурш и плотника с подмастерьем к Первомаю основательно прошлись по внутренностям дома. Человек скоро привыкает к хорошему; уже и богоделки перессорились друг с другом во время вынужденных при ремонте временных переселений-подселений...

В завершение больших ремонтных действий заменили старую, плохонькую сборную мебелишку — от кроватей до тумбочек и шкафчиков дешевой, но крепкой, однотонной мебелью Медынского древкомбината из соседней области. Новый автоклав в прачечной комнате установили. Но главная радость — в общей гостиной комнате, расширенной за счет упраздненного завхозовского чулана-кладовки, повесили две недорогие люстры, вместо клубных, сбитых пятерками стульев вдоль трех стен расположили мягкие полукреслица и даже пару угловых диванчиков. А впритык к четвертой, оконной стене установили на ни-

зеньком лакированном столике огромный телевизор, именовавшийся домовым начальством — директоршей и завхозом — «плазмой». Кабель от нее выходил на улицу, где под крышей установили спутниковую антенну-тарелку. Старушки пришли в полный восторг: сто с лишним программ! Смотри — не хочу!

Да-да, иронизировали Архипыч с Георгием, теперь этими «плазмой» и «спутником» остатки ваших мозгов по кабелю в космос задвинутся!

◆ Старые люди — не кинозвезды на постоянной диете, любят поесть. Они перешли уже опасный возрастной барьер, так что всякие там холестерин, сахар-глюкоза, жиры и прочие докторские докуки им не угрожают. И водочка по воскресным и праздничным дням Архипычу с Георгием, заодно и завхозу в их компании, не приносит с трех-четырёх стопок гипертонического вреда...

Самое интересное: питание в Доме престарелых заметно улучшилось: борщи и щи стали наваристей, гречка потеснила перловку и ячменную кашу, появились салаты, мясо в приварок, винегрет с селедочкой и зеленым горошком. Возвратился добрый советский четверг — рыбный день (среда — партийный, но его не вернули...).

Разленившиеся за многие годы бескормицы обе поварихи поначалу ворчали, но и их увлекла наступившая осмысленность жизни богадельни.

Хотя и стары годами постоялицы, но женское любопытство только растёт с годами. Так и этак подъезжали они к завхозу и директорше за объяснением свалившихся благоденствий. Завхоз отвечал загадочной присказкой: «Козы-

рай от рубля!» А Надежда Юрьевна, измученная хлопотами, в прямом смысле уходила от расспросов, бормоча про себя: «Как вот все это в бухгалтерию-то перевести...»

Но верх назойливого любопытства постоянцев Дома престарелых пришелся на основательный, почти капитальный ремонт небольшой, в один этаж, пристройки к торцу южного крыла основного здания. Также бревенчаторубленная, пристройка эта, впритык к стене дома, но без двери в него, была построена еще в санаторные времена для медпункта. Но последний очень скоро перевели на второй этаж, а в аппендикс этот заселили бездетную пару — сторожа с дворничихой. В середине девяностых для всеобщей экономии эти должности упразднили, но пару эту не выселили, предложив заниматься все тем же за кормежку и крышу над головой - поставили на кошт богадельни. Но в позапрошлом году, решив, что пенсии и кур во дворе им хватит на дожитие, сторож с дворничихой покинули богадельню, заняв выморочную избенку в сельце.

А пока алчный до всяких кладовок и амбаров завхоз прикидывал — под какие нужды «прихватизировать» пристройку, и наступило время великих перемен. И после ремонта основного здания бригада отделочниц с плотниками занялась «аппендиксом». Наружный, с улицы, вход сохранили, но прорубили вход с дверью в здание — как раз, в торце коридора первого этажа.

После ремонта получилась как бы отдельная квартира с достаточно просторной комнатой о двух окошках и отделенная досчатой перегородкой кухонька с газовой плитой — справа и

что-то навроде кладовки — слева. А прямо напротив арки-двери в комнату — вход с улицы с тамбуром для тепла.

Штукатурку кухоньки побелили, а комнату оклеили веселыми обоями. Меблировали все от той же Медынской древфабрики, включая пару приставленных к стене книжных секций-стеллажей. Это особо заинтересовало богаделок.

После Троицы в эту квартиру заселилась и новая постоянщица, бывшая учительница из Бортянска, только разменявшая восьмой десяток Нина Тимофеевна. На пикапе-грузовичке с ней приехал нехитрый скарб, кое-что из мелкой мебели и достаточно много книг. Две обитательницы Дома престарелых, ранее учительствовавшие в Бортянске, тотчас ее узнали и мигом возобновили ранее шапочное знакомство.

Представляя новоприбывшую, Надежда Юрьевна высказалась в том смысле, что все жилые комнаты в основном здании на сегодняшний день заполнены, поэтому «пора нам осваивать и отремонтированную пристройку. Вот в ней Нина Тимофеевна пока и поселится».

Но, поскольку Архипыч с Георгичем со смыслом хмыкнули при слове «пока», а главное — видимо директорша уладила бухгалтерскую доуку в райсобесе, Надежда Юрьевна — все равно скоро это станет секретом полишинеля, пояснила ситуацию: «Нина Тимофеевна будет полноправным членом нашего дружного коллектива без каких-либо привилегий и прочего: во всех обязанностях, общем столе и любом другом обслуживании. Тем более, не она одна будет проживать в комнате без соседей. К тому же она добровольно внесла на счет на-

шего учреждения серьезную сумму, что, вкупе с предвыборными отчислениями по линии соцстраха, и позволили нам основательно отремонтировать и существенно укрепить нашу материальную базу. Вопросы есть? — Вопросов нет. Добро пожаловать, уважаемая Нина Тимофеевна!»

◆ Когда Нина Тимофеевна, родная тетка бортянского «олигарха» Артема Сысоева, с лихих девяностых носившего устойчивое прозвище-погоняло — Сысой, скромно отметив свое семидесятилетие (чему радоваться-то?), решила все же покинуть ставший ей ненавистным Бортянск, то перед ней и встал вопрос вопросов ее жизни: а куда податься?

Севастопольский брат Василий, капитан второго ранга в отставке, с искренним радушием звал ее к себе в несколько опустевшую после разъезда детей трехкомнатную квартиру рядом с Малаховым курганом, но... она, как всякий пожилой человек, уже не хотела отъезжать далеко от родных мест. Но не хотелось и в деревенский родительский дом неподалеку: пугала многолетняя закованность его после кончины престарелых родителей своих и не очень-то и старых брата Андрея с супругой — родителей Сысы.

Сам же Сысой, с которым она уже несколько лет даже по телефону не хотела разговаривать, как-то узнав об устремлениях тетки, предложил через своего юрисконсульта Бориса Карловича, которого единственного из окружения племянника Нина Тимофеевна уважала, купить ей приличный дом в любом районном городе.

Но она, во-первых, и копейки в голодный

день не взяла бы у Сыся; во-вторых, ей и так не хватало после ухода из школы в своей двухкомнатной бортянской квартире людского общения.

Жить как бы отдельно, но в то же время и с людьми — вот как мыслилась ей жизнь на покое. Монастырь — не для нее, в начале девяностых осознанно поменявшей партбилет члена КПСС на таковой же от КПРФ. К тому же из случайного разговора с монашкой из не дальней обители, бывшей учительницей, она поняла, что современный женский монастырь — почти полный аналог школьного женского коллектива...

При всей холерической специфике школьной жизни есть существенное достоинство: все в этой среде наробраза в рамках города и района друг друга знают и при случае дадут дельный совет и даже помогут. Если, конечно, и сами в накладе не останутся.

Так и на этот раз получилось. Будучи на юбилее, только на десять лет меньше чем ее собственный, у школьной товарки, Нина Тимофеевна разговорилась по-бабьи с родственницей именинницы, лет на двадцать ее моложе, директором Дома престарелых в селе Клебанове Надеждой Юрьевной.

Узнав о желании пожилой собеседницы уехать из города и «уединиться среди людей», Надежда Юрьевна воскликнула:

— Да к нам давайте! И отсюда сорок минут езды на рейсовом автобусе, и пусть название Дома престарелых не пугает. Никаких бомжей и столетних ведьм-кощеев. Так получилось, что основной контингент — люди с устремле-

ниями, чем-то напоминающими ваши. Преобладают ваши коллеги-учителя. А глядя на них и более простые наши постояльцы подтягиваются к интеллигентности. Природа и места наши спокойные, красивые. Конечно, надо самой посмотреть — приглашаю вас, дорогая Нина Тимофеевна.

Бедновато, конечно, живем, но дружно. Главное, повторяюсь, спокойно.

Кстати говоря, дорогая Нина Тимофеевна, если вы располагаете ну-у, не очень большими, но ощутимыми средствами — я имею в виду, конечно, вашего племянника, — то вы смогли бы устроиться у нас с определенными удобствами. Извините, что я о меркантильном, ведь на мне хозяйство, не очень-то опекаемое властями...

Узнав же, что Нина Тимофеевна у племянника и гроша не возьмет, Надежда Юрьевна подсказала другой возможный вариант:

— Конечно, квартиру вам свою здесь продавать не стоит. Мало ли что. Но ведь ее можно за хорошие деньги сдавать: квартира в центре города, в «сталинском» доме, двухкомнатная. А на химкомбинате, как говорит моя двоюродная сестра, что в бухгалтерии работает, работают по контракту много иностранных специалистов. Покупать им квартиры на два-три года контракта ни к чему. Гостиница не всех устраивает.

...Недели полторы Нина Тимофеевна сначала как о пустяшном, но потом уже серьезно думала о необычном, неожиданном предложении случайной знакомой. Все еще колеблясь, сама себе не давая ответа «да — нет», как-то вечером позвонила на мобильник Надежды Юрьев-

на и договорилась о «смотровом» приезде в Клебаново.

◆ Домой Нина Тимофеевна возвратилась с двойким чувством. Возможное будущее местожительство ей понравилось, особенно отводимая ей «полуавтономная» пристройка. И обговоренная сумма ежемесячного платежа — с учетом дохода от сдаваемой квартиры — вполне посильная.

Но возник трудноразрешимый вопрос: Надежда Юрьевна, как дама деловая, поставила его в следующей формулировке. Чтобы поселиться, необходимо основательно отремонтировать пристройку, а свободных денег у директорши нет. Нужен первоначальный взнос, который, конечно же будет засчитан при последующих помесечных платежах.

Она уже предварительно разговаривала с двоюродной сестрой, бухгалтершей химкомбината. Постояльцы на квартиру Нины Тимофеевны всегда найдутся, даже с полугодовой предоплатой, которой и хватит на ремонт пристройки, но где Нина Тимофеевна будет жить это время — от сдачи квартиры в наем до готовности нового жилья? В Доме престарелых на общих основаниях перекантоваться? — Это крайний, нежелательный для нее вариант.

Здесь-то она вспомнила о родительском деревенском доме. Он давно уже, с ранней кончины родителей Сыся, пустовал, но в середине «нулевых» годов районная администрация решила привести в порядок документацию по сельской местности. Необходимо стало юридически оформить и наследство по этому дому. Получилось, что «больше всего надо» свалилось на

Нину Тимофеевну. Сысой за занятостью от своей доли отказался: «Даром не нужно!»

Севастопольский же брат прислал ей доверенность-отказную, а по телефону сообщил, что ему пенсии и квартиры на все и про все хватит, «так что, Нинок, бери все себе — пригодится в жизни нашей малоустроенной...». Так она и оказалась единственной владелицей.

И хотя построенный дедом, то есть ее отцом, Тимофеем для некогда большой семьи дом о четырех комнатах до сих пор смотрелся крепким и основательным, да еще при нем в официальных бумагах числились пятнадцать соток хорошей земли, много за него Нина Тимофеевна взять не надеялась. Дома в деревнях ныне ох как дешевы...

Но продавать все одно надо. Только что в их деревне лихие люди раскатали по бревнышку пустовавший дом и куда-то увезли под новый сруб. Того и гляди — до нашего доберутся...

К сожалению, Нина Тимофеевна была напрочь лишена умения торговаться и оформлять сделки продажи. Опасалась и не без оснований, что может остаться на бобах. При своем интересе.

Как всегда, помог случай — встретила на улице Сысоева юриста Бориса Карловича. Тот хотя явно и торопился по делам, но, как человек старого воспитания, остановился побеседовать с дамой.

...Женщина, если она не стерва себе на уме, даже образованная и воспитанная, в возрасте мудрости — о чем думает, о том и говорит. И Нина Тимофеевна о докуче с продажей дома рассказала очень уважаемому ею Борису Карло-

вичу. Правда, спохватившись, просила ничего не говорить патрону. Юрист с честнейшим выражением своих блестящих темно-карих глаз дал страшную одесскую клятву: «Да чтоб я жил на одну зарплату!»

Внимательно выслушав, он секунд десять подумал и обстоятельно ответил:

— Опыт у меня во всех таких делах большой, даже, извиняюсь, пришлось некогда риэлтором послужить. Не только мой совет, но и посильная помощь следующие: искать покупателя в соседних деревнях, даже в Бортянске — нестоящее дело, никто настоящей цены не даст. Надо все это делать через Москву. Там сейчас полное помешательство: каждый толстосум спит и видит себя таким помещиком в радиусе двести-триста верст от Кремля. А ваши сотки — дом им, конечно, ни к чему, дворец построят — да на берегу речки, да в нешумном месте, да недалеко от большой автомагистрали — цимес! Словом, я кое-что прикину, наведу справки и созвонюсь с вами через пару дней.

...Ну-у, голубушка Нина Тимофеевна! Какой гонорар? Оставьте эти мысли — все подружески, благо и хлопот-то мне с часок перед компьютером посидеть. Заодно и освежу свои познания в современном риэлторском бизнесе...

◆ На третий день пополудни позвонил Сысоев юрист:

— Нина Тимофеевна! Я так и знал, что вы дома, поэтому загодя не звонил. Берите паспорт, документы на дом и спускайтесь. Я жду вас с представителем московского покупателя у подъезда.

Выдержанная Нина Тимофеевна даже слег-

ка заволновалась, но через десять минут вышла из дома. Около подъезда стояли две машины: знакомая ей Бориса Карловича и — классом повыше — автомобиль с московским номером. Юрист и молодой человек, в котором тотчас угадывался по одежде и не сходящему с лица даже зимой загару столичный житель.

Борис Карлович представил Нину Тимофеевну Аркадию — представителю фирмы-покупателя. Сложное название ее Нина Тимофеевна тут же забыла.

— Значит так, дорогая Нина Тимофеевна, сейчас мы сядем втроем в мою машину — шофер Аркадия за нами поедет — и направимся к нотариусу на Комсомольской, а потом в наш самый солидный банк, филиал московского, на Индустриальной. По пути все и обсудим.

В машине, сказав дежурный комплимент, Аркадий сообщил: он уже с утра заезжал в деревню, осмотрел дом с участком, все согласовал по телефону с руководством фирмы и склонен предложить следующую цену — он по принятому в деловых кругах обычаю раскрыл блокнот и черкнул цифры.

Все же разбираясь в реалиях современной жизни, Нина Тимофеевна увиденной цифрой осталась пожалуй что довольна. Ох, женщины, женщины! С одной стороны, она и на меньшую сумму надеялась, но одновременно, мол, Москва на мелочевку не сбрасывается, втайне ожидала и несколько большего...

— Согласны, так полагаю, — утвердительно сказал Аркадий.

— Да-да, конечно, — поспешно согласилась Нина Тимофеевна и даже пошутила:

— Мне вот этих рублей как раз и хватит на задуманное мероприятие.

Оба ее спутника, секундами раньше чутко уловившие на лице женщины даже не намек, а четверть-намек на некоторую растерянность, теперь весело переглянулись и рассмеялись, а Борис Карлович пояснил:

— Ну-у, Нина Тимофеевна! Ну-у, святая простота! Эта сумма не в рублях, а в долларах — мы ведь с Аркадием люди деловые, привыкли к главной национальной валюте, ха-ха-а!

Нина Тимофеевна на какой-то миг оцепенела, затем внутренне обмякла и на все дальнейшее как бы со стороны невозмутимо смотрела, не задавая никаких вопросов. Тем более, что Борис Карлович и Аркадий у нотариуса и в банке услужливо подсказывали, где ставить подпись.

Покончив с делами в банке, Аркадий тут же в вестибюле распрощался:

— Рад был познакомиться с вами, а с достойным Борисом Карловичем, вполне возможно, еще столкнемся по другим, более, так сказать, объемным делам. А сейчас прошу прощения: мне надо успеть в Москву на одну презентацию, а по пути еще в вашем Тулуповске в одну фирму надо заглянуть.

Аркадий ловко сделал рукой прощальный жест и стремительно подался к выходу.

— Вот пострел какой ловкий! Правильно еще Борис Николаевич говорил: будущее России в руках молодых, динамичных! Кстати, Нина Тимофеевна, с банковской карточкой умеете обращаться?

— Да-да, у нас в школе в последний год

моей работы такие зарплатные карточки ввели, а сейчас я на нее пенсию перечисляю.

— Вот и прекрасно. Но рекомендую более или менее крупные суммы снимать вот здесь, в банке.— Банкомат в кабинке, пока клиент там, охранник никого другого не впустит. Хотя сейчас и не лихие девяностые, но береженого бог бережет. Пойдемте, я вас обратно до дома подброшу.

Уже в машине Нина Тимофеевна отошла от странного состояния:

— Борис Карлович! Но почему такая сумма огромная за деревенский дом с приусадебными сотками?

Борис Карлович, посмеиваясь, все расставил по местам:

— Понимаете, Нина Тимофеевна, когда опытный юрист берется за решение задачи даже не с тремя, как в школе, а с семижды семью неизвестными, он для начала со всех сторон разглядывает эти сами неизвестные.

Так и здесь, когда через московских знакомцев вышел на фирму Аркадия. Разговаривал, по телефону, конечно, с начальником отдела фирмы по недвижимости. Как я ни расписывал ваши деревенские красоты и удобство транспортной инфраструктуры, тот явно скучал. Но когда я назвал деревню и ее месторасположение, начальник отдела взял тайм-аут на четверть часа.

Когда он перезвонил, то даже через телефонную трубку почувствовался не только его интерес, но даже плохо скрываемое вожделие-нетерпение. Тогда уже я взял тайм-аут на час-другой, сделал пару-тройку звонков, порылся в интернете и — эврика! Все понял.

Вы, наверное, из прессы и телевизора знаете, что сейчас разворачивается кампания по строительству платных автодорог, сто должны пролегать вдоль — и на некотором расстоянии — уже существующих, общедоступных дорог. Так вот, такая платная магистраль от Москвы на юг уже спроектирована в конкретной привязке к местности и должна проходить через вашу деревню, более того — вдоль речки через участок вашего же хозяйства!

Позвонил начальнику отдела, раскрыл свои козыри, дескать, давай играть в открытую, начал торговлю. Довел сумму до разумного максимума.

Ну, вот и приехали. Не надо меня благодарить. Благодаря вам я свел очень полезные для нашего бизнеса знакомства. А коль желаете все же отблагодарить — как-нибудь пригласите на ваши замечательные блины — лучшие в Бортянске! Ох, и охочь я до блинцов-то!

Да... еще один момент. Директрисе Надежде, кстати, привет ей от меня, некогда водили знакомство, отдайте не более четверти, ну-у, трети полученной суммы. Она будет без меры довольна. За проживание также не всю пенсию отдавайте. А на банковские проценты тратьтесь на себя. Квартиру же теперь и вовсе сдавать незачем.

◆ На Руси человек без прозвища — как бы и не человек. Став почетной богаделкой, как ее тотчас, хотя и беззлобно, нарекли Архипыч с Георгичем, Нина Тимофеевна сделала верный тактический ход. За пару дней обжившись в своей квартирке-пристройке, она съездила в Бортянск, а оттуда вернулась наутро на джипе сына своей соседки, бывшего ученика.

Постояльцы с интересом наблюдали, как здоровый парень не в один заход таскал из поместительной машины в пристройку почетной богаделки увесистые сумки и раздутые пакеты. Объявив любознательным, что завтра будет ее «прописка», Нина Тимофеевна едва не до полуночи с помощью давешних двух учительниц, знакомых по Бортянску кочегарила свою газовую плиту: пекла пирожки со всякой начинкой и два больших, во весь противень открытых пирога — один сладкий, с вареньем, другой с рыбными полотками. А на четырех горелках в несколько смен-перемен жарились куры и тушилось мясо с черносливом — самое полезное для умеренной диеты блюдо... Поместительный холодильник был заполнен исходным для холодных закусок. Торты и конфеты занимали угол попрохладнее. Рядом, вдоль стены выстроился взвод разноцветных бутылок со сладким вином и хорошей водкой для завхоза, Архипыча и Георгия. Уместно вписывались в эту компанию пара емкостей с коньяком.

— Шикуюшь, Тимофеевна, — уже на правах подруги заметила одна из помощниц, — небось целую пенсию, если не более того, потратила.

На другой день в урочный час Нина Тимофеевна позвала к себе отобедать, чем Господь оделил, приютское начальство: Надежду Юрьевну, завхоза, медсестру и старшую повариху.

Поднимали умеренные, дневные тосты за «нового члена нашего дружного коллектива». Нина Тимофеевна алаверды благодарила за гостеприимство и доброе к себе отношение.

После обеда Надежда Юрьевна диплома-

тично уехала по отчетным делам в Бортянск — с ночевкой.

За час до общего ужина Нина Тимофеевна с помощницами отнесли на кухню поболее половины заготовленных яств и пяток бутылочек сладкого вина. «Вот и приварок к ужину нашим старушкам», — подмигнула повариха.

На ужин же в пристройке, затянувшийся почти до полуночи, кроме помощниц-учительниц были званы еще две постоялицы, Архипыч с Георгичем и — по совету новых подруг — Зинка-вестовщица. Арихипыч, вмиг понявший цель «прописки», одобрил: «Да-да, Зинка до всех донесет каждое сказанное здесь слово не переувраши. Даже нашему дворовому Рексу и глухонемой Настасье все объяснит!»

◆ Нина Тимофеевна четко, как в методологии проверки школьных сочинений по литературе, расставила акценты своей повести на этот вечер, ориентируя ее на вопросы, которые волновали собравшихся: откуда у нее деньги, почему поселилась полуотдельно и что побудило ее поселиться в Доме престарелых?

Как педагог с сорокалетним стажем, Нина Тимофеевна сама себе вопросы не декларировала, но умело подводила к ним сотрапезников.

Поскольку Архипыч с Георгичем увлеклись редкостным здесь коньячком, успешно баловали пузатенькую бутылочку, то инициатива любопытства перешла к женской половине.

Самый волнующий вопрос для женщин — это деньги, хотя бы они им и вовсе не были нужны...

Также прекрасно зная, что в части денежных дел никакая женщина, даже самая рассуди-

тельная и потому наивная в реальной жизни, никогда и ничему не поверит, особенно если это истинная правда, Нина Тимофеевна позволила себе уместное лукавство. Да, мол, имелись кой-какие накопления — все же сколько лет в школе завучем проработала, да к тому же имеет звание заслуженной учительницы. Потом хотя и не дорого, но дом деревенский продала. Даже помощь севастопольского брата для пущей убедительности приплела...

Главное, как говорится, вопрос вопросов с повестки дня был снят.

Второй вопрос так поднял Георгич, отвлекшись от закусочных пирожков с грибами и маслинами — личного кулинарного хозяйки застолья. Она же ответила более обстоятельно и без лукавства:

— ...Понимаете, дорогие мои, я давно уже живу одна, а днем — в самой гуще народа: коллеги-учителя, школьники, их родители. А пожилому человеку, хотя и ощущаю себя далеко не старухой, очень тяжело, даже вредно для здоровья менять образ жизни. Вот потому-то и оговорила здесь нечто напоминающее бортянскую жизнь: вроде и в коллективе, а в то же время и свой угол...

Здесь встрял и очень уместно Архипыч:

— А почему и не пожить человеку как ему удобнее, если деньги на то нашлись? Ведь сейчас нет нашей родной советской власти! Есть деньги — живи, нет — приспособляйся!

Этот довод слегка запьяневшего Архипыча полностью успокоил любопытствующих, но Нина Тимофеевна все же продолжила:

— ...Удобства-то для себя удобствами, но я

привыкла и не мешать никому. У вас здесь распорядок дня, как во всяком социальном учреждении, а я за одиноким проживанием и проверкой бесчисленных школьных тетрадей с сочинениями и изложениями, устойчиво привыкла сдвигать этот распорядок в более поздние часы, раньше полуночи, а то и первого часа ночи ложиться спать совершенно напрасно. Еще хуже — до двух-трех в постели проворочаюсь, а утром встану с тяжестью в голове и во всем организме.

— Но теперь-то тетрадок не будет, может и пораньше научишься засыпать, — возразила одна из новообетенных подруг.

— Да нет, от привычек нескольких десятилетий уже не отойдешь. Во-первых, люблю почитать на сон грядущий. Во-вторых же, только не смейтесь, я ведь учительница литературы, сизмальства делала всякие записи по этому предмету, писала статьи, очерки для педагогических журналов. А последние десять лет увлекла меня мысль написать обстоятельную книгу о русских женщинах-поэтах девятнадцатого века. Какие имена из женской поэзии сейчас на слуху? — Ахматова да Цветаева — и все? Но это уже двадцатый век, к тому же обе эти очень талантливые поэтессы скорее исключение, чем правило, в женской поэзии. Цветаева так и во все, извините, в поэзии — мужик в юбке...

А из девятнадцатого века никто и ничего не вспомнит (лицо Нины Тимофеевны порозовело и помолодело даже не от пары выпитых рюмок вина...). Вот в прошлом году исполнилось двести лет Евдокии Ростопчиной, прекрасного поэта пушкинской поры, да ведь даже

«Литературная газета» только скупыми строками вспомнила!

Вот я и взялась, в силу моих слабых литературных сил, за этот труд. Потому с собой сюда и взяла почти что все книги по теме, что собирала много лет.

А писать могу только поздним вечером, в начале ночи, да еще люблю при этом чаек хороший попивать. Для этого и плиту газовую попросила установить. Не думайте, что, закрыв обе двери, буду себе разносолы на ней готовить!

◆ Архипыча с Георгием уже тянуло на песни, когда Нина Тимофеевна подошла к главному вопросу, требующему разъяснения.

— ...На последнем курсе Тулуповского пединститута я вышла замуж тож за дипломника, только из технического института в Тулуповске. Подружки завидовали: сама из деревни, а уже и замуж выскочила, да жених с квартирой оказался.— Это ведь тогда большая редкость была: молодая семья со своим жильем, да еще почти в центре, двухкомнатная...

Тогда, в первой половине шестидесятых годов, при новом первом секретаре обкома Иване Харлампиевиче в Тулуповске началось большое строительство. Прямо на глазах прежде сплошь деревянный город исчезал, уступая место пятиэтажкам. И родительский дом мужа под снос попал, а прописано в нем народа было много, несколько квартир дали, одна и нам, молодоженам, досталась.

Поначалу все хорошо шло, даже получалось — слишком хорошо: квартира, обходительный и заботливый муж... Я в школу пошла работать, а муж в военный научно-исследова-

тельский институт. Правда, его сразу там при­метили, часто ездил в командировки в Москву, на уральские заводы, месяцами сидел на поли­гоне под Горьким, Астраханью, в Казахстане.

А я родить все никак не могла: два выки­дыша подряд. Муж же очень хотел детей. Я его ни тогда, ни сейчас не обвиняю, но... все же очень быстро нашел себе новую жену в Москве, куда и перебрался с повышением по должности. Но квартиру мне оставил и все нападки своих родственников на нее напрочь отбил.

Больше замуж выходить не решилась, при­выкла к одиночеству. А когда в родной дерев­не очень рано умер брат Андрей, а вслед за ним и его жена, то забрала к себе племянника Артема. Вместо матери ему была, когда он последние два класса школы в городе заканчи­вал и учился в институте. И он мне тем же отвечал, хотя характером был жестковатый, наверное, в деда Тимофея, судя по рассказам того о своей малоустроенной молодости в два­дцатые-тридцатые годы.

На дворе стояли самые лютые и голодные начальные девяностые годы, но Артем уже был человеком нового отношения к жизни. К окон­чанию института, словно повторяя мое начало взрослой жизни, женился, но уже — не скры­вал этого от меня — по расчету на дебелой де­вице-однокурснице, зато единственной дочери важной административной «шишки» из Бортян­ска, куда тотчас и перебрался на все готовое.

...Опять я осталась одна, но — ненадолго. Артем настойчиво советовал тоже в Бортянск перебираться: не одна хоть в городе будет, до родной деревни полчаса езды на автобусе —

оставшихся родственников проведывать. Главное, огромный химкомбинат как-то быстро захватили иностранцы, город не голодает, хотя и не роскошествует. Артем же и обмен удачный квартирный устроил.

— В лучшую бортянскую школу сразу за вучем взяли. Подружилась с женой племянника, но ненадолго. Истинно, добро без худа, переиначивая пословицу, только в сказках. Так и со мной уже во второй раз в жизни случилось.

Резко пошел Артем по несправедному пути, шел напролом, как поговаривали — через трупы порой. К тридцати годам стал признанным полукриминальным авторитетом, много чего в городе под себя подмял.

У меня хотя и мужнина фамилия осталась, но Бортянск не тот город, где затеряться можно. Много чего сама натерпелась в девятые годы: и в лицо на улице за племянника плевали, школьные коллеги то подлащивались, то сторонились. Раз даже едва в заложницы не взяли...

К началу двухтысячных, нулевых, как сейчас говорят, годов весь крупный криминал легализовался. И Артем вроде как внешне остепенился, но глаза мои на него и его делишки уже смотреть не могли: пьянки, бабы, забитая жена, а главное — алчность без меры. Хорошо хоть обеих дочерей сам догадался от всего неприглядного в Англию отправить учиться.

Говорят: стерпится — слюбится. Но не по мне все это. Такой уж уродилась и воспиталась. Год от года все сильнее зрело желание уехать из города. Остальное все сами уже знаете.

...Но вечер закончился хорошо, по-русски. Архипыч принес баян, начались песни. После

сытного ужина «с приваром» заходили по-двое, по-трое другие богаделки, поздравляли Нину Тимофеевну с новосельем, подсаживались на пять-десять минут к гостеприимному столу. Даже для танцев времени и места хватило. Архипыч — не отрываясь от баяна — с Георгием баловали вторую коньячную бутылку, недопитую деликатно днем завхозом с медсестрой.

◆ Прошло первое лето, и наступила первая осень новой жизни Нины Тимофеевны. Отношения ее с богаделками и, тем более с начальством, вполне сложились. Зинка-вестовщица, любительница поесть, забегала порой на полчаса, уминая предложенное из холодильника, запивала очень хорошим, дорогим чаем, докладывала обстановку в хозяйстве Надежды Юрьевны.

Иногда в банный день, но дипломатично не чаще одного-двух раз в месяц, покашливая, заходили Архипыч с Георгием, просили сотенку до пенсии. Жалея мужиков, ибо водка у азербайджанки Ренаты, державшей в селе магазинчик, не отличалась качеством, Нина Тимофеевна «билет в Большой» не давала, а доставала из того же холодильника припасенную с последней поездки в Бортянск бутылку приличного розлива.

Осень в этот ее первый год выдалась ровная, сухая и теплая: сентябрь как продолжение последней декады августа, а начало октября — настоящая пейзажная золотая осень.

В такой раннеоктябрьский день Нина Тимофеевна на пару дней съездила в Бортянск: походить по книжным магазинам, посидеть в очень даже недурной районной библиотеке, ку-

пить нехитрых гостинцев для новообретенных клебановских подруг, а также прибраться в квартире, убрать со стен и пола пыль. Известно, что пыли тем больше, чем меньше жильем становится дом...

На третье утро от прибытия она собрала сумки, готовясь идти на автовокзал, но, посмотрев на старинные напольные часы, почему-то отметила про себя: через двадцать минут, если, конечно, расписание не поменялось, отходит единственный за день автобус в сторону родной деревни. И так ей захотелось в последний раз взглянуть на бывший родительский дом, если его еще не снесли дорожные строители, что она отложила сумки и налегке заторопилась на автовокзал.

Расписание не изменилось, так что через полчаса с небольшим она вышла на взгорке — остановке автобуса, который шел дальше — к соседнему селу, конечной точке маршрута.

Посмотрела со взгорка на деревню и поразились. Никаких дорожно-строительных работ, а дом чудесным образом преобразился: с иголочки отремонтирован, крыша под новомодной черепицей, стены заново обшиты «елочкой» со сновыми плашками, выкрашенными в солидный темно-ореховый цвет.

Окна, расширенные и веселые, отсвечивали невысокое октябрьское солнце пластиком. За домом вместо прежних развалюх — сарая и хлева — поместительная беседка-веранда и аккуратный небольшой домик, явно для прислуги.

Весь участок обнесли двухметровым кирпичным забором с башенками и солидными стальными воротами. Вместо пахоты на участке

за домом — лужок с зеленой осенней высеянной травкой. А перед домом вместо высохших яблонь и слив — новые посадки уже подращенных в питомнике саженцев.

◆ Все рассмотрела нестаряющимися зоркими глазами Нина Тимофеевна. Чуток взгрустнула, но и тихо порадовалась: дом-то цел и начал новую жизнь. Как и она сама.

Все. Посмотрела и увидела. Спускаться незачем, поэтому присела на остановочную скамейку ждать обратного автобуса. И односторонняя дорога от остановки до ворот дома блестит свежим асфальтом.

К самому подходу обратного автобуса на взгорки поднялась одинокая пассажирка из деревни. Сразу ее узнала: бывшая колхозная дворничиха Лиза, уток старше ее. И она ее узнала. В пустом автобусе сели рядом, завели разговор.

Лиза и рассказала, что покупатель ее дома нагнал техники и рабочих, в месяц все преобразовали. Но живет в поместье постоянно только нестарый еще мужик, трезвый и работающий, все на участке копается, за ворота не выходит, да и куда здесь идти? Еду и все нужное, видно, хозяин ему привозит. Сам-то раз-другой в месяц на выходные приезжает. Никто из деревенских его толком и не видел: машина в ворота въезжает — и все. За забором много не увидишь, не рассмотришь. Чем-то на Артема-племянника смахивает, да ведь она-то и Артема лет двадцать не видела...

Нина Тимофеевна чуток задумалась, но махнула рукой: «Да нет, дом я московским продала, а у Артема своих домов и делов хватает».

Однако по приезду в Бортянск, отложив

отъезд в Клебаново до завтрашнего утра, не утерпела и ввечеру позвонила Борису Карловичу.

Тот звонку непритворно обрадовался, спросил о новом житье-бытье, но голос его почти неуловимо насторожился, когда Нина Тимофеевна рассказала о сегодняшней поездке. Но тут же взял себя в руки, рассмеялся:

— Дорогая Нина Тимофеевна! Какая дорога? Это же бизнес: сегодня одно, завтра другое. Я ведь в конце августа звонил тому Аркадию. Говорит, маршрут будущей платной магистрали поменяли, а его фирма все ранее купленные дома и участки с убытком для себя распродала. Это бизнес с его риском.

Я и вашим домом поинтересовался у Аркадия. Тот долго припоминал, но вспомнил: купил его под охотничий домик один делец из Тулоповска. Впрочем, я его не знаю, но сталкивался по делам в областном центре.

...Разговор с Борисом Карловичем ее успокоил. Или она сама себя заставила успокоиться? Очень запутанная сейчас жизнь в городах. Пора к себе *домой*.

**НОВЕЛЛА ТРЕТЯ:
ИСТОРИЯ БОРТЯНСКА
И ЕГО ГРАДОУПРАВЛЕН-
НИКОВ**

◆ Город Бортянск — второй по численности населения и обилию промышленности после областного центра Тулуповска. А в новейшее время, когда оборонные заводы и проектные организации последнего сведены к практическому нулю, Бортянск, скупленный на корню еще в начале девяностых транснациональными корпорациями с американской пропиской, и вовсе стал флагманом индустрии губернии.

История Бортянска, первенца сталинских пятилеток, коротка, чуть короче бывшей нашей родной советской власти, но само начало превращения глухой деревеньки Бортянские пруды, что на юге нынешней Тулуповской области, в пяти верстах от бывшего озера, из которого брала свое начало одна из крупных южнорусских рек — теперь истекает из водохранилища ГРЭС, — по сейчас окутано некоей тайной. Разумеется, от непосвященных. Да и не тайной вовсе, а просто фактом, не афишированным ни советской властью, ни нынешними СМИ. А суть дела в следующем.

Как и бывает в истории — большой и малой, — здесь удачно схлестнулись личное и государственное начала.

Из школьной истории все мы помним о нежной приязни, которую американский миллиардер, владелец гигантского концерна «Петролеум оксидентум» Хаммер* питал к молодой

---

* Воистину: не упоминай имя черта всуе! Придумать можно было интереснее, но поверьте автору здесь. Замятовав имя Хаммера, решил справиться в Интернете. Только набрал эту славную фамилию (по-немецки — молоток), как «комп» со всей базой кафедральной информации, не реагируя на новейшую программу Каспер-

советской стране и, особенно, к Владимиру Ильичу.

Мы, тогдашние наивные школьники, проникнутые глубоким чувством советского интернационализма, и не помышляли о том, какой национальности Хаммер, какая часть крови той же национальности течет в артериях и венах Владимира Ильича... Впрочем, не близость по крови заставила американского миллиардера и вождя пролетарской революции проводить долгие часы в кремлевских беседах. Речь же шла о чисто деловом: привлечении американских, как сейчас говорят, инвестиций в промышленное развитие Страны Советов.

Хаммер также по-деловому обещал все: от строительства Днепрогэса и Сталинградского тракторного завода до мануфактуры и какао-плодов. Но — за деньги.

Денег в конвертируемой валюте у молодой Советской страны, оставшейся после двух войн и двух же революций только при сохе и лаптях, не было. Поэтому совнаркому пришлось пойти по стопам Петра Первого: расплачиваться с Хаммером-посредником золотом и произведениями искусства от церкви и вообще от прежнего режима.

...А наши добрые советские учительницы умильно рассказывали нам о добром дядюшке Арманде, который до сих пор, уже в мафусаиловых годах, наезжая в Москву, обязательно не преминет привезти в дар картину, когда-то занимавшую свое место в Эрмитаже, Третьяковке

ского, поразил еще более новый вирус, который всю эту информацию накануне 1 сентября и стер. А на другой день мне принесли распечатку предупреждения о новом сверхвирусе, где значился и «Хаммер»... — Прим. авт.

или Русском музее. Да и сами школьники, тогда даже газеты читавшие, развернув вынутые утром из почтового ящика «Известия» или «Правду», с интересом смотрели на снимок, где Арманд Хаммер обнимается уже со «вторым Ильичем».

Это, так сказать, личное начало.

◆ Впрочем, условно личное, ибо Ленин-то решал в сделке с Хаммером дело архигосударственной важности: быть ли не быть Советской стране.

Но и сугубо государственное начало происходит все из тех же *США*, а именно. Где-то перед самым началом великой депрессии 20—30-х годов американский конгресс в полном соответствии с положением политэкономии Карла Маркса о вывозе в слаборазвитые страны всяких вредных производств принял закон о запрете выработки в своей стране азотно-туковых веществ. А это ведь основные продукты химии: от стиральных порошков до сельхозудобрений и взрывчатки!

Все это крайне необходимо было как для *США* — в настоящем, так и для *СССР* — в ближайшем будущем. Но у первых есть средства для солидных кредитов, техническая документация азотных комбинатов, специалисты по их строительству, главное — материалы и оборудование. У вторых же — только огромные территории, сотни тысяч землекопов и на ходу обучаемых строителей и монтажников, также ненужные на ближайшие 40—50 лет заботы и размышления об экологической составляющей будущих гигантов химического синтеза.

В итоге при посредничестве Хаммера и активном участии его фирм и концернов и нача-

лась реализация грандиозного «химического ГОЭЛРО»: строительство на территории СССР в 20—60-х годах одиннадцати азотно-туковых комбинатов. За кредиты и строительство наша страна расплачивается и по сию пору договором о разделе продукции.

И какие бы полярные страсти не кипели в отношениях между двумя странами-ль дипломатического непризнания Штатами Страны Советов до середины 50-х годов, до доверительных бесед Сталина с Рузвельтом в Тегеране и Ялте, а потом и до Карибского кризиса — но связанный в единые формулы с водородом азот исправно питал советскую экономику и также исправно поступал в Америку и Западную Европу. В твердом и сыпучем виде — по железной дороге, в жидком же — по некогда засекреченному аммиачному трубопроводу с берегов Волги до одесского причала.

И все были довольны. Тем более, что советские инженеры и японские специалисты, достраивавшие последние химкомбинаты в СССР, свели до разумного минимума вредное их влияние на окрестности.

А в новейшие времена все эти гиганты тяжелого химического синтеза, включая расположенный в узбекском Навои, перешли во владение наследников Арманда Хаммера. Круг замкнулся.

◆ Первый из хаммеровских азотных химкомбинатов начали сооружать именно в окрестностях деревеньки Бортянские пруды: все удобно для такого масштабного строительства. Для контроля и погоняла — Москва в трехстах, даже без малого, километрах. Для подвоза амери-

канского и своего груза — рядом узловая железнодорожная станция. Наконец, для трудресурсов — обилие окрестного сельского населения на малочерноземных землях, в поколениях своих попривыкшего к отхожему промыслу.

Будущий гигант химии строили образцово-показательными темпами. Сводки о сдаче все новых цехов, запуске турбин теплоэлектростанции, заполнении водохранилища, заселении целых кварталов «добротных сталинских» домов-новостроек не сходили с первых страниц «Правды», «Известий», комсомольских газет. Ушлые журналисты сшибали сверхнормативные гонорары за иллюстрированные очерки-репортажи в самом читаемом журнале «Огонек». Даже была учреждена государственная награда «Ударник Бортянск-строя».

В итоге к концу тридцатых годов комбинат полномасштабно стал выдавать на-гора сотни тысяч тонн исходного материала для взрывчатки и удобрений СССР и заокеанской державы доллара и жевательной резинки. Кока-колы тож. А на месте деревеньки Бортянские пруды стоял город, по сравнению с заводскими трубами и прямолинейными кварталами домов сталинского ампира областной Тулуповск, преимущественно застроенный еще в прошлом веке деревянными домишками, гляделся большой деревней.

Эта разница подчеркивалась и сугубо официально: Бортянск, как и все остальные города, возникшие в сталинские пятилетки вокруг новопоставленных заводов-гигантов, был выделен с окрестностями из состава области и подчинен непосредственно Москве. Даже когда на рубеже 50—60-х годов в каждой области страны появи-

лось телевидение, в единственной Тулуповской области телецентр был сооружен не в главном городе, а в Бортянске.

Наряду с химией бывшая деревенька стала и центром угледобычи. Да, наряду с телевидением, в Бортянске имелись и единственные в губернии планетарий и детская железная дорога: с паровозами, составами, только несколько уменьшенного размера, мальчишками в полной путевой форме и с уставными, неестественно серьезными лицами.

К окончанию советского времени Бортянск являлся одним из крупнейших промышленных центров не только области, но и всего народно-хозяйственного экономического пространства южного Нечерноземья. Научно-исследовательские институты и филиал солидного столичного вуза, техникумы замыкали промышленность на науку и подготовку кадров специалистов.

Несколько не повезло городу с переименованиями* его. Как и положено было для новостроек 30-х годов, Бортянск-строй получил имя одного из «железных» сталинских наркомов. К сожалению, в раннехрущевскую пору этот нарком оказался в том знаменитом списке, который заканчивался словами: «...и примкнувший к ним Шипилов». Кстати, народ наш долгое время полагал, что именно этот таинственный, мало кому знакомый по газетам Шипилов и являлся паханом чем-то не угодивших Никите Сергеевичу опальных сподвижников Вождя. Во

---

* Рекордсменами — в историческом, не только советском, времени — в части переименования являются Ленинград (ныне СПб), Луганск и Рыбинск.— Прим. авт.

всяком случае это вошло в фольклор 60—70-х годов. Чуть что — и слышалось порицательное: «...Ну ты, Петров, и примкнул к расхитителям социалистической собственности, как тот Шипилов!»*

...Ранний Хрущев, будущий (с 1964-го года) волюнтарист и пробобелист — это от имени Августа Бебеля, поступил просто. Чтобы не ломать голову выдумыванием новых названий, он повелел переименовать опальные города однобоко: по названиям их областных центров с приставкой «ново». Так на картах страны появились Новотулуповск, Новокуйбышевск и так далее. Хитро поступили с узбекским городом большой азотной химии: его наименование Навои, с одной стороны, относилось к имени классика древнеузбекской культуры, а с другой — имело явное созвучие со словом «ново»...

Новым своим наименованием жители города все остальные годы советской власти были недовольны, чувствовали себя униженными. Поэтому в самом начале демократической чумы, когда в моду вошли референдумы, все дружно проголосовали за прежнее название: Бортянск.

Круг, опять же, замкнулся.

---

* ...Опять же выдумать можно было интереснее. Был у меня знакомец с этой славной шипящей фамилией. Поскольку собрался он жениться поздно и уже натерпелся издевательских «примкнувших», то планировал взять фамилию будущей жены. Отговорила родственница — делопроизводительница ЗАГС'а, сообщив, что всех, кто берет фамилию жены, на всякий случай ставят на отметку в милиции. «Лучше буду примкнувшим, чем помеченным», — сказал он и остался Шипиловым. — Прим. авт.

◆ В советское время фамилии градоначальников, то есть председателей горисполкома, мало кто из рядовых жителей и помнил. А зачем память утруждать? — В городе порядок во всем — от работы общественного транспорта до подачи в дома холодной и горячей воды. Даже вечно мздоимная милиция ограничивала свои аппетиты стыдливými «рыжими» и «зеленышками» от неопасных нарушителей административных узаконений.

А человек, тем более советский, есть сущность быстро привыкающая к хорошему: если ему покойно и тепло, то зачем задумываться об именах тех, что организует эти качества его проживания?

...Тем более, что председатели-градоначальники менялись так редко, что их имена становились фигурами умолчания. Это как в ветхозаветной религии, где имя бога вообще запрещено произносить, называя его относительным обозначением должности: «Всесильный». И здесь также: «Председатель», а у молодежи непочтительной: «Пред».

В брежневскую же долгую эпоху и включая горбачевщину председатель в Бортянске вовсе не менялся. Так что только партийное, советское, коммунальное и заводское начальство знало его *ФИО*. Но и они порой справлялись о нем у своих секретарш.

Зато хорошо этого преда, правившего городом двадцать лет, знали местные книголюбы, завсегдааи единственного в Бортянске букинистического магазина. Дело в том, что градоначальник являлся заядлым библиофилом. А поскольку «Букнига» и горисполком располага-

лись в низине главной улицы города друг напротив друга, то редкий день, если не было у главы города партхозактива, выезда в обком или инспекторских поездок по району, тот в законный обеденный перерыв, опасливо косясь на проезжающие машины, перебежал дорогу и входил в магазин с характерным запахом залежалой бумаги.

Степанида Федоровна, работавшая продавщицей «Букниги» со дня ее основания в послевоенные годы, поначалу пробовала брать по утрам от приемщицы наиболее заметные книги, чтобы Игорь Павлович первым просмотрел новинки. Но тот вежливо, корректно пресек эту инициативу почтенной старушки: «Не надо так делать, дражайшая Степанида Федоровна. Что народ о нас подумает? А потом, выискивание книжных раритетов сродни рыбалке. Ведь для рыбака важна не выловленная мелочь, а сам процесс! Так и здесь — все удовольствие покопаться на полках, вдыхая сладостный, кремовый запах пожелтевшей бумаги. А если удастся среди разрозненных томов Короленко и детгизовских изданий Гайдара и Маршака «выловить», например, «нивское» издание Достоевского или Гамсуна, то и вовсе до конца трудовой недели настроение приподнятое!»

...Расплачиваясь за очередной «выловленный» раритет, градоначальник собирал по карманам мятые рублевки и монетное серебро, заговорщицки подмигивая добреющей от беседы со столь знаменитым покупателем продавщице: «Опять за этот месяц всю заначку от супруги на книги потратил! И откуда это, Степанида Федоровна, в этом квартале столько замеча-

тельных книг к вам приплыло?» — «А это, Игорь Павлович, сын и наследник доцента Брагинского отцову библиотеку пропивает. Стопками и полными собраниями сочинений несет!» — «Да-а? Надо будет в горотдел позвонить полковнику Доброхотову: пусть участковый возьмет на заметку, приструнит этого непутового сынка...».

А вертящиеся около «Букниги» книголюбы, в основном, барыги-перепродавцы, и вовсе занимательную байку про преда рассказывают. Будто бы раз не хватило у того пятидесяти копеек для расплаты за томик прижизненного издания Чехова. И Степанида Федоровна нехстати отвлеклась с другим покупателем, не успела сказать обычное: «В следующий раз, Игорь Павлович, занесете».

А тут к градоначальнику, озабоченно проверяющему вовсе пустые карманы, обратился интеллигентного вида посетитель, с седоватой бородкой клинышком, в очках, при галстукe и шляпе: «Милейший! У вас, я вижу, мелкая неприятность случилась?» — «Да вот, незадача, полтинника не хватает». — «Я, уважаемый, сам книгособиратель в Москве известный. Профессор Вельсгорский, позвольте представиться, здесь на научной конференции по органической химии. Не побрезгуйте, возьмите», — и профессор протянул полтинную монету.

Игорь Павлович монету взял не прежде, чем профессор вручил ему свою визитку и принял уверения о скорейшем получении означенной суммы почтовым переводом по адресу на карточке.

...Кстати, за время градоначальства предсе-

дателя-книголюба город получил на свое знамя два ордена: «Октябрьской революции» и «Трудового Красного знамени».

◆ В самом конце горбачевщины, еще до спектакля с *ГКЧП*, поняв, что, говоря словами одного из любимых им поэтов 70-х годов, на Русь «нахлынули они, иных времен татары и монголы», Игорь Павлович по-тихому ушел на пенсию. Для общения с людьми устроился на полставки «холодным», то есть без ученой степени, доцентом кафедры экономики филиала московского института, а долгие зимние вечера в городской квартире и не менее короткие летние дни на даче посвятил написанию истории родного города. Еще в запасе у него имелся проект капитального труда «Коллекционирование и частнособственнический инстинкт».

После форосского сидения Горбачева и отделения России от *СССР* в Бортянске, как и во всей стране, началась полнейшая неразбериха. То же самое и в управлении городом. Многие захотели стать градоначальниками, используя объявленные демократические свободы выбора любого начальства. Даже закодировавшийся сын и наследник доцента Брагинского одно время, пока не сорвался и не раскодировался, выставил свою кандидатуру. Однако же в полугодичном перерыве между визитами к психиатру-кодировщику Брагинского-сына чуть не выбрали в главы города, учитывая, что тот пострадал от советской власти: имел два привода в участок по пьяному дебоширству во дворе. Для демпрессы — за «политические убеждения и критику советской власти».

Самодеятельность закончилась после посе-

щения Бортянска видным столичным демократом. Тот популярно разъяснил кому надо: выбор руководителей областей и крупных промышленных городов в обязательном порядке нужно утверждать у *самого* Бурбулиса — серого кардинала новой российской власти. Еще более обязательное условие — это антисоветское прошлое кандидата и его заочное представление Бурбулису выборными от демактива области или, как в случае с Бортянском, — города.

Демобщественность Бортянска, состоящую в то время из бюджетных интеллигентов, возглавил Коля-водопроводчик — с обязательным советским десятиклассным образованием, прочитавший все труды меньшевика Георгия Валентиновича Плеханова. На решающем собрании выборщиков он и предложил кандидатуру со вкусной фамилией Балыков.

Аплодировали тут же появившемуся в зале Дома культуры химкомбината Сергею Емельяновичу стоя. Осанистый, восьмипудовый кандидат считался в городе пострадавшим от советской власти опытным хозяйственником. А причина его изгнания с высокого обкомовского поста на глухую низовку — председателем крохотного совхоза «Семеновод» имени Мичурина, что близ Бортянска — консерватизм и тупость прежнего обкомовского начальства, переоценившего новаторские идеи зав. отделом обкома по сельскому хозяйству.

...Лишь когда в начале 2000-х годов Игорь Павлович издал крохотным тиражом — на сэкономенные пенсионные — свою «Историю Бортянска», не разучившиеся к тому времени читать жители города узнали истинную причину

стремительного понижения Балыкова с генеральской должности до унтер-офицерской. В аналогиях табели в партийных рангах советского времени.

◆ Как говорят в народе: если дураком не родился, то не отчаивайся: водка и власть над людьми скоро исправят это упущение. Это точно про Балыкова: не в бровь, а в прямо в глаз. Вовсе не дурак, он окончил Смоленский филиал Тимирязевки по семеноводству. А поскольку с третьего курса, уже будучи комсоргом факультета и членом *нашей* партии, стал еще и в институтском парткоме представителем студенческой комсомолки, то жизнь его до сорокапятилетнего возраста пошла по накатанной. То есть партийная карьера в родной Тулуповской области, причем «прописанная» по хлопотной сельхозспециализации.

Пить он, конечно, пил, но в меру. А мера его, учитывая плотное телосложение с высоким ростом и косо́й саженью в плечах — генетическая память о бесчисленных предках-хлебопашцах, была сурьезной. После двух бутылок сорокаградусной, будучи на инспекторском выезде на село, для разминки и показа личного примера вместе с колхозниками грузил в кузова и полуприцепы годовалых телят, отправляемых покупателю — соседнему откормочному совхозу.

Но все же меру, как уже сказано, знал, ибо слаще водки и коньяка до этого самого сорокапятилетнего возраста для него были податливые, грудастые молодые бабы из райкомовских инструкторш и делопроизводительниц. А если выпивал подряд свыше литра, то организм начинал бастовать по части обихаживания тридцати-

тилетних инструкторш... Такая вот в его могучем теле странность имелась. Он как-то при случае даже приватно поинтересовался у заехавшего в область столичного профессора по мужской части. Но толку не вышло.

— И сколько вы выпиваете, так сказать, перед свиданием с женщиной? — поинтересовался ученый врач.

— До двух бутылок все в норме, а после трех только пару раз и могу удовлетворить. Дальше засыпаю.

— Это вы пивко имеете в виду?

— Да нет, водку или коньяк...

Здесь врач-профессор поперхнулся обкомовской семгой (дело было на именинах второго секретаря), с ужасом посмотрел на собеседника и перевел разговор на внешне-политические темы.

Свое сорокапятилетие Сергей Емельянович встретил уже в чине завсельхозотдела обкома. Иван Харлампьевич, бессменный партийный глава области, сделавший ее промышленным и сельскохозяйственным маяком для всего Нечерноземья, поздравляя, пошутил прилюдно:

— Ну вот, Емельяныч, мы с тобой и сравнялись де-факто в должностях! — И пояснил для особо тугодумных:

— При Никите-то Сергеевиче помните? — По два обкома в областях имелось: промышленный и сельскохозяйственный. Так что ты теперь и есть сельхозсекретарь!

...Как известно, несчастья к несчастью, деньги к деньгам, а к радости еще радости добавляются. Так и с Бальковым: в части добавочного счастья. Как-то на выезде в знамени-

тый на всю страну племколхоз вызвался на спор — после ужина, конечно — поднять на высоту своего роста за задние ноги, спутанные веревкой, самого здоровенного быка, выписанного за большую валюту из Западной Германии. Быка Ганса он, конечно, почти стоймя на передних ногах поставил. Немчура даже уперся рогами в землю и неожиданно, очень жалобно замычал от унижения перед столпившимися окрест коровами. Но — надорвался-таки и заработал паховую грыжу. Килу — по-деревенски.

Хирург областной больницы, сделавший удачную операцию, при выписке предупредил именитого пациента: «Первые полгода тяжестей не поднимайте и... так сказать, бессрочно интимные контакты с женщинами ограничьте двумя-тремя в неделю».

Поскольку о вреде водки врач ничего не сказал, то Сергей Емельянович даже обрадовался. Надоели ему эти податливые инструкторши. Не сами по себе, как голые в постели или на райкомовском диванчике, а своими последующими просьбами, выклянчиванием надбавки к зарплате, должности для мужа, путевки на юг для матери. И так далее.

Вздыхнул с чистой совестью Балыков — врач приказал! Ограничил круг женского общения супругой и собственной секретаршей, а меру винной порции увеличил.

◆ Жить да радоваться! Но подвели Сергея Емельяновича, как того белогвардейца из повести Пушкина, три враз выпавшие разномастные карты. А именно: увеличенная мера, природный крестьянский юмор в выпившем виде и страсть к знаниям. Особенно — последнее, учитывая,

что в смоленской Тимирязевке постигать знания не оставалось времени из-за занятости комсомольско-партийными делами.

...В тот злосчастный день, узнав с утра, что Ивана Харлампьевича вызвали в ЦК, Бальков решил в отсутствие хозяина развеяться; давно обещал проведать плодоовощной совхоз в тридцати верстах от Бортянска.

Издали завидев белую «волгу» (черная полагалась только обкомовским секретарям и главному комсомольцу области), слегка накренившись правым бортом под весом солидного завсельхозотделом, директор и парторг тотчас отдали обычные в таких случаях команды. Первый из них послал курьера на скотный двор: забить теленка или упитанного барашка. А парторг, достав из сейфа несколько двадцатипятирублевых бумажек, снарядил околачивавшегося в правлении комсомольского вожака в сельмаг за ящиком «экстры и пятком бутылок запывавшегося из-за отсутствия спроса десятизвездочного «Грэми». Бухгалтерия и секретарша уже уставляли кумачный стол в красном уголке холдными закусками и столовыми приборами. «Тэ-эк, — составлял диспозицию директор, — через полтора часа, когда из столовки принесут горячее, пусть подтягиваются из самодеятельности: Егор с баяном, балалаечники и плясуньи что рожам покрасивше.

...Веселье было в самом разгаре, когда, даже перебивая баян с балалайками и топот с привизгиванием плясунь, из раскрытой двери директорского кабинета затрезвонил требовательно телефон. Директор потянулся на звонок, а вернувшись, развел руками: «Вас спрашивают,

Сергей Емельянович — заворотделом обкома». Теперь от стола вышел гость и скоро вернулся несколько озадаченный: «Ну-у, извиняюсь, конечно, но Иван Харлампьевич вернулся из Москвы и объявил срочный сбор. Спасибо за гостеприимство! Дай, бог, не в последний раз видимся». Увы, оказалось — в последний.

...Иван Харлампьевич, с неудовольствием посмотрев на ярко-пунцовое, не соответствовавшее серой ноябрьской погоде лицо вошедшего с извинениями Балыкова, разрешающе махнул рукой:

— Садись. Знаю, что на выезде был, но семеро одного не ждут. Мы уже начали.— И продолжил:

— ...Кто-то под нас копает из вторых или третьих по рангу работников аппарата ЦК. Сам Леонид Ильич меня упрекнул в якобы имеющихся упущениях в хозяйстве нашей области!

Члены обкома насупились. Сам Леонид Ильич? Всем известно, что генсека и хозяина области связывают почти дружеские отношения еще с довоенных времен, когда они трудились на Украине на одном крупном заводе: Леонид Ильич парторгом, а Иван Харлампьевич в комсомольских вожаках состоял. А раз Сам замечания делает?

— Вот, кстати,— Иван Харлампьевич обратился в сторону Балыкова,— по твоей епархии было замечание: почему замедлился рост по мясомолочному производству? Твои предложения?

А Сергей Емельянович находился уже в той степени веселья, когда прорывался его природный крестьянский юмор. Да еще в голове вертелся давешний разговор — между первой и

второй бутылками «Грэми» с молодым, но очень ученым агрономом плодовоощного совхоза. Тот очень занимательно рассказывал о причине успехов животноводства в Аргентине. Получалось, что тамошние ковбои раз в два года перегоняют по патагонской равнине северных коров на юг, а южных — на север.

«Это, — с видом знатока сельхозпроизводства говорил агроном, — способствует тому, что в новых для себя климатических условиях организм коров значительно повышает свои резистентные возможности, что положительно сказывается на их мясном привесе и молочном удое».

Вот такое предложение — с указанием на аргентинский опыт — развеселившийся Балыков и довел до сведения обкома. Дескать, давайте тоже наших северных, с берегов Оки коров перегоним на юг области, в степную зону около Бортыанска, а оттуда и навстречу переведем тамошних коров на окские заливные луга...

Во время доклада завсельхозотделом Иван Харлампьевич широко открытыми глазами посмотрел на второго секретаря, тот на третьего, а потом все вместе удостоили вниманием заворотделом. Также обменялись взглядами прокурор и оба генерала: с красными и голубыми погонами.

В наступившей тишине Иван Харлампьевич объявил короткий перерыв:

— По внеурочному времени все вы, товарищи, исключая завсельхозотделом, явно не успели поужинать. Сходите в буфет, попейте чайку с бутербродами, а мы тут пока посоветуемся по кадровым вопросам.

Иван Харлампьевич также взглядом поприветствовал в зале обоих секретарей и заворотделом.

В малоинтересном для него буфете Сергей Емельянович отметил: все его явно избегают. Только генерал в голубых погонах, похихатывая, поинтересовался: откуда такое doskonaльное знание нравов аргентинской жизни?

...Иван Харлампьевич тоже не был обделен чувством юмора, но — специфически хохлацкого. Этот юмор заменял у него обычный для высокого начальства крик, ударение по столешнице кулаком, зловещее: «Ты мне завтра партбилет на стол положишь, если...».

— Значит так, товарищи, — обратился он к вернувшимся с перерыва, — решим попутно один небольшой оргвопрос. Мы тут посоветовались, пока вы чайком баловались, и решили, учитывая глубокие познания *бывшего* завсельхозотделом в агрономии, селекции и прочем растениеводстве, назначить его директором хронически отстающего совхоза «Семеновод» имени Мичурина. Кстати, это совсем рядом с Бортянском, так что, товарищу Балькову, заодно будет интересно порассказать тамошним животноводам об опыте аргентинских тружеников молочно-мясной отрасли.

Не будем вас задерживать, Сергей Емельянович. Зайдите в орготдел, заберите свои документы и — вставляйте на партучет в райкоме по месту новой работы.

...Вечере того злосчастного дня Бальков был нещадно бит не менее дородной своей супругой мокрой половой тряпкой по доброму своему лицу.

◆ Представлять жертву советского тоталитаризма к должности в Москву делегировали Колю-водопроводчика и директора школы для

умственно отсталых, что официально именовалась вспомогательной.— Тоже видного в городе демократа. Директору строго-настрога приказали следить, чтобы Коля-водопроводчик не увлекался цитированием трактатов меньшевика Георгия Валентиновича Плеханова.

Просидев в приемной Бурбулиса трое суток, с перерывами на сон в гостинице, ходки под вечер были приняты серым кардиналом.

Устало поднимая свои прибалтийские глаза, он невнимательно выслушал инициативников, что-то невнятное сказал — навроде того, что их интересуют, в основном, областные города. Но услышав, что бортянский гигант химического синтеза еще не акционирован, тотчас оживился, благословил кандидатуру Балькова, а в рабочем своем блокноте сделал пометку: «*Бортянск. Срчн. перег. с Ч-ом*».

Так город обрел своего первого градоначальника, демократически избранного. Три вагона паленой водки на турецком техническом спирте — для нужд избиркома — вскладчину оплатили бортянские кооператоры и руководство химкомбината, уже обсаженное американскими советниками и представителями мыльной компании «*Проктор энд Гэмбл*».

По характеру своему Сергей Емельянович, как всякий русский пьющий человек, отличался добротой, которой всегда платил за добро в свой адрес. Первым делом на новом посту он щедро отблагодарил демходоков. Директора дуршкеры сделал завгороно, или как там оно теперь называлось? Сам он не знал, но на то есть секретарша, что печатает приказы. Хотел было и Колю-водопроводчика поставить на гор-

коммухоз, но секретарша указала на отсутствие у кандидата на должность «верхнего» образования. Даже и техникума у Коли не имелось.

Опять же не задумываясь, Бальков назначил демократа-сантехника кем-то навроде городского и районного смотрящего по ведомству полномочного представителя Кремля в Тулуповской области. Кстати, самого в советском прошлом официанта в сочинском ресторане.

По этой должности Коля получил и право задействовать при необходимости расквартированную в Бортянске роту *ОМОН*'а. Также ему был куплен в тулуповском филиале столичного вуза диплом юриста-специалиста. Кроме официальных должностей обоим ходакам гарантировалось пожизненное депутатство в гордуме.

Кстати, своим градоначальством Сергей Емельянович открыл череду первых лиц Бортянска, удивительно схожих с описанными в знаменитых своих очерках о глуповцах выдающимся писателем-сатириком XIX века, служившем некоторое время в высокой должности в Тулуповске...

Сергей Емельянович в любом из двух своих обычных состояний — почти трезвый до полудня и постепенно добравший меру до захода солнца на демократическом западе — оставался человеком не только добрым, но и по-крестьянски умным. То есть прекрасно понимал, что поставлен он на должность не за какие-то заслуги, а волею случая. И главное назначение его в этом кресле — не мешать претворению в жизнь основных лозунгов новой власти: «Бери сколько сможешь взять!» — «Было ваше общее, стало мое личное!» — «Купи — продай»

и так далее. Поэтому он только усмехался, причем одобрительно, когда видел на заборе химкомбината постоянно возобновляемые хулиганствующими патриотами надпись: «Здесь продают Родину оптом и в розницу!»

«Против лома нет приема», — тихонько напевал он на мотив партийного гимна бывшей родной нашей партии, подписывая в послеобеденный час принесенные секретаршей из утренней почты бумаги, в основном, по расгосударствлению и приватизации в городе всего, что новым владельцам можно перепродать либо новым, американским владельцам химкомбината, а остальное на металлолом: цветмет — через Прибалтику в Европу, чермет — китайским купцам. Поднебесной нужно очень много передельной стали для строительства авианосцев, подводных лодок, танков и возведения на берегах реки Сунгари все новых фабрик фенолформальдегидных ядовитых пластмасс, из которых тамошние кооперативы строчат одежду и тачают обувь, которые эшелонами везут через Амур одевать-обувать россиян...

Другой сорт подписанных бумаг — просьбы представителей армянской торговой диаспоры о выделении свободных, междомовых площадок в центре города под застройку их торговыми супер- и гипермаркетами. С ними всюду конкурируют северокавказские предприниматели и уже нащупывающие тропу для глубинного российского бизнеса агенты сетевых продовольственных французских и голландских фирм.

Главное — все несут деньги: от мелочевки до «дипломатов». Сергей Емельянович, хоша и из потомственных крестьян, особой тяги к обо-

гащению не испытывал. Но ведь есть супруга, жадная как и все бабы, сын из нового поколения, сам предприниматель по торговой части... Но главное — сами несут, он и не просит!

...К вечеру трудовому введет в организм меру, а к ней добавит еще полмеры и поболее в загородном ресторанчике для приличных людей, куда зазовут хлебосольные просители, чьи бумаги сегодня уже подписаны. А входя в свою квартиру, обязательно споткнется на порожке и расшибет слегка лоб или нос. Да еще и добрая супруга своей вечно мокрой и тяжелой половой тряпкой пару-тройку раз охолонет.

Дважды летал в Америку по приглашению тамошних хозяев бортянского химкомбината — для обмена опытом решения муниципальных дел. Там Сергею Емельяновичу не понравилось: слишком много трезвых, а от таких только пакостей и жди! Единственно — попривык к виски: здорово похожа на наш самогон, к которому попривык за время директорства семеноводческим совхозом. Водяра же заокеанская не нравилась. К своей тянула. Словом, как у того Лени из *МММ*-рекламы: «Пиво у них замечательное, а водка наша лучше!»

Но дело не в питье. В те годы это не считалось предосудительным.

Вся многомиллионная чиновничья рать новой России — от районной глубинки до рубиново-звездчатых башен пила от пуза, а в разгрузочные дни все играли в лаут-теннис. Правда, как истовый крестьянский сын, Сергей Емельянович полагал спорт баловством.

Дело было в другом: перепутал как-то с похмелья две бумаги: нужную не подписал, а не-

нужную удостоил росчерка своего пера — золотого паркера, подарка американских друзей из «Проктора с Гэмблом». Последовал донос, а тут, как назло, Борис Николаевич в очередной понедельник поменял нескольких министров-капиталистов и генпрокурора. Тому тоже на новом посту выслуживаться надо, а тут и донос на бортянского голову в папке «К докладу» верхним оказался.

...С поличным взяли сына с дипломатом долларов — для передачи Сергею Емельяновичу. Позорная отставка, и до конца своих дней пришлось от суда скрываться по больницам.

Так Балыков положил добрую традицию Бортянска: уходить с поста градоначальника через прокуратуру.

Единственный, кто нарушил эту традицию, был преемник Балыкова.

◆ Сергей Емельянович оставил после себя полностью распроданный и разоренный город. Только первенец сталинских пятилеток наращивал обороты. Но от скупердяйских америкосов городу мало что перепало. Угольную же промышленность прикрыли полностью. — Ввиду общего развала народно-хозяйственной инфраструктуры страны.

Обезлошаденный, обозленный бортянский обыватель — бывший гордый советский человек — в досрочные выборы с первого тура посадил в кресло градоначальника известного далеко за пределами Бортянска человека — Героя Социалистического труда Кирилла Антоновича Нововязова, бывшего главного инженера треста «Бортянскуголь», потомственного шахтера, входившего в руководство *КПРФ*. И в гордуме

большинство взяли коммунисты. В те годы по всей стране вроде как коммунистический ренессанс наступил: многолюдные демонстрации на 7 Ноября и 1 Мая с обилием красных флагов. «Красный пояс» взял столицу в кольцо. Казалось, вот-вот и сомкнется оно со стотысячными колоннами протестующих, выводимыми на улицу Москвы неистовым Анпиловым...

Увы, новый градоначальник Бортыанска, взяв бразды правления, тотчас вспомнил из курса марксизма-ленинизма определение классиков о соотношении базиса и надстройки в обществе.

Увы, ренессанс уже стал невозможным по той причине, что базис и надстройка разошлись как в море корабли: противоположными курсами. Базис — это бортыанская промышленность и муниципальная собственность распроданы Балыковым за гроши, да и те в его с сотоварищи карманы: первая — заокеанским концернам, вторая — местным и приезжим дельцам. Надстройка — это демонстрации с кумачными стягами, пламенные речи Кирилла Антоновича перед зданием администрации под памятником Вождю.

Никак такие базис и надстройку в единое не сочленишь. Верховная же власть явно держит сторону базиса. И конституцией частная собственность, независимо от способа ее приобретения, то есть если не попал на отсидку, охраняется.

...Все же Нововязов за срок своего градоначальства... Кстати, среди глав города он оказался единственным, кто прослужил полностью этот выборный срок. Итак, он сумел на время приостановить безудержное растаскивание остатков городского имущества. Более того, кну-

том и пряником добился от заокеанских владельцев химкомбината своевременной выплаты налога в городскую казну. Приструнил и мелких торгашей по этой же части. Серьезную часть бюджета пустил на латание дыр в сфере ЖКХ: от ремонта протекающих крыш до частичной замены водопроводных труб — ровесниц города. И милиция при нем хотя бы частично переключилась с крышевания торгашей на поддержание общественного порядка.

...На второй срок его не допустила братва, неформально объединившаяся с торгашами и владельцами химкомбината. Главными их козырями в глазах электората, исключая десять вагонов вполне съедобной подмосковной водки к выборам, были следующие.

Во-первых, электорату вдалбливали, что Бортянк почти полностью лишен финансирования от Москвы, как город «красного пояса» с коммунистическим мэром и думой. Это, впрочем, соответствовало действительности.

Другой аргумент — это те подставы, которые сделали Кириллу Антоновичу во время его градоначальства хитроумные его недруги, якобы радеющие о процветании города и района. Тут посев кукурузы, навязшей на зубах всего народа еще в хрущевские времена, и неудачный первый состав администрации, куда, ссылаясь на компатриотство, влезли престарелые бывшие парторги, решив, что для них наступило время, говоря словами классика русской литературы: «Пора на пенсию, в сенат!»

Пришлось их всех уже через полгода заменить на более дееспособных: хотя и не коммунистов, но еще и не воров пока.

Но главную пакость сделали с подачи новых владельцев химиндустрии, а именно: учитывая дороговизну отечественного, сплошь приватизированного бензина и дизтоплива, подсунули идею обзавестись собственным нефтеперегонным заводиком. И приискали такой в штате Техас под демонтаж, перевозку и заново сборку в окрестностях Бортянска.

На все ушел почти полугодовой бюджет города и района. А когда заводик уже собрали и покрасили в оливковый цвет, оказалось: построенный в 1928-м году завод был изначально приспособлен под очень специфическую нефть, добываемую всего лишь из одной техасской скважины.

...Вызванные из института им. Губкина спецы посоветовали обратиться к татарским нефтепромышленникам. Вроде как у них имеются скважины с похожим «черным золотом». Но в ту пору «берите суверенитета — сколько осилите» договориться с Казанью было почти невозможно. Сложилась ситуация старой девственной притяжки: «Соседний колхоз просит навоз. Дадим? — Хрен им, сами съедим!»

Кирилл Антонович даже не переживал особо за результаты новых выборов. Вскоре по мандату ЦК КПРФ стал депутатом Госдумы.

◆ Осилив десять вагонов подмосковной водки, электорат избрал в градоначальники бывшего завкоммунхозом, сугубого практика городского хозяйства Николая Владимировича Погостникова, члена правящей партии, которую он по совковости своей в трибунных речах именвал «наша партия».

В это же время из Москвы спустили ди-

рективу об усилении вертикали власти, так что новоизбранный Погостников стал не только городским и районным головой, но и председателем местной думы. Ввиду обилия хлопотных обязанностей была введена новая штатная единица администрации: городской управляющий, которую местные газеты и радиотелевидение тотчас с восторгом нарекли на американский манер *сити-менеджер*. Ему-то Погостников и передал все хлопотные городские дела, а сам занялся? — Ну чем может заняться на Руси человек, ставший генералом? — Хотя бы и штатским. Ведь, известно, что у нас генерал — не должность, а счастье. Счастливей же человек прежде всего вспоминает свое детство: как невзгоды, так и розовые мечтания. Таковыми у Николая Владимировича оказались следующие.

Родился и вырос он на окраине города, еще застав в младенчестве последние предвоенные годы. Так получилось, что трамвай, которым очень гордились бортянцы и который появился почти в одно время с пуском первой линии в областном Тулуповске, с младенческих лет был ненавидим Колей Погостниковым по той причине, что старый дом-барак, где проживало их семейство, в одночасье оказался внутри трамвайного кольца на конечной остановке. От постоянного пронзительного скрипа разворачивающихся вагонов младенец плохо засыпал, часто терял аппетит. Эта ненависть к экологически чистому общественному транспорту впиталась в его кровь и, как пепел Клааса в одном европейском романе, стучала в его сердце и ждала своего освобождения.

Второе же, счастливое воспоминание уже с

послевоенного детства — это виденный им в клубе химкомбината трофейный немецкий фильм о фонтанах Венеции. Очень его поразили ранее въяви не виданные фонтаны.

Теперь же, став градоначальником без особых забот и обязанностей, солидный Николай Владимирович всей душой отдался исполнению детских мечтаний: ликвидации трамвая, как вида транспорта в Бортянске, и превращению города во вторую Венецию по части фонтанов.

С трамваями хорошо поначалу пошло. Главное — нашлась мощная поддержка двух групп электората: владельцев автомобилей и частных извозчиков-автолайнщиков. Первым трамваи и их рельсы мешали вольнолюбиво разъезжать на радующей душу скорости. Вторым же муниципальный транспорт мешал стахановски перевыполнять личный промтехфинплан.

Насчет автолайнщиков все понятно. Однако насчет расплодившихся автовладельцев следует отметить *nota bene*. Создание по верховной директиве мощного среднего класса торгашей и офисного планктона (они же менеджеры и офисные креветки) и наводнение страны подержанным автодерьмом с Запада и Востока привело к тому, что бывшие советские улицы и дороги, рассчитанные на разумное использование транспорта, даже в районной глубинке оказались сплошной пробкой в часы пик.

Самое существенное — не то что в районе, но и в среднем народонаселенном городе 90 %-м новым автовладельцев их авто... вовсе не нужны. Но действует принцип тусовки: как школяр Васька без мобилы за пять-десять тысяч чувствует себя как без штанов, в одних трусах, так и

рядовой торгаш или офисник Василий без автомобиля — словно в кальсонах на людях!

А лоббисты оптовых автоторговых компаний в Госдуме принимают и принимают все новые законы в пользу все большего наводнения корейским и китайским «железом» наших узких улиц и дорог.

Но — это все к слову. А в Бортянске Погостников, заранее потирая руки, уже собирался всего за пару вагонов сорокаградусной провести референдум по ликвидации трамвая, как «морально устаревшего вида транспорта, тормозящего воплощение в жизнь лозунга среднего класса — спасителя России: одна семья — два автомобиля!»

...Но удар поддых Николай Владимирович получил с той стороны, откуда вовсе не ожидал. В самый разгар подготовки к референдуму градоначальнику позвонил пресс-секретарь руководства химкомбината и сухо порекомендовал затею с референдумом отставить. «Но почему?» — На этот изумленный вопрос мэра пресс-секретарь, человек русский, из местных журналюг, пояснил: «А что, тысячные толпы работяг привозить-отвозить на комбинат его правление будет на своем ...ю?»

...Все же Николай Владимирович перцу трамвайщикам подсыпал. Во-первых, за большие деньги из госбюджета заасфальтировал трамвайные пути и законодательно разрешил автомобилям раскатывать по ним, обгоняя и перегоня трамваи. Во-вторых, добился списания почти половины хотя и старинчатых, но надежных чешских трамваев. Теперь, исключая утренний привоз и вечерний отвоз комбинатовских работяг, трамваи ходили с интервалом в три-

дцать-сорок минут. Наконец, плата за проезд уравнилась с автолайновской.

◆ «Против лома нет приема», — промурлыкал на мотив «Интернационала» Николай Владимирович, признав свое фиаско в трамвайном деле. С тем большим рвением он занялся устройением в Бортыанске второй Венеции. Вместе с Петергофом, Римом, Тюильри и Эскуриалом* вместе.

Благо иноземные управители химкомбинатом ничего против здесь не имели. Деньги они в городскую казну в качестве налогов платили, а на остальное им наплевать. А грубиян пресс-секретарь по поводу фонтанной идеи и вовсе успокоил своих иноземных хозяев; дескать, умом деловым Россиянию не понять и аршином, то есть футом с дюймами, не измерить...

На фонтанную кампанию бросили почти годовой бюджет города. Изумленные обыватели и даже мало вникающие в жизнь аборигенов члены северо- и закавказских торговых диаспор глазам своим не верили. За единый весенне-летний сезон все площади и скверы города заструились фонтанными каскадами. Самый роскошный, масляный забил на пятнадцатиметровую высоту перед зданием администрации. Днем масляные струи и брызги светились всеми цветами радуги на долгом летнем солнце, а короткой ночью — под лучами ксеноновых прожекторов. Все фонтанное оборудование поставили китайские купцы.

Фонтанирование города завершили эффектными струйными группами по центру водохранилища Бортыанской ГРЭС.

---

* Историческая резиденция испанских королей — за пределами Мадрида. — Прим. авт.

Любо-дорого стало смотреть на экраны местного телевидения, страницы местного же печатного официоза «Ударный труд». Забыв о нудных темах с протекающими крышами и часто фонтанирующими — в дополнение к искусственным водяным сооружениям — прорывами ветхого водопровода, они во всевозможных ракурсах демонстрировали устало улыбающегося градоначальника на фоне пульсирующих водяных и масляных струй. Для понта на остатки годового госбюджета зазвали делегацию от мэрии Венеции — для обмена опытом и чтобы утереть носы макаронникам.

Понятно, что, начиная с Погостникова, все последующие мэры Бортянска всенародно избирались из *нашей* партии. Которая правящая. Но волею судеб и быстротекущего времени Николай Владимирович оказался последним из могикан на посту градоначальника, то есть завершил когорту мэров старого воспитания. Нет, конечно, от денег дармовых он не отказывался. Даже поощрял руку дающую в свою берущую.

Однако слишком долго он прожил при советской власти, поэтому и не сумел полностью перевоспитаться при власти нынешней, а именно: не дошел до той очевидной истины, что денег никогда много не бывает.

Зато его *ситимен*, как стали в народе называть нововведенного управградом, был уже из новой формации, с самого начала своей должности стал хапать неумеренно, не по чину. Да так нахраписто и грубо, что возмутил таким неприличием даже областные власти и прокуратуру.

Дали фас прессе. С изумлением узнали горожане, что скромные березки и липы, которые

ми обсажены фонтаны в скверах, по отчетности службы ситимена проходят как экзотические растения навроде древовидного папоротника, выписанные за огромные деньги из Северной и Южной Америки, Африки, Австралии и Новой Зеландии.

Паровозиком за управляющим пошел в досрочную отставку и сам градоначальник. Разумеется, никого из них не посадили. Дело обычное. Фонтаны же к следующему весенне-летнему сезону частью провалились, а у других подводящие трубы полопались. Закончилась вторая Венеция. Китайский масляный фонтан Погостников последним своим приказом списал, якобы имея в виду реконструкцию площади перед зданием администрации, и перевез к себе в загородный коттедж. На память.

◆ Имея в виду трех неудачных градоначальников (Нововязова по его политической принадлежности), руководство *нашей* партии в области озаботилось потерей авторитета накануне очередных всероссийских выборов. Было рекомендовано попробовать женский вариант. Довод резонный: женщина, конечно, от рождения жадная и завидующая, но по мелочи. Брать по крупному, как правило, не может: ума не хватает. Опять же врожденная осторожность и боязнь. Но более всего — для женщины, как в детской игре, скорее важен сам процесс собирания денежных знаков — от рубля и выше, — нежели четко поставленная цель их накопления. Тратить она, конечно, любит, но старается это делать по мелочи: лучше сорок раз по разу...

Словом, следующим градоначальником Бортянска стала представительница слабого пола,

среднекрупная, владелица сети лавок и бутиков с фитотерапевтическим именем Мелисса. Накануне выборов она вступила в *нашу* партию.

Но дальше началось что-то малопонятное. Если при всех ее предшественниках, начиная с понедельника — первого послевыборного дня — фотографии нового главы города не сходили с полос газет и местных теленовостей, а радиодикторши в восторге не уставали восхищаться: «Как же нам повезло с мэром!» — то Мелисса Чугунова как-то сразу стала фигурой умолчания.

О ней помалкивали все местные *СМИ*, включая малоформатные газеты от Зюганова, Жириновского и партии «Яблоко». Периодически возникали разные слухи. То утверждали, что она ставленница Погостникова, соратница его по бизнесу, даже и вовсе родственница в третьем колене.

Не менее авторитетно — со слов людей, якобы вхожих в здание администрации — общали друг дружке в общественном транспорте или на рынке, что Мелисса, забоявшись многотрудных обязанностей градоначальника, переложила все дела на нового ситимена и технических служащих администрации, а сама убыла на пару месяцев изучать опыт ведения коммунального хозяйства в Турции, Египте и далее на Кипре... Знаток даже уточняли: на той части Кипра, где столица Никосия.

Сложилась ситуация, когда рядовой обыватель уже начал забывать фамилии действующих вроде как мэра и ситимена. Последний тоже не высовывался. Знаменитый Коля-водопроводчик, теперь главный юрист — специалист администрации, любивший демократически общаться с

народом в неформальной обстановке и начитанный не только от Плеханова, с серьезным юмором цитировал афоризм из «Законов Паркинсона»: дескать, если начальник учреждения неведомо куда исчезает на полгода, и это никак не сказывается на работе коллектива, то это значит, что курс выбран правильный.

...Как раз через полгода условного градоначальства Мелиссы власть в Бортянске как-то тихо и безо всяких выборов вновь поменялась.

◆ Женский вариант явно не прошел, но завершилась эпоха чем-либо выдающихся градоначальников — не только в Бортянске, но и по всей стране. Причина заключалась в стабилизации власти и опекаемых ею граждан: обывателей и среднелассцев. Как это ни парадоксально, но наступил период, когда все население 1/8, бывшей 1/6, части земной суши оказалось... вполне довольным образом своей жизни. Олигархия — современный эквивалент аристократии — заняли достойные места в списке лауреатов журнала «Форбс».

Расплодившийся, многомиллионный средний класс, торговцы и офисники, уверенно ели свой хлеб с красной икрой; с черной не ели, поскольку вся она в стране являлась производением пищевой химии. Совсем не дурно, даже вполне по европейско-американским меркам жили-здоровствовали тож миллионы чиновников.

Малоимущие классы — бомжи, пенсионеры, бюджетники, профессора, ныне немногочисленные фабрично-заводские рабочие и инженеры и так далее — как-то попривыкли обходиться минимально достаточным. А старшие поколения работающих или заслуженно отдыхающих

даже находили удовольствие в тихой и размеренной жизни: ни партсобраний тебе, ни призывов выполнить пятилетку за четыре с половиной года... Уже двадцать с лишком лет новой эпохи прошло, а народ старой закалки никак не мог нарадоваться, что всюду и без ограничений продается туалетная бумага.

И молодежь, как бы там не плакались о ее нелегкой судьбе газеты и телевидение, радио тож, особых неудобств не испытывала. Почти все получили условно высшее образование. Далее, кто понапористее и беспокойнее характером — тот шел в средний класс торгашей-спекулянтов и офисников. Остальные же устраивались в супермаркеты смотрящими за покупателями — груши околачивать за десять тысяч в месяц, то есть за сумму, равную средней пенсии.

Итак, с точки зрения идеологии, все население страны поделилось на два укрупненных класса. Меньший по численности жил по-ленински, то есть двигался к четкой цели: стать долларовым миллионером, а то и вовсе миллиардером, даже если эта цель так и оставалась абстракцией. Остальные же — за сто миллионов голов — придерживались троцкизма: движение — все, цель — ничто. То есть полагали, раз им мешки с деньгами не светят, то и из кожи лезть ни к чему, лишь бы на жратву, водку и кой-какую одежонку хватало.

К чему бы это такая преамбула? А к тому, что стабилизировавшийся в своих жизненных кредо где-то к середине первой капятилетки нового века народ вовсе потерял всякий интерес к персонам своих правителей: от местных, сельсоветовских, до самых высших фигур.

...Так и в Бортыанске власть и народ полностью отделились друг от друга. К обоюдному удовольствию. Потому, почитай, только дотошные пенсионеры теперь знали фамилии, редко — имена, сменяющих друг друга градоначальников. Причем каждый предыдущий заканчивал свое начальство досрочно и с визитами в прокуратуру и райотдел следственного комитета. Это давно уже никого не удивляло и не занимало. В памяти все тех же дотошных пенсионеров оставались только достойные некоторого удивления эпизоды градоначальств.

Например, один «бывший» все оправдывался публично после снятия с должности, причем с наивной серьезностью: «Да чтобы позарился на какие-то сорок миллионов, причем не долларов-евро, а рублей? Это просто смешно!»

Его преемник тоже запомнился. В годы своей недавней боевой молодости дослужился он до командира саперной роты, расквартированной на окраине Бортыанска. Став градоправителем, он первым делом издал указ о запрете ношения при исполнении обязанностей брюк женщинами, сотрудницами администрации. А юбки и платья указывалось носить с длиной ниже коленок на пятнадцать сантиметров.

А во-вторых, на все чиновные должности в администрации он взял своих боевых товарищей по роте и батальону в целом. Даже председателем комитета по культуре и образованию назначил бывшую председательницу женсовета батальона. Здравоохранением Бортыанска теперь заведовал бывший же санинструктор саперной роты. Самое интересное — под статью вместе с мэром попали все остальные должностные чи-

новники; правда, по сложившейся традиции — без отсидки. Местные либералы во главе с отлученным от всех должностей военным градоначальником Колей-водопроводчиком язвили: дескать, сапер ошибается только один раз, но зато по-крупному!

◆ Еще запомнились пара фигур глав города: один отличался любвеобильностью, разводился и вновь женился каждый год. Другой, явно с цыганскими корнями, выписал за бюджетные деньги табун ахалтекинцев из туркменской республики.

Когда иноземным управляющим градообразующим предприятием надоела вся эта «рашен чехарда», мешавшая развивать городскую инфраструктуру химкомбината, они поставили градоначальником своего, хорошо знавшего русский язык, бывшего одессита, но давно принявшего американское гражданство Джекоба Шлоссера.

Чтобы не смущать электорат, тот окрестился, переписав имя на руссифицированное — Яков, а фамилию переведя с немецкого тож на аборигенский: Слесарев. Отца его звали Давидом (в Одессе). За превращение в Якова Давыдыча Слесарева химкомбинат сделал городу, как сталинской новостройке доселе не имевшему ни единой церкви, царский подарок: профинансировал постройку храма с колокольней. Закупил колокола воронежского литья.

...Увы, то ли Бортянск являлся гиблым местом для градоначальников, или Яков Давыдович не решился нарушить устоявшуюся традицию, но уже через неполный год, прихватив городскую казну, бежал в памятную по розовому детству Одессу. Достать его оттуда оказалось невозмож-

ным, ибо в таких ситуациях Украина для России то же самое, что Мексика для Штатов... Тем более, что как раз в это время разгорелся очередной газовый скандал между Москвой и Киевом. Наконец, в Одессе исстари практиковался свой вариант известной донской присказки: «З'мамы-Одессы москалям выдачи нэт!»

В Интерпол руководство комбината обращаться не стало, дабы не уронить престиж своей транснациональной корпорации. Тем более, что Джекоб-Яков не их деньги украл, а городские.

Тем временем слухи о загадочных бортянских воеводах докатились до Москвы. На носу маячили двойные выборы: в Госдуму и гаранта. А бортянские проделки сильно ударили по авторитету *нашей* партии. Последовал разнос по партийной линии в самом Бортянске и в областном Тулуповске: вынь да положь им честного градоначальника!

Вот здесь-то все вспомнили о ныне опальном Коле-водопроводчике, который перебивался с картошки на хлеб, ибо еще саперный мэр в ответ на какую-то едкую реплику плехановца объявил того персоной нон града в пределах воеводства без права занятия каких-либо бюджетно-административных должностей. Словом — запрет на профессию.

Но чем Коля-плехановец отличался от всех жителей города, так или иначе соприкасающихся с властными структурами, так это личным бескорыстием. Даже в период пребывания на высочайших своих постах, он и не заикнулся, что-де проживает с матерью в крохотной квартирке в стабильно аварийном двухэтажном доме постройки начала XX века.

За столь высокие гражданские чувства обыватели и чиновники Колю хвалили — в глаза, а за глаза полагали... ну-у, понятно, кем на святой Руси полагают бескорыстников!

Но здесь имелась *яка бува закавыка*, как говорит один из бунинских персонажей: Коля, а по-полному Николай Федосеевич Чуйкин, не являлся членом *нашей* партии. Он вообще никогда ни в какую партию официально не входил, хотя еще со времен поздней горбачевщины ходил на все митинги и демонстрации с индивидуальным трехцветным стягом в одной руке, а в другой — держал штандарт-хоругвь с портретом Георгия Валентиновича Плеханова.

Начались переговоры. Ходоки все больше склоняли Колю к прекращению чередования малонадежных градоначальников и необходимости на этом посту серьезного человека, крепкого и бескорыстного хозяйственника. «А принадлежность к *нашей* партии, — метко били они в меньшевистскую душу плехановца, — это есть всего лишь символ двойной ответственности будущего мэра: перед избравшим его народом и перед партией!» Кто-то даже принес из районной библиотеки книгу из двадцатичетырехтомного собрания сочинений этого классика марксизма (без ленинизма!), изданного в двадцатых годах, и зачитал схожую цитату Георгия Валентиновича.

Это Колю добило. Он согласился, но на одном условии: в гордуме должна, хотя бы условно, в его едином лице, значиться фракция левого, плехановского уклона. Обрадованные ходоки тотчас согласились.

Колю повели за утверждением к руководству химкомбинатом. Одетый в купленный ему

в складчину темно-синий партийный костюм, при белой рубашке и галстук кандидат в градоначальники понравился иностранцам. Тем более, проработав все лето за прополкой картошки на своих шести сотках, смугловатый от природы Коля приобрел этаким бронзовым, флоридским загар. Так и казалось: вошел в конференц-зал транснациональной корпорации уверенный в себе миллионер из новых русских, только что «провисевший» на своей яхте пару месяцев где-то в Адриатике или в Красном море...

Состоялись первые в Бортыанске, исключая коммуниста Нововязова, демократические выборы без вагонов водки.

Так в многострадальном Бортыанске установилась твердая и стабильная власть. Дальновидность и практическую сметку нового градоначальника обыватели, среднелассцы и чиновники оценили сразу. Ибо, в отличие от своих предшественников, Николай Федосеевич не стал менять состав администрации. Он охотно объяснял это всем любопытствующим: «Здесь я всего лишь следую примеру умнейшего русского царя Николая Павловича. Тот назначал чиновников в губерниях пожизненно. Исходил же из того, что первое время новоназначенный непременно ворует. Наворовав же — по чину, конечно — поневоле начинает и благополучными по его должности делами заниматься. Чтобы жить не скучно было».

...На избрании Коли-водопроводчика градоначальником бывший предисполкома Игорь Павлович завершил второй том «Истории Бортыанска в делах и лицах».

**НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ:
ЗЕРКАЛО НА ХОПСТЕ**

◆ Сысой не заметил, как задремал в «думной комнате». Обычно сам перед собой оправдывался: мол, вечер уже, да и дурацкая эта задумка — с якобы тайной комнатой без окон сама к дреме в конце трудового дня так и тянет... Хитрил даже перед самим собой Сысой: как исполнился ему сороковник, так организм-то не обманешь! Впрочем, сегодня прилег по необходимости: не выносил, когда в его присутствии в кабинете уборщица или работяги по необходимости находятся. Вот и удалялся на это время.

Комаринно пропищал зуммер:

— Артем Андреевич, — как бы над самым ухом раздался голос Люды, — рабочие ушли. Я, если вы не против, тоже домой пойду.

— Хорошо, Люда, до завтра.

Спустил ноги с широченного кожаного дивана, зевнул, помотал головой, подошел к двери, нажал кнопку: дверь мягко, беззвучно отъехала и также замкнулась за вышедшим в кабинет хозяином. Со стороны кабинета дверь ничем не выделялась на фоне стены. Опять усмехнулся, как всегда, выходя: игра в «зарницу»!

Глаза сразу отметили причину сегодняшней суеты с рабочими: на противоположной стороне, к которой он сидел за столом спиной, обок правого плеча на высоте обычного роста, то есть его роста, висела незамысловатая картина — черный квадрат на светлом фоне — и все. Даже обрамление холста, даром что из какого-то диковинного бразильского бревна выпиленное, не остановило бы и четверть взгляда вора-домушника по антиквариату.

Впрочем, он вполне здесь доверял своей

старинной, хотя и тридцатисемилетней еще, секретарше: единственному человеку во всем мире, в отношении которого он позволил себе барскую роскошь — доверие в делах житейско-бытовых, к каковым он относил все, что касалось организации его рабочего кабинета. А в кабинете в последние годы и проходили его жизнь и быт... Потому, чтобы не нарушать эту гармонию заботы, в отношении Люды он с самого ее появления в его деловой жизни строго придерживался бюрократической мудрости: не бл... где живешь, не живи, где бл... А под жизнью он давно уже понимал свое присутствие здесь, в центре управления его большим хозяйством. «Легальный бизнес — это обналиченный общак», — замысловатая эта фраза часто вертелась в голове.

Еще с одним, так сказать, недостатком верной секретарши он мирился: мощно красивая, в свое время выгнавшая «левака»-мужа, а теперь любяще, но строго воспитывавшая пятнадцатилетнюю дочку-школьницу, Люда с самого начала ее службы у Сысои отказалась исполнять обязанности деловой сводни: «Вы, Артем Андреевич, пожалуйста, не идентифицируйте божий дар с яичницей! Я без намеков всяких, просто по пословице говорю. Секретарское дело тонкое, а если из секретаря делать многостаночницу-стахановку, то... Сами поминаете: где убудет, там не прибудет особенно...».

Сысой тогда сдержал вспышку гнева и уже с видимым интересом дослушал толковое разъяснение рекомендованной ему приличными людьми Люды. Тогда еще Людочки.

Согласившись с доводами в целом, он все

же любопытствовал: откуда у бывшего музейного специалиста-искусствоведа такое тонкое знание жизни и образность делового языка? — «Но я ведь, Артем Андреевич, в реальном мире живу, да и опыт работы с людьми имею. Может поэтому и рекомендовали меня вам».

◆ С полгода назад Сысой был по делам в крупной московской фирме из числа тех, про которые левая пресса злорадствует завистливо: дескать, успешно продают родину даже не в розницу, но только крупным оптом. Беседуя в кабинете с исполнительным директором, по давней, так и неизжитой привычке рискованного дельца «лихих девяностых» инстинктивно поводя глазами вправо-влево, почему-то остановился на картине в золоченой раме, совершенно непонятной: какие-то яркие линии изогнутые, карикатурные женские головы, почему-то искусно выписанные сапоги-ботфорты...

Хозяин кабинета, тож с наблюдательностью этих самых лихих годов, тотчас отметил интерес гостя из провинции:

— Любопытствуете, Артем Андреевич? Кисти самого Никифороса Листригонова полотно, — горделиво пояснил он явно чужими словами, — сейчас в солидных офисах мода на этот самый... новый российский модернизм. Вот наш хозяин и закупил сразу несколько картин Никифороса оптом за полтора лимона... полтора миллиона долларов и велел по кабинетам директоров развесить.

По возвращении в Бортянск как-то вечером, разгрузившись с делами, выпил стопку коньяка, вышел в приемную к уже засобиравшейся на школьное родительское собрание Лю-

де, заинтересовав ее нынешней страстью крупных столичных фирмачей к картинному модернизму. Люда, почти по-семейному подкрашивая свои губки, кратко, но толково объяснила:

— С западников, особенно с американских банкиров обезьянничают.

— Тем более, что там появился стойкий интерес коллекционеров к русскому модернизму: от Филонова и Серебряковой двадцатых годов до нынешних, известных на Западе: того же Никифороса Листригонова. Кстати, «в девичестве» его звали Семен Магазинер. Есть у меня в Москве давняя знакомая, что при богеме возвращается, так она некоторое время его подружкой числилась. Так что сведения достоверные...

— Ну-у, единственное, что осталось у нас от совка, так это название вспомогательной, рублевой валюты и интернационализм. Был Магазинер — стал Листригонов. Но вроде сейчас как раз наоборот делают: из Давыда в Давида...

— Это я к слову. По мне хоть Хайле Силасием* себя называет. Так я, Артем Андреевич, dokonчу. Наше обезьянничество есть смесь квасного патриотизма, желания похвастаться перед иностранными спекулянтами, наезжающими в Москву, а также показать, что сейчас не девяностые го...

— Все-все, Люда, я понял.— Сысой просто ценил время секретарши, опаздывающей на школьное мероприятие, но никак не обижался на ее слова: опять же почти по-семейному, тэт-

---

* Хайле Силасие Первый — долголетний и последний император Эфиопии, большой друг Никиты Сергеевича и Леонида Ильича.— Прим. авт.

а-тэт они разговаривали, как супруги на кухне, нормальным, всем понятным языком.

— А может и мне этого... как его, Филимонова в кабинете повесить?

— Не укупите, Артем Андреевич. Большую сумму из актива придется выводить. Хотя это и хорошая аккумуляция капитала. Но дело в другом даже: в нашей глухомани это никто даже оценить не сможет. Так что не рекомендую связываться с русским модерном двадцатых годов.

— Нд-а-а, хрен возьмешь с тарелки деньги у попа,— Сысой облизнул нижнюю губу — пересохла в ожидании второй стопки коньяка, а фигура запретной Людочки намекала и на греховное на сегодняшний уик-энд,— все же не такая у нас глухомань; это вот с комбината америкосы заглядывают ко мне... Может что подешевле этому Никифору заказать? Ладно-ладно, иди. Потом договорим. Дети они посерьезнее всяких чучел на стене.

...Вернувшись к себе, Сысой принял еще сопку и позвонил дежурной своей пассии Нельке из офисников:

— Поедем за город. Сейчас с Егором подкатим. Жди.

◆ В понедельник ввечеру Люда, захватившая из дома альбом — компьютеру не доверяла в таких делах, цвета и фактуру искажает, — в два счета уговорила хозяина заказать Никифору не авторскую картину («опять же в провинции не поймут!»), а копию «Черного квадрата» Малевича.

Сложная гамма чувств и гримас отразилась на багровом от сауны и коньяка в двухдневный

уик-энд с Нелькой-динамой лице Сыся при виде иллюстрации в альбоме. «Либо Людка дура все же в неслужебных делах, либо меня за такового держит», — подумал он, но, сдерживая легкое раздражение, выслушал обстоятельный доклад секретарши-искусствоведа. ...И согласился. Да и заключительный довод оказался стоящим: за перелопачивание на специально состаренном холсте с красками Никифорос свыше двадцати штук баксов не потребует.

...Когда при нем распаковывали картину, привезенную специально отряженным в столицу Егором, Люда особе внимание обратила на лихую подпись Листригонова на обороте холста: «с подлинным верно» — дата и лихой росчерк. Явно взошедшая звезда российского модернизма при подписывании разминался виски перед ужином.

К картине была приложена эстетная папка из тонкой натуральной кожи, в которую подшиты несколько официальных бумаг с подписями же и печатями, подтверждающими экспертизу подлинности копии.

Пока Люда на правах ответственной заказчицы — через ту самую экс-подругу Листригонова — просматривала документы в папке и сверяла подпись модерниста на бумаге и обороте холста, хвалила качество искусственного старения картины, Сысой, поочередно посматривая то на «Квадрат», то на потолок, что-то вычислял цепким умом оценщика. Закончив мысленные упражнения, обратился по-деловому к секретарше:

— Слышь, Люда, а как эти вот штуки старят?

— Доподлинно не знаю, как-то не интересовалась в свое время, но один халтурщик-реставратор — в мою музейную бытность — рассказывал, правда, под сильным градусом. Берут аквариум по размеру картины, кладут на его дно побольше искусственного льда из углекислоты, устанавливают в нем лицевой стороной вверх подделку или копию, кому что надо, сверху аквариум закрывают стеклом по размеру, герметизируют замазкой. Затем в течение трех-четырех дней, то есть суток, держат все это под мощной ультрафиолетовой лампой...

— А что мазила в эти сутки делает? Водовку хлещет?

— Зачем водовку, как вы остроумно заметили. Это же не музейный наш халтурщик. Те люди деловые. У них, наверное, и аквариумы на четыре копии, прислоненные к стенкам из стекла, что ультрафиолет пропускает. А пока процесс идет, бригада следующие заготовки мажет. Что это вас заинтересовало?

— Вот теперь мне расцеховка ясна. И так, с учетом высокооплачиваемого трудодня Никифора этого, себестоимость этой штуки не более двух штук баксов.

— Перекреститесь, Артем Андреевич! Никифорос очередь имеет на заказы на два года вперед. У него как у Дюма — пера поденщики на копиях работают. Он же только подпись свою ставит!

— Да-а? Тогда штука с центами. Молодец! Две тысячи процентов прибыли... Наш человек! Зови кого из подсобников, вот сюда пусть шпандорят. Закончат — звякни перед уходом домой.

Сысой только при Люде нажимал на ничем не отмеченное место на стене, открывая дверь в свою тайную комнату.

◆ Сысой привыкал к новой вещи в кабинете в самый любимый свой час: из полуотворенной уходящей Людой двери по-теплому втекал из затененной — горела только слабосильная лампочка низкого настенного дежурного бра — приемной отголосок аромата тонких французских духов и еще чего-то... хотел сказать: домашнего, но поправился: гостинного.

«Купила баба порося», — бормотал он, недоверчиво, искоса посматривая на Никифоросово творение, делая задумчивые восьмерки вдоль стены с картиной.

В голову сразу пришла мысль: а как он обычно, усаживаясь за совещательный стол с малознакомыми или вовсе незнакомыми партнерами, либо в президиум на собраниях акционеров, либо всяких предвыборных спектаклей, оценивал людей? — Правильно, чуть сузив прищур глаз, поочередно, слева направо, ряд за рядом, если в президиуме, осматривал все новые лица, останавливаясь на каждом не более пяти-восьми секунд — привычка еще с лихих рейдерских времен. Та-ак, подряд три шелупони безмозглые сидят, каждому слову любого краснбая верят. Ого? Какая телка зачем-то сюда затесалась. Ей бы в постели баксы зарабатывать, пока груди торчком, а она туда же, в политику... Этот — старый отставник — пердун, но до мелких денег охочий. А вот с этим на всякий случай надо поосторожнее, черт знает, что у него на уме... И так далее.

Еще проще за совещательным столом.

Здесь нет случайных персонажей, все как оловянные солдатики отлиты по ограниченному числу форм-матриц: из заматеревших братков девяностых, этот и вовсе коронован был, бывший крышевик из «силовиков», коллега-рейдер, депутат-лоббист со своей долей от общака, адвокатский и банковский. Вот и вся номенклатура. Рожи же и вовсе одним чеканом штампованные: компотная смесь алчности, хитрости с осторожностью и всех других пороков до самых мерзопакостных.

...Да и сам я такой же продукт...

Вот и сейчас Сысой, закруглив очередную восьмерку вдоль стены, чуть отошел к совещательному столу и, выбрав нужный угол обзора, полуразвернул один из стульев, присел: правильно точку выбрал!

Чтобы лишний раз не мотаться, встал, сходил на кухню тайной комнаты-квартирки, принес початую бутылку французского коньяка, хрустальную стопку с фигурной огранкой (всяких рюмок не признавал) и серебряную плоску с черной икрой — компенсация за совковые пельмени и винегрет с килькой прямого посла. Вот что качественное было, не отнимешь, так это самая рядовая советская водка, не говоря уже о «старке» и «посольской»...

Все это поставил на край совещательного стола одесную и уже прочно утвердился на ранее выдвинутом и развернутом стуле.

«Вот тебе и греческий зал», — усмехнулся сам себе.

◆ Представив, что перед ним одна из незнакомых морд на совещании или показушном собрании, Сысой сощурил глаза и уставился на

неказистый рисунок картины. Однако обычного пристального сосредоточения не получалось. «То ли ты такая некрасивая, или я выпил еще мало», — пробормотал Сысой, в четверть оборота к столу налил стопку, выпил, не отводя взгляда от «Квадрата», закусил десертной ложкой икры.

Теплый комок прокатился до желудка, тело расслабилось, прищур глаз сам собой сошел. Видно и в темечко «француз» ударил слегка, ибо показалось Сысою, что со стены смотрит на него одним глазом не кто иной, как их бывший городской голова, прославившийся покупкой «для нужд коммунального хозяйства Бортянска» табуна туркменских рысаков. Видно, тот действительно имел отчасти цыганскую кровь. Когда на что-либо таращился, обычно на пачку даваемых ему зеленых, то его иссиня-черные густые брови изламывались под прямым углом, обрамляя темные же глаза, выглядели на бронзоватом от кипрского загара лице этаким черным квадратом...

Сысой досадливо отогнал облик вороватого градоначальника, но здесь совершенно некстати посетила мысль: а может, как Никифор, и сам этот Малявин, или как там его — все одно от слова «малевать» — тоже на конвейер ставил свои «квадраты»? А чтобы рентабельность застакановить, так и рисунок картины самый немудреный выбрал. Почему, например, не «Черный круг»? — А потому — круг-то надо уметь «на глазок» рисовать, либо большой циркуль под рукой иметь. А циркуль-то укупить — деньги тратить!

После второй стопки Сысою понесло на вы-

сокие материи, задумался он о ремесле художника.

В сельской школе-маломерке, то есть в тех начальных классах, где значатся уроки рисования, штат учителей оказался хронически недокомплектованным. Поэтому за научение детишек высокому искусству композиции и раскрашивания взялся было спьяну и на спор физрук, но далее рисования игральные карты дело у него не пошло. Потом и вовсе запил, крепко поругавшись из-за «леваков» с женой и тещей, за что был из школы изгнан: даже в деревне всему есть предел... Потому уроки рисования, говоря современным языком, перевели в категорию виртуальных, а оценки для табеля ставили средними от общей успеваемости.

Вторая встреча с живописью произошла через полгода после появления в его деловой уже жизни Люды. Хотя и помнил он о договоре с ней: только работа, никакого интима и даже намек на него, Сысой как-то не выдержал: много коньяка с виской выпил. Опять же строгая по части деловой любви секретарша Сысося, как натура художественная, вовсе не скрывала выигрышных сторон своей фигуры, а в одежде ее всегда присутствовала рискованная грань между конторской строгостью и той выдержанной сексапильностью, от вида которых у серьезных мужиков-леваков носы синеют.

Словом, начал было Сысой, облапив в опустевшем офисе Люду, заваливать ее на диван, но... получил ее коленкой такой удар между ног, что яйца закатились в лобковые отверстия. И еще предупреждение «последнее китайское» получил: «Это, Артем Андреевич, в пер-

вый и последний раз. Если же вас так возбуждают мои колени, то перейду на брючные пары. Главное, не мешайте коньяк с виски: виноград и ячмень — продукты плохо совместимые!»

С этим Люда ушла из кабинета и вовсе из конторы (Сысой не любил слова «офис»), благо трудовень давно уже закончился. Но чтобы окончательно вправить мозги Сысою, умудрилась нарочито так резко развернуться в дверях, что ее легкое, фигурно плиссированное шелковое платье «от кутюр» веером взмахнулось, на секунду показав даже на миг забывшему о вдавненных гениталиях Сысою свои изумительные бедра, почти на всю высоту обтянутые только-только вошедшими в женский обиход чулками с кружевной липучкой-окантовкой.

Пронзительно-ноющая боль вновь заставила Сысою, обхватив ладонями низ живота, согнуться так, что лоб с выступившей холодной испариной уперся в греховный диван. А в мыслях одно: «Соберись, дурак, с силами, позвони в охрану — задержать, стерву, пока не вышла с территории... Потом? — Потом пусть эти мордатые бездельники всей бандой до утра ее пользуют... Затем... затем влить в горло флакон водки, отвезти и голую выбросить в помойку около ее дома!»

Здесь он вспомнил, как поступал в детские годы после ожесточенных драк улица-на-улицу с добиванием лежащих носком ботинка между ног. Собственно, такую западлятину мог делать только пэтэушник Ржавый, успевший побывать в колонии. Так и Сысой-школьник пару раз под его раздачу попадал.

«Вот и пригодилась наука кобелю», — уже успокаиваясь, подумал Сысой. С трудом разогнулся, переложил руки за спину, выпятился животом вперед и козлом запрыгал по той части кабинета, где не имелось коврового покрытия.

К моменту, когда в двери возник изумленный старший охранник, обеспокоенный слоновым топотом, Сысой уже выколотил свои «предметы» в положенное им место. Липкий, звериный страх прошел вместе с ознобом, а к боли от меткого удара остроносы туфель не привыкать матерому бойцу.

— Чего уставился? Кто звал?

— Да я-я...

— Квасник Илья! Не видишь — физкультурой занимаюсь. Вес сбрасываю. Скажи Егору: пусть машину заводит, за город поедет. Да вызови кого из наших проб... Впрочем, не надо.

Оживший Сысой подошел к своему заглавному в кабинете столу, на котором стояли две полупустые бутылки: с виски и коньяком. Первую он с размаху запустил в растворенную дверь. Как и положено в таких случаях, бутылка с «Джонни Уокером» угодила точно в массивную бронзовую дверную ручку и вдребезги разлетелась. Коньяк же он из горла весь выдул, а тару без шума опустил в мусорную корзину.

◆ Наутро, войдя в приемную, он сухо, но решительно извинился перед Людой, одетой в брючный костюм. «Бог простит», — также сухо, но деловито ответила она, вставая из-за стола с компьютером.

То ли двусмысленно, а скорее инстинктивно, она бросила короткий взгляд чуть ниже поясного

ремня шефа. Уловив его, Сысой, наверное, впервые за последние двадцать лет покраснел: не со злости, но от давно забытого смущения. И еще ему почудилось (о, черт!) в коротком взгляде Люды что-то похожее на то выражение глаз, которое появляется у семейной женщины, с плохо скрываемым сочувствием смотрящей на ушибленное место своего супруга...

Крякнув, Сысой прошел в кабинет, закрыл за собой дверь, и позвонил кадровичке: узнать день рождения Люды, который он еще не успел запомнить. Узнав же, что до даты такового не более двух недель, опять же сам, не включая секретарский телефон, вызвал юриста.

— Слушай, Борис, свет Карлович, ты ведь в Москву едешь — сам знаешь зачем?

— Так точно, Артем Андреевич, через час откатываю. Будут дополнительные поручения?

— Да-а, пожалуй. Заедешь в лучший магазин, где альбомы по этому, как его... искусству, живописи то есть, продают. Возьми что-нибудь поприличнее, в наборе, но в деловом оформлении, без этой дурацкой позолоты и пудовых переплетов. И не смотри, Карлыч, на меня так. Я еще до Кащенко не дозрел. Подарок вежливости. Ступай.

...Две недели без малого в тайной комнате на столе находилась солидная стопа художественных альбомов «Лучшие музеи мира» в роскошно-выдержанном английском издании, в стилизованных холстинковых переплетах с правдоподобной имитацией картин маслом на обложках.

И, словно подвигая Сысою на знакомство с мировой живописью, обстоятельства его деловой

жизни сложились так, что обе эти недели выпали на дела с крупным тендером: областная администрация в Тулуповске получила от центра крупный куш на коммуналку и дорожное строительство. Настолько неожиданно солидный, что областное чиновничество не смогло в короткий срок его переварить, то есть разокрасть. А раскидать деньги по области требовалось — по отчетности перед центром — архибыстро. Так и Бортянску перепала немалая сумма.

Под нее, с вычетом, конечно, чиновничьей контрибуции, и был объявлен тендер. Сысой, естественно, его и захапал, но для этого пришлось десять с лишком дней трезвым с утра до вечера постоянно ездить в Тулуповск с бакшишами нужным людям, заседать в опереточных комиссиях, нести чушь о благе города и района на радио и телевидении и так далее. До полного омерзения и отупения. Главное — расслабиться, выпить как следует вечером нельзя: чтобы утром ни запашка, ни тяжести языка.

Видя этот знак небес, а без полутора бутылоч Сысою на баб не тянет, он и приноровился в «тендерные» дни, оставшись один, не считая, конечно, охрану на нижнем этаже, рассматривать подарочные альбомы, по-домашнему расположившись в «тайной» комнате — при раздвинутой в кабинет двери. Сысой вообще не терпел замкнутого пространства, что умная Люда называла клаустрофобией, хотя на подводной лодке не служил. Тем более в космос не летал. А бог и звериное чутье миловали и от тюремных камер. Та же умница Люда как-то разъяснила к поводу («Люда! Сколько раз просил, когда в приемной нет ни одной морды, дверь в кабинет

на две ладони оставлять приоткрытой!»): это у вас, Артем Андреевич, от деревенского происхождения, от неизбывного крестьянского устремления к необузданной вольности, символ которой — распахнутые на весь мир двери и ворота...

...Итак, поставив на стол графинчик с отмеренной дозой коньяка — чуть побольше четвертинки, заварной чайник и кой-чего по мелочи из закуски, сам расположившись в кресле, Сысой неторопливо перелистывал взятый наугад альбом.

То что альбом в текстовой части на английском, Сысой не смущало: названия картин его не интересовали, а имена авторов разбирались — школьный и институтский немецкий не совсем забылся, а по-английски он наитием научился разбирать буквы и фамилии по деловым бумагам с зарубежными фирмами. Чтобы знать, за что расписывается в договорах. Здесь он не доверял особо своей штатной переводчице. Даже в постели.

К тому же, как он давно и по другому поводу заметил: у западников фамилии пишутся на их родных языках, благо алфавит латинский у них один. Он даже как-то поинтересовался у Люды.

— А это, Артем Андреевич, от высокой и долгой западной культуры. Кстати, и в нормальном русском языке сохраняется фонетика оригинальных иностранных имен, просто мы на наш алфавит все переводим. Ввели бы, упаси бог, в двадцатых годах наши модернисты латинский алфавит, так и мы бы французские имена писали по-французски, английские — по-анг-

лийски и так далее. Только восточные — в латинской транскрипции.

Затем Люда заулыбалась:

— Пожалуй, единственным в мире языком, точнее направляемым государством языком, где все иностранные имена «переводят» на свой, является холацкая мова. Даже здесь нынешние киевские гетманы показали свою железобетонную самостоятельность с незалежностью...

— Это в каком смысле?

— А здесь далеко за примерами ходить не надо. Я, как это ни странно для девичества, участь в школе, до восьмого класса почтовые марки коллекционировала. Потом подарила два полных кляссера однокласснику — своей первой платонической любви... Словом, сейчас, регистрируя входящую офис..., пардон, конторскую почту, с интересом рассматриваю марки на конвертах, а наиболее занимательные вырезаю и в заветную папочку складываю. Пробовала для усидчивости и интеллекта дочь заинтересовать, но куда там с нынешней молодежью...

— Ты к делу давай ближе. Все же каждая моя минута ста баксов стоит. Как минимум.

Люда открыла дверцу своего стола, достала пластиковую папку с кнопкой, открыла ее, в чем-то порылась и протянула шефу вырезку из конверта с маркой:

— Смотрите. Это украинская марка.

— Ну и что? Репин на ней.

— А вы подпись прочитайте под Репиным.

— Ну-ка... Что за чертовщина: *Илля Юх-вимович Рэпин*, а?

— Вот так-то, Артем Андреевич!

— Ни встать, ни упасть.

◆ Несколько вечеров общения с высоким искусством мировой живописи — под освежающий малый графинчик настоящего «наполеона» — подвинули Сысою к определенным соображениям, касающимся сущности и роли этого самого искусства.

Как человек сугубо деловой, Сысой в первую очередь оценивал произведение живописи как товар. В чем, в чем, но в оценке товара Сысой свору собак съел. Получалось так, что цена картины складывалась в определенных пропорциях из имени художника, древности картины, числа сохранившихся полотен данного художника, музея-экспозитора. Определенную роль, хотя и не определяющую, играли размеры картины, ее сюжет и степень сохранности. К таким же второстепенным факторам цены относилась и преходящая мода на автора и его прижизненная скандальность.

Но это все для европейской классики и русской живописи от Боровиковского до Репина включительно.

Для живописи двадцатого века на первый, стоимостной план выходили как раз скандалы и пиар.— В историческом и кулуарном планах. Но на первое место здесь уверенно вышла товарная продукция всяких модернистов. Вплоть до идиотических «квадратов», «шаров» и «кубов». «Чем чуднее, тем моднее, как у нас в деревне говорили»,— пробормотал Сысой. И еще одну деталь в стоимостном рейтинге модернистов отметил Сысой: политическая конъюнктура. Особенно в отношении русского модерна начального советского периода.

Закончив с товарно-денежной оценкой, Сысой перешел к собственно мастерству живописцев. Здесь он поделил всех тружеников кисти и палитры на три группы: умеющие рисовать, не умеющие и умеющие, но по тем или иным причинам придурающиеся, что рисовать они не умеют. То есть сугубые реалисты, даже если они библию иллюстрируют, махровые модернисты и конъюнктурщики-пиарщики.

Но попадались, правда, редко и выходившие за пределы такой классификации. Например, Сальвадор Дали. Почти каждая его картина — наполовину нормально, красиво написана, а на вторую половину — модернистская чушь.

Рассматривая альбомы с итальянской и испанской живописью не столь давних времен, пришел к выводу, что придурались не умеющими рисовать Модильяни и Пикассо. Хотя бы первый являлся клиническим психом, а второй — сугубым деягой. Про их характеры Сысой где-то слышал, явно случайно, но цепкая крестьянская память — мало ли что в хозяйстве пригодится — зацепилась.

...Так в течение нескольких вечеров Сысой определился в части живописи также с эстетикой, злободневностью, исторической правдой и ценностью, полезностью для нормального человека или полной бесполезностью и так далее.

В последний вечер накануне дня рождения Люды Сысой еще раз перелистал наиболее понравившиеся ему альбомы — о музеях Третьяковки и испанского Прадо, увеличил дозу до бутылки «Камю», благо спектакль с тендером завершился в его пользу, и сам для себя сформулировал некое *summa summarum*. Чтобы

больше к высоким живописным материям не обращаться. Без них дел хватает!

Живопись, безусловно, один из древнейших видов бизнеса. Возможно, дикари рисовали на скалах пещер свои опусы за допайки жареной мамонтичины. С цивилизацией этот бизнес все больше и больше ложится под политику, в том числе под церковную. Но со времен легализации масонства (разумеется, это перевод лексики Сы-соя на понятийный язык...), то есть с эпохи Возрождения, более доходным становится бизнес «от противного», то есть художник начинает демонстративно противостоять этой политике и церкви. Когда это материально выгоднее, конечно.

Когда к началу второй половины девятнадцатого века, с потерей церковью на Западе своих позиций и демлицемерием* политики, бизнес живописцев на искусственном якобы противостоянии — за, а я вот против, и наоборот — начал хиреть, наиболее ловкие из мастеров кисти дружно плюнули на все: политику, церковь, реализм, — и ударились в модернизм. Первыми здесь запели французские импрессионисты. Как и положено французам, они здесь собезьянничали с британских художников восемнадцатого века...

Очень скоро модернизм положил полностью на обе лопатки реализм и в наше время господствует. Понятно, что уже под сотню лет все это чистая коммерция.

С позиции, так сказать, потребителя карти-

---

* Вся сущность демократии западного образца выражена в словах «железного канцлера» Бисмарка: «Говорите, что хотите, только слушайтесь». — Прим. авт.

ны — достаточно удачное помещение капитала, выводимого из активного оборота. Но — не для современной России, где, как говорят знающие люди, в Шереметьеве имеется загон с самым большим в мире парком частных самолетов, из которых многие стоят под парами с круглосуточно дежурящими экипажами. Ибо вся коммерция в стране имеет криминальные корни, а пресловутая легализация суть джентльменский договор с властью: воруй, но шекель* власти отдавай.

...И если вся жизнь состоятельного человека у нас идет в ожидании спешного бегства за бугор, то все авуары надо и хранить в забугорных банках, а не вкладывать в картины старых голландцев с их сиястыми толстыми бабами или в пролеткультовскую модернистскую мазню, что нынешние искусствоведы высокопарно именуют русским авангардом двадцатых годов...

А зачем вообще человеку, человечеству нужна живопись? Но ведь нужна же, если история ее непрерывно длится от мамонтовых пещерных дикарей до нынешних своих и забугорных мазил-прохиндеев... Но до таких философских высот допивший бутылку «Камю» Сысой взлететь уже не был в состоянии. Позвонив Егору («Заводи экипаж!»), Сысой затворил тайную комнату и вышел из кабинета, весело

---

* Имеется в виду не денежная единица государства Израиль, а ветхозаветная этимология этого слова. Это аналог древнерусской десятины: каждый правоверный иудей, где бы он в мире не находился, обязан отдавать от доходов свой шекель-десятину на восстановление храма в Иерусалиме, то есть на нужды Израиля.— Прим. авт.

напевая в одну восьмую голоса: «Пара-парадам, пора по бабам!»

◆ Не отводя взгляда от картины на стене, Сысой тренированно, отогнув за спину правую руку, налил стопку коньяка, поднес ее к губам и в один глоток выпил.

«А ведь не так прост этот квадрат на холсте», — неожиданно для самого себя подумал Сысой, постепенно теряя прежний, самонастройный скепсис. Понятно, что имел он в виду не серийного халтурщика-копировщика, а оригинального автора полотна.

Опять вспомнил давешнюю присказку, обращенную к «квадрату»: то ли ты мне нравишься, то ли я мало выпил. Акцент в присказке он ставил уже иной.

Уже не цыган-градоначальник глядел на него со стены одним глазом, а некто Всевидящий из черной пустоты космоса оценивающе смотрел через квадратную дыру, что соединяет наш и внешний миры, на слегка захмелевшего Сысю. А тот все тер и тер свои глаза, даже чертыхнулся: «И что ты, падла рукоблудная, на меня уставился?»

Даже появилось искушение по-купчески, разгуляйски метнуть в квадрат посудину с недопитым коньяком. Но сдержался: потраченных денег жалко, а потом на бьющийся звук, усиленный кубатурой кабинета со стенами, покрытыми звончатой евроремонтной дрянью, тотчас прибежит дежурный охранник. Им жлобам застоялым только бы поржать у себя в дежурке над хозяином...

«Ладно, живи... то есть виси пока, — пробормотал Сысой, — еще успею эту чертову ды-

ру вместе со стенкой пробить. Чай, в запасниках у братвы с веселых времен еще достаточно тротиловых шашек осталось!»

Настроение Сыся начал портиться, как будто из черной дыры в уют вечернего, обезлюженного кабинета закапало противно морозящим, вперемежку с липким снегом, раннеоябрьским дождем. И впридачу к нему из той же дыры дохнуло холодом космоса, могильным, с температурой абсолютного нуля. Это Сысой еще со школьных уроков физики помнил: ноль градусов по Кельвину или минус двести семьдесят три по Цельсию...

...Цельсию цельсиево, а Кельвину-лорду — кельвиново, но чтобы погасить озноб — в тепло натопленном кабинете — Сысой принял еще стопку.

Что же так растревожило душу Сыся, преуспевающего *олигархера* областного уровня? — Сысой, ненавидя иностранщину всей своей крестьянской душой нечерноземного русака, нарочито коверкал все эти новые слова... если, конечно, не выступал по радио-телевидению или не находился на официальных приемах с губернскими чинами. Он даже владел несколькими десятками километров нефтяных и газовых труб в распределительной сети области. «Нефть — смазка государственного механизма современной России», — любил Сысой повторять чьи-то чужие слова в малоофициальной обстановке.

Действительно, чего это ему тревожиться при таком раскладе дел в стране? — Прихватывай, спекулируй, а то и просто воруй по понятиям, сколько тебе угодно. Только шекель

кому надо плати и по допустимому минимуму — налоги в госказну.

Одно непреложное правило: не соваться в политику, тем паче в высокую, государственного уровня. Понятно, что неограниченная власть денег порой делает людей глупыми и неосторожными. За всякое такое вмешательство госвласть наказывает жестко и навсегда, без права «исправленному верить».

Вот тому же Ходарковскому, вроде бы и умному, как многие евреи в бизнесе, человеку эти его миллиарды дармовых баксов* вскружили голову. И от привычной уже безнаказанности совершил он тягчайшее преступление — попытку государственного переворота: начал ездить по губернаторам и улусным ханам-султанам, склоняя их законодательно перевести Россию из качества президентской республики в парламентскую...

Учитывая современную демгуманность, его не повесили как декабристов, но из узилища он уже не выйдет: «оттянет» один срок — сразу дадут новый. Другим урок и остережение. Глупый, наивный олигархер, почему-то решивший, что завоеванную еще *Е.Б.Н.* на расстрельной крови власть кто-то отдаст какому-то чиновничью или демократическому большинству в Федеральном собрании!

И Лужков — другой пример такого рода,

---

* Как и многие лауреаты журнала «Форбс», Ходарковский по некоей тайной разрядке был в конце 80-х годов помещен в питомник будущих миллиардеров, какими являлись спешно созданные в крупных городах «Дома науки и техники», через которые и началась отмывка денег и их отъем от госказны.— Прим. авт.

правда, без отсидки. И даже деньги нахапанные оставили. Даже к супружнице его бизнесоватой с уголовкой не велено (пока?) приставать.

А еще до этих двух их соплеменник — миллиардер, медиа-магнат Вова Гусинский по-пробовал было вякнуть на власть — хорошо, есть Израиль, откуда, как некогда с казачьего Дона, своих не выдают...*

Вот Сысой даже в мыслях своих к продажной девке-политике ближе чем на миллион световых лет не приближается. Даже не из понятной опаски, а от скуки и отвращения.

◆ То есть с этой стороны порядок у Сысои абсолютный. Как у Кельвина его абсолютный температурный нуль. Но отчего этот озноб

---

* До чего тесен вроде как огромный мир! Автор хорошо знал в свое, в советское время как Вову Гусинского, так и другого — по эстраднему бизнесу — кумира нашего времени: Мишу Шафутинского. Первого он знал через своего коллегу по работе в одном тульском оборонном Конструкторском бюро, по совместительству главного фарцовщика города Леву Т. Гусинский после окончания института, кажется, театрального, был послан в Тулу помрежем местного драмтеатра, но свое призвание скоро нашел в организации всяких советско-партийных массовок и празднеств. Итак, днем автор по общественно-комсомольской разрядке смотрел на уличные шествия-спектакли, дирижируемые Гусинским, а вечером шел с приятелями в ресторан «Дружба» (зарплата инженера тогда это позволяла), более известном под названием «Седьмой корпус политеха» (первые шесть — учебные). А там в кабацком оркестрике Миша Шафутинский поет. Был он приписан к Тульской филармонии, а когда собрался уехать на ПМЖ в Штаты, то, чтобы не подводить своего соплеменника, директора филармонии Иосифа М., за год до отъезда ушел работать в кабак. Дашь Мише «на парнас» трояк — и он твою любимую песенку сплет.— Прим. авт.

и неуютность в душе и вообще во всем организме при взгляде на незамысловатое творение тож соплеменника Ходарковского, Гусинского и Шафутинского? Вроде даже и бывшего столичного мэра...

Все же не ради баловства художник этот квадрат изобразил. И, наверное, не в предвкушении его будущей стоимости. Ведь представители ветхозаветного народа в наиболее известных своих представителях очень умны, но — своеобразным умом, который можно определить как абстрактно-практический (Понятно, еще раз оговоримся, что это «перевод» лексики Сыся на гражданский язык). Оставляя в стороне уже сотню лет запиаренного Эйнштейна и других, многих нобелистов — дело запутанное, во многом политико-идеологическое, Сысой определял этот сложно-составной ум как умение выразить в делах, поступках, в предпринимательстве, в искусстве и так далее некую идею, то есть абстракцию, наднациональную, надгосударственную, которая тем не менее в своей действительности является сугубо практической.

...Здесь Сысой почувствовал себя собакой, которая в общении с человеком-хозяином все прекрасно понимает, но не имеет возможности выразить свое отношение-понимание человеческими словами. Не хватало все знающему и инстинктивно понимающему Сысю дара ловко и гладко все это излагать в словесной форме.

Натурально сплюнув от досады на персидский, то есть современный иранский, ковер ручной работы, зафилософствовавший Сысой, явно по какой-то подсознательной аналогии, вспомнил своего деда Тимофея. Дед собирался дожить до

взросления внука, но наследие войны — протез на левой ноге, многочисленные ранения и контузии, только-только позволили ему увидеть Артемку-первоклассника.

По деревенскому обычаю хромающий и слегка подпрыгивающий на деревяшке Тимофей воспитывал всю малышню в большой избе с пристройкой и летним домиком, где проживало три поколения. Все работоспособные в колхозных делах, кто в школе или на учебе в соседних городах, а Тимофей, истопив печь, приготовив едова на день, задав корм дворовой скотине, все учит и учит правде жизни подрастающее поколение. Вроде и мудреному учит, но такими понятными словами! С пяти лет Артемка запомнил слова такой же немудреной — по словам — любимой песенки деда:

*Ребята или гурьбою
Проселочной дорогой,
Алешка шел последним
И больше всех пылил.*

*Нечаянно-нарочно,
Того не зная точно,
На пуговку ногою
Алешка наступил.*

*Поднял он эту пуговку
И вдруг на ней увидел:
Чужие, не по-русски
Написаны слова.*

*Ребята всей гурьбою —
К начальнику заставы:
Бегут, быстрее, быстрее,
Бегут, скорей, скорей!*

*«Докладывайте точно»,—
Сказал начальник срочно
И карту зеленую
Перед ними раскрыл.*

*Вблизи какой деревни,
Вблизи какой заставы
На пуговку Алешка
Ногою наступил?*

*Четыре дня скакали
Бойцы по всем дорогам,
Четыре дня искали,
Забыв еду и сон.*

*Чужого незнакомца
В деревне повстречали,
Сурово осмотрели
Его со всех сторон.*

*А пуговики-то нету
У левого кармана.
И сшиты не по-русски
Короткие штаны.*

*А в глубине кармана
Патроны, два нагана
И карта укреплений
Советской стороны.*

Предпоследний куплет Сысой за давно-
стью лет запомнил: вроде как бдительного
Алешку наградили медалью «За охрану госу-
дарственной границы». Заканчивалось же по-
сле очень хорошо:

.....

*В Алешкиной коллекции
Та пуговка хранится;
За маленькую пуговку
Ему большой почет!*

Дед Тимофей, заставив Артемку повторить за ним песенку об Алешкиной пуговичке, озорно подмигнул ему, закуривая «беломорину»: «И ты, Артемка, идучи по жизни-дороге, всегда обращай внимание — на что наступаешь. Пусть и заваль какая под пятку попадет, но подумай: может и она тебе пригодится, да еще как пригодится!»

...Сам Тимофей принял боевое крещение еще в юности, за двадцать лет почти до войны — по комсомольской мобилизации скакал на коне в чоновском* отряде.

Растрогавшись воспоминанием о деде, любившем опосля трудов дневных праведных хлопнуть перед ужином стопку-другую первача, самолично и любовно выгнанной им самим самогоновки, Сысой потянулся было опять к коньяку, не спуская левый глаз с картины, но почудилось, что магический квадрат явственно округлился, став выпуклым зрачком, и приказал бессловесно: погоди, Сысой, не напрягайся, еще не все ты во мне узрел!

Сысой, не верящий ни в бога, ни в черта, никому не подчинявшийся даже ради приличия, здесь послушался. Еще раз, напоследок, мелькнул в его памяти образ деда Тимофея. Усмех-

---

* ЧОН — часть особо назначения для борьбы с внутренней контрреволюцией в 20-х годах.— Прим. авт.

нулся: вот были в стране некогда чиновцы, а теперь все заполнили сотни тысяч, если не миллионы, чоповцев* -охранников, отъявленных бездельников и дармоедов. Их бы, гладких, хорошо откормленных, только и знающих, что днем маяться от ничегоделания в конторах и торговых точках, вечером жрать водку с пивом, а ночью трахать, сбрасывая свои килокалории, таких же бездельниц-баб, офисных креветок... так вот их бы за станки, в армию, в инженера-конструкторы, да мало ли куда еще можно с пользой для страны, главное — для самих себя!

Увы, туда их уже не пошлешь: станки давно китайцам на металлолом продали, малочисленная армия в опереточных мундирчиках мается от безделья тож по казармам. Инженеры, тем более конструкторы, на фиг никому не нужны. Тема, как говорят братки, давно закрыта.

◆ На сей раз — все-таки дернул Сысой, несмотря на запрет всевидящего ока на стене, еще стопку — квадрат округлился в пустой и глупый женский глаз. Даже ресницы привиделись: то ли искусственные, а скорее всего щедро унавоженные каким-нибудь «мэбилен оф Нью-Йорк три в одном». Или «семь в двух», как у них, у баб в телерекламе принято завлекать.

А коль вспомнил про братков перед этим перевоплощением квадрата, то на память пришел тот досадный эпизод в его единственную поездку в Америку. По делам, конечно, когда пробовал войти в число акционеров оккупированного америкосами Бортянского химкомбина-

---

* ЧОП — частное охранное предприятие.— Прим. авт.

та. Правда, ничего из этого не вышло: комбинат был оккупирован железобетонцо. Да еще это досадное происшествие в Нью-Йорке.

...Со времен братковской молодости Сысой неуклонно придерживался базового понятия: никого не бойся, ни у кого не проси, никому не верь. А вот тогда испугался в ситуации, расскажи кому здесь, в России, — засмеют в порыве восторге.

Вечно же так. Нужно Сысою доехать на обычном городском автобусе в филиал главной конторы владельцев химкомбината за океаном на пересечении каких-то нумерованных стрит и авеню. Сверялся с записью на бумажке, как деревенский переросток, впервые попавший в райцентр.

Гостиничный лакей при портье, говоривший по-русски, разъяснил ему: вот за углом отеля остановка, садитесь в автобус такой-то номер, а сойдете на седьмой по счету остановке. Ориентир: единственный в этой части города шестиэтажный дом из красного кирпича постройки начала прошлого века: один из офисов фонда Карнеги.

Отсчитал Сысой шесть остановок и двинулся к передней, выходной двери — все по америкоским правилам, ни до кого не дотрагиваясь, не наступая на ноги наглых негритосов, развалившихся на сиденьях, а свои ножища в кроссовках сорок последнего размера выставивших до середины прохода. Как понял Сысой по их мордам и надписям на одинаковых майках, ехали игроки районной бейсбольной команды.

У двери, держась правой поручни, готовилась на выход бабенка неопределенного возраста.

та, явно по комплекции не проститутка. Сысой пристроился слева. Вот и краснокирпичный старинчатый дом: на выход!

Но веселый и темпераментный водила-латинос так лихо притормозил, да еще с фигурным вывертом автобуса к остановочной площадке, что пухлая бабенка угрожающе надвинулась на Сысою. Не задумываясь, по инстинкту уже почти забытых за давностью лет поездок в общественном транспорте, тот мягко подхватил соседку под локоток и даже сдержанно улыбнулся, ожидая от толстушки ихнего «эксьюз ми сэр».

Но та вдруг задергалась всеми своими отвислостями, завертелась этакой чертихой-ведьмой на сковородке и прокуренным, почти мужским голосом что есть мочи заорала, выкрикивая про полицию и какую-то «сексен эмерджи»*.

И вот здесь-то Сысой впервые за последние двадцать-тридцать лет своей жизни не на шутку испугался, мигом вспомнив, где он находится, о чем его еще в России перед отъездом поучали опытные заграниздоки. Понял: промедли он — и не миновать американской отсидки. Водила же захохотал и открыл дверь-гармошку. Сысой, не взвидя света, выпрыгнул, минуя ступеньки, на асфальт, обогнул хилую очередь на посадку и постыдно побежал за угол здания фонда Карнеги, затем свернул в какой-то проулок, потом еще в один, выскочил на оживленную авеню, где, смешавшись с толпой, перешел от иноходи на обычный шаг. Сердце колотилось третий всего раз в жизни; первый — когда в

---

* Sexual emergency (англ). — в смысле «сексуальное опасное домогательство». — Прим. авт.

день своего шестнадцатилетия стал мужчиной с такой же еще неопытной девицей, второй — когда на бандитской стрелке положили его дружка, целились и в него, но пуля-дура в «девятку» над ухом прошла...

Шагая с постепенно успокаивающимся сердцем, Сысой кусал от досады губы: совок он и есть совок! Ведь не раз говорили ему партнеры по бизнесу: в Штатах ближе чем на метр к ихним бабам не приближайся! А если перед тобой или рядом какая-нибудь сука закричит, делая вид, что подвернула на каблуке ногу, то отвернись и скоренько мимо проходи: подстава под денежный шантаж!

Сто процентов, что и эта... которая в автобусе, случись на остановке полицей, обобрала бы его до нитки, пришлось бы из России и оффшоров все движимое и недвижимое ей отдать.

...К вечеру стало ясно: акционером ему не стать. Совсем разозлился и полуголодным самолетом отбыл восвояси.

Все правильно ему говорит квадрат на стене: не только в Америке, но и у нас сейчас бабы есть полная пустота, как резиновые куклы из секс-шопа: голова на чувства пуста, а что между ног — по таксе. Но, в отличие от резиновых тренажеров из шопа, они очень и очень коварны и опасны. Это вам не наивные комсомолки и влюбчивые студенточки прежних времен.

Пустота, даже в прежней женской опоре жизни пустота. Черный квадрат бездушный. Дыхание ледяного космоса даже в биологическую первооснову человеческой жизни вторглось.

◆ Единожды в жизни Сысой был в комнате смеха с кривыми зеркалами. В студенческие годы. Летом, вернее в начале лета, в июне, в городском парке раскинули свои шатры бродячие цыгане-аттракционщики из Чехии... нет, тогда еще Чехословакии. Сдав последний экзамен весенней сессии, пошел Сысой с однокашниками в парк. Нахлебались тамошнего пива с принесенной водкой и хохмы ради заглянули в шатер с зеркалами. Все хохотали спьяну, но Сысой хмурился. Отчего? А от того, что кривые зеркала били не в бровь, а в глаз, стократно усиливая, прямо-таки выпячивая все недостатки лица и фигуры, даже самые мельчайшие, о которых он и не подозревал. Больше он в подобные зверинцы не зааживал.

Но судьба-злодейка коварна, хитроумно утвердив на стене кабинета Сысою нечто почище аттракционного кривого зеркала. Если кривое зеркало дает, хотя и искаженное, но все же изображение живого человека, то черный квадрат отображает лишь душу его. Причем душу опустошенную. На человека же с душой трепетной, волнующей, энергичной, любящей, созидательной это зеркало на холсте никак не реагирует. Да человек с такой душой долго не задерживается перед такими зеркалами. Отдав минуту вежливости прославленной картине, от тотчас забывает о ней и устремляется к полотнам, демонстрирующим реальную живую жизнь.

Понимает даже захмелевшим от «камю» мозгом Сысой: ничего хорошего в нем квадрат-зеркало не покажет. Таково его свойство. Но зачем травить душу? Почему самолично сейчас же не сорвать эту пакость со стены, растоптать,

переломать раму и весь хлам выбросить через дверной проем во владения Люды. А уборщица спозаранку все уберет.

Здесь Сысой почему-то вспомнил обычный въезд в Москву жарким летом. Мучительное движение машины по забитой Варшавке: два метра тихо матерящийся Егор проедет, пять минут стоит, снова два метра, снова пять минут...

Скучно сидеть в наглухо закрытом «мерине» с пронзительно дующим замогильным холодом кондиционером. Откроет с досады Сысой затонированное окно, а в него ловкий парень, снующий около приличных машин, зашвыривает журнальчик службы секс-услуг: проститутки всех возрастов и рас в рабочих позах, перечень услуг и телефон для заказа телок. Среди этого паноптикума обязательно с десяток предложений садомазохистских усад.

Вот таким садо-мазо и является сейчас для Сысои черное зеркало на холсте. А для чего ему понадобился этот душевный садомазохизм? Именно ему, человеку даже без намеков на какие-либо пресловутые комплексы? Не мог этого Сысой себе сам объяснить. Не потому что ученых или иных содержательных слов не хватало, а просто: не мог и баста!

Все в Сысое четко, железобетонно определено: совесть, или ее отсутствие правильнее; крепкий крестьянский ум безо всяких эквивоков в мечтательность и меланхолию; стальная практическая хватка; сугубо потребительское отношение ко всему и вся — от перемены погоды на дворе до женщин и семьи. Никогда он и собой, своими делами не любовался, все воспринимал как плату за нелегкий его труд. Само

собой, братковский принцип — никому не верь, ни у кого не проси, никого не бойся — настолько пропитал его кровь, мозг, все органы тела, что, будь он биологом-аналитиком, мог бы сказать: в каждой клетке его организма, включая ногти и волосы, поселились гены братковского принципа.

...Здесь Сысой расхохотался. Облегченно расхохотался: никакой это не садо-мазо! Это примитивный самоконтроль, с которым любой человек смотрится в зеркало, отправляясь на работу, к знакомой бабе в койку, на бандитскую разборку, на прием к очень высокому, в манхэттенский небоскреб, к чиновнику. Смотрит и прикидывает: да, вроде все в порядке, галстук на шее, «макар» за поясом, презерватив в кармане...

Так и я нашел себе зеркало на холсте. В отличие от обычных, ныне китайской фабрики, зеркал, это — двусмысленное, с подтекстом, а это уже интересно.

◆ Да-да, регулярный, порой даже постоянный, самоконтроль необходим для деятельной природы. Чтобы не зарываться, не расслабляться, словом, много всяких «не». Так чего же на зеркало пенять, коль рожа крива?

Еще раз облегченно всхохотнув и выпив коньяка, Сысой посмотрел на картину почти что дружелюбно. Кто сказал, что криворожему запахло в зеркало смотреться? Да-да, что-то он смутно помнил из школьных уроков литературы, как Чернышевский, духовный предшественник красных комиссаров, сочинил диссертацию, в которой всю ученую публику огорошил: дескать,

самая отвратительная, бородавчатая жаба есть совершенство природы в своей среде...*

Сысой, конечно, не самая выдающаяся жаба в человеческом толковище, есть жабы-человеки и попуырчатей намного, но и не из последних. Так почему он должен смотреться не в черный квадрат, а в чуждые для него зеркала совковых моралистов и гнилой, безлошадной интеллигенции? Если разбираться, то ближе всего ему обычная крестьянская мораль: через труды не всегда праведные, накопи на лошадь да пару коров, подведи прежде соломенную избу под железную крышу, стань крепким хозяином-кулаком, фермером по-нынешнему, построй маслобойню, обведи вокруг пальца городской банк и купи пару тракторов под списание кредита в очередную холерическую акцию госвласти «по защите отечественного сельхозпроизводителя». И стремись к вожаденной цели: стань почти что помещиком в своем селе.

Черная ли душа Сысоа отражается в черном квадрате зеркала на холсте? — Не чернее, чем у других. Почти всех других, исключая юродивых правдолюбов, совковых последышей, серых трудяг, непонятно за какую идею горбятящихся за неполные десять штук «деревянных» в месяц.

Кто им мешал обогатиться двадцать лет назад, когда сверху провозгласили: бери сколько сможешь переварить, сколько сможешь отобрать

---

* Сейчас это одно из базовых положений (не о жабе, понятно, речь) этики неопозитивизма-философии современного буржуазного общества (Рассел, Витгенштейн, Дж. Мур и др.).— Прим. авт.

и унести в свои закрома! Другое дело, если оказался к этому дню «икс» сверхосторожным, просто трусливым, слабосильным для братковских поединков волчьих девяностых, брезгливым для выковыривания золотых из навоза. А ведь время было: не поленись подставить лопатушахтерку, в которую почти что с неба зеленым роєм посыпятся бумажки с портретами американских президентов; чуть попозже — кремового оттенка евры.

Так что им, хлюпикам и просто безмозглым, неча на свое совковое зеркало пенять... Не у него, Сыся, рожа-то оказалась кривая, а у них, слабовольных и слабосильных. Ведь в человеческой истории, если хочешь выжить, тем более жить без особой оглядки, непременно надо играть по правилам своего времени, а не повторять уныло: раньше и вода была мокрее... Вот на таких и возят эту мокрющую воду прежних времен.

◆ Люда, она же Людмила Евгеньевна, самая умная из ныне и до того знакомых Сысю женщин. В чем-то даже умнее почти вдвое ее старшей тетки Нины Тимофеевны, недавно учудившей такое, что Сысой упорно изгонял из своей головы.

Люда настолько, даже не по-женски, умна, что порой Сыся это тревожит ревностью: а не умнее ли она меня?

Очень, очень редко, причем мимолетно, за другими конторскими делами, обмениваются они серьезными словами. Их этих слов тоже не дурак Сысой постепенно, по фрагментам узнал, что думает о нем Люда. Именно не как о начальнике, боссе, а о самодостаточном, пусть и

по-своему, человеку. Это, синтезированное им, мнение Люды состояло из двух полярных тезисов, как бы ловким оборотом сказала секретарша. Первый тезис: Сысой из тех крепких передним и задним (речь, понятно, не о физиологии...) умом мужиков, без которых в любые времена Россия превратилась бы в какую-нибудь селедочно-безликую Норвегию и иже с ней. В таких как Сысой из поколения в поколение все еще передается основательная, общинно-крестьянская первооснова России. И не зря западников более всего занимает загадочная русская душа. И таковой она будет до тех пор, пока не иссякнут у нас характеры навроде Сысои: как положительные, так и негативные.

Этот тезис для Сысои, как кота, разлегшегося на кресле после плотного ужина по шерстке погладить. Только гладящая рука должна быть мягкой, расслабляющей и теплой. Мур-р-р!

Тезис второй: Сысой — взрослое дитя своего, волчьего времени кардинальных перемен. Причем перемен не естественных, к которым человек ненавязчиво привыкает, как к своему взрослению, например, но сугубо искусственных. Навязанных извне, со стороны вечно ненавидящего нас Запада. Да и Востока тоже.

А раз Сысой есть квинтэссенция такого времени, то есть он одинокий волк, дорвавшийся вне стаи-коллектива до овечьего стада без пастуха. Зарезал одну овечку — нет бы закинуть ее за спину, отнести в лес, нажраться до отвала и проспаться трое суток... Так нет, обезумев от жадности и безнаказанности, начал резать овцу за овцой. Загубил все стадо, даже не удосужившись подумать: а зачем ему эти тонны

скоропортящегося мяса? С другими волками поделиться? — Хрен вам, все мое! Пусть протухнет, но никому близко подойти не позволю!

Несмотря на нелицеприятность содержания второго тезиса — разумеется, Люда про волков ни полслова не говорила — Сысой ничего опровергнуть не мог. Также ничего не стоили, даже единого деревянного рубля, детские самооправдания: все так делают, не я капитализм в дичайшей его форме в Россию привез, если не я захапаю, то меня самого захапают и так далее вплоть до махновского девиза: кто говорит, что государство — это мы? Государство — это нас!

Как ни странно, но та же Люда несколько успокоила его, как-то ненавязчиво подсунув Сысою книжку профессора из Тулуповского университета, бывшего полковника Хмурова. Дескать, Артем Андреевич, завтра летите по делам фирмы на Тайвань, путь туда и обратно долгий. Так вы под умеренный коньяк (она выразилась, конечно, иносказательно) почитайте эту занимательную книжку. Правда, за нее профессора Хмурова в классики лженауки «записали»; но это как раз означает, что написано с толком.

Сысой, думавший в этот момент совершенно о другом, приземленном, чисто машинально положил аккуратно изданный томик в раскрытый на столе дипломат, куда Люда помогала укладывать папки и скоросшиватели с командировочными бумагами.

...Уже в самолете Сысой с огорчением вспомнил: забыл затариться на полет коньяком, а сам самолет оказался тайваньской авиакомпания-

нии. Сысой же не доверял поилу, что подают на азиатских линиях. Поэтому даже обрадовался, обнаружив в дипломате книжку.

Написанная рубленным военно-артиллерийским слогом, посвященная биологическим атавизмам современного человека, она так увлекла потыкшего от серьезного чтения Сысою, что ко времени приземления в аэропорту Тайбэя трехсотстраничный том уже уложился в цепкую память аэропутешественника. А главное, он почувствовал себя как рецидивист по прочтении судьей оправдательного приговора. Ибо автор книги убедительно и безапелляционно доказал: частнособственничество и безудержная тяга к накопительству есть биологический атавизм, в котором человек не виноват: против законов эволюции не попрешь! Степень же проявления этого атавизма опять же зависит не от конкретного человека, но определяется социальной, государственной средой. То есть каков поп, таков и приход. И я не я, и свинья не моя.

◆ «Камю» обмелел и уже казал донце, подобно коралловым рифам в отлив теплового полинезийского моря на стыке Тихого и Индийского океанов. Веки Сысою отяжелели, клонило в сон. И черный квадрат тоже устал от своих мимикрий-подмигиваний хозяину кабинета.

Приподнятое было настроение Сысою сменилось — в обратной пропорции к числу выпитого — столь презираемой им меланхолией. Нет, избави, бог, подумать, что Сысой в чем-то каялся! И сейчас он глубоко презирал весь мельтешащий под ногами людской мир. Не более высокого мнения он был и о своих, так ска-

зять, коллегам из преуспевающих классов, и, тем более, о всех «кто над ними».

Нет, его меланхолия опять-таки навеяна созерцанием черного квадрата на стене. Пусто и неуютно все же жить Сысою. Деньги — цель и движение Сысою по миру и времени — это, конечно, страхует от любой зависимости от сильных и слабых мира сего. Но ведь они — очень даже непрочный фундамент. Ибо если деньги изначально стали целью, то это есть тупик. Цель никак не может быть перманентной, постоянно отодвигаемой: миллион рублей — миллион долларов — миллиард... и так далее. Это не цель, а всего лишь движение накопительства без цели.

Целью может стать лишь ориентир: нечто, во что будут вложены деньги. Как картинная галерея у Третьякова, революция у его собрата-купца Морозова, частная опора у Мамонтова. Есть по-своему оправдательная цель у американских банкирских семей: поддержание финансовой власти в Штатах и во всем мире.

А у сугубого индивидуалиста Сысою такой оправдательной цели нет и не предвидится. Ибо ни во что благое он деньги вкладывать не собирается. Свои миллиарды, к сожалению, пока рублей, и в четыре горла не прожрешь, не пропьешь, как ни старайся. Даже на сверхалчных баб и весомой толики не потратишь, хотя бы двадцать четыре часа в сутки не вставай с кровати-сексодрома и жри виагру ведрами для поддержания суточной эрекции...

Семья-наследница? — Смешно и говорить. Глупейшей жене и денег-то его не сосчитать, если, не дай, бог, взорвут машину с Сысоем

коллеги по большому бизнесу. Оставить капитал двум своим дочерям, которых он отправил якобы учиться в Англию, чтобы здесь не скурвились, — еще нелепее.

Сына нет, да и если бы был? — Вырос если бы не мот, то серая посредственность: всякий талант, в том числе талант накопительства любой ценой, передается только через поколение.

...Куда ни кинь — всюду клин. Тьфу!

...Сысой допил «камю», аккуратно поставил посуду в мусорную корзину. Туда же сбросил с тарелки нетронутую закуску. Затворил дверь в тайную комнату. Подошел к картине, пару минут на нее смотрел. «Я не пьян, но ты мне нравишься», — умиротворенно произнес. Погасил свет в кабинете, захлопнул дверь, прошел через затемненную приемную, спустился на первый этаж.

Садясь в машину, на немой вопрос Егора ответил:

— Домой.

«Стареет барин, — беззлобно подумал Егор, выводя «мерин» за ворота офисной усадьбы, — да и как не постареть с такой-то совестью? — Тут же про себя поправил — с отсутствием совести.

**НОВЕЛЛА ПЯТАЯ:
ВЫБОРЫ ПО
БОРЯНСКОМУ
СЧЕТУ**

◆ Сысой этим утром ехал к себе в контору усталый и раздраженный, даже парой слов, как обычно, не перемолвился за всю дорогу с водителем. Тот все понимал и сам даже не пробовал развеселить шефа дежурным утренним анекдотом. Жаль, анекдот вертелся на языке меткий, на злобу дня. Потому он уже в который раз с удовольствием прокручивал его в голове.

...Лежит на продавленном диване в своей каморке без окон девяностолетний дед. Бледный, высохший, только для похода в сортир с трудом встает, еду требует от домашних баб — дочери и внучковой жены к нему приносить. Морщась, только по большим праздникам выходит к столу в гостиной. Ничего ему не интересно, радио-телевизор не слушает, не смотрит. С тихой тоской ждет запаздывающую Косю.

Машинально отметил: хлопнула стальная входная дверь: значит внук любимый, бизнесменер средней торговой руки. Обедать пришел. А вот и он сам, рыжий, здоровенный, сорокалетний, вошел к деду в каморку:

— Дед! Ты все лежишь, ничем не интересуешься, а в стране такие дела проворачиваются!

— А-а,— махнул высохшей рукой дед,— знаем мы ваши дела. То очередного губернатора пристрелят, то какой-нибудь Березович пару миллиардов поганых доллоров сопрет...

— Да нет, дед, бери выше: теперь у нас не милиция, совковая отрыжка, а настоящая полиция! Как во всех цивилизованных, мать их ити, странах.

Сказал внучок и осекся: лицо деда вмиг порозовело, лихо спустил он ноги в валенках, скрипя суставами встал, начал физкультурно махать

руками, даже присел пару раз на полусогнутых тощих ногах в байковых сиреневых кальсонах.

— Дед, ты что? Аль пятая молодость к тебе пришла, а?

— Вот что, Женька, я пока тут разомнись, а ты сходи в кладовку, где бабкин комод, что ты все собираешься выбросить. Открой нижний ящик, там за всякой хурдой-бурдой такой большой сверток в оберточной бумаге. Принеси его мне.

— А что в том свертке?

— Там, Женька, у меня с сорок четвертого года шмайсер в смазке, пяток рожков с патронами к нему и форма полиция хранятся...

Пряча невольную улыбку опытного анекдотчика от хмурого шефа, Егор переложил баранку руля влево и плавно затормозил у входа в офис. В контору, как его называет шеф.

◆ Сысой же всю дорогу от загородного своего дома до конторы в центре Бортянска с досадой отгонял невеселые мысли от завершившейся вчера шумной и совсем не шутковатой, как обычно, выборной кампании по городским и районным депутатским выборам. Что-то действительно в мире и стране произошло значительное, что докатилось даже до глубинного Бортянска, что он прозевал, пропустил, не обратил вовремя своего внимания. Это он-то, с волчьим чутьем! И как такое могло случиться? Вроде ничего его в последние годы не затягивало: пил со средней умеренностью, бабы от дел его никогда не отвлекали, хотя к делу этому мокрому относился серьезно. Конторским трудоголиком не был: все планировал, конечно, сам, но рутинную работу заставлял делать других.

Припомнился полугодовой давности разговор с умной Людой. Иногда он, а скорее она, позволяли себе вечером, в последний день рабочей недели, беседы на отвлеченные темы.

Сысой, закончив дела, слегка освежившись коньяком, выходил в приемную, где аккуратистка Люда раскладывала по папкам накопившиеся за неделю бумаги. Секретарша не отвлекалась от своей механической работы, а Сысой рассказывал по комнате и провоцировал Люду на беседу.

...В тот вечер разговорил он Люду на модную уже не первый год тему глобализации:

— Я так думаю, что никакая это не глобализация, а очередной в истории наполеоновско-гитлеровский наскок на мировое господство. Теперь вот америкосы возжелали попробовать. Ну и закончится все также: подыметесь до невероятия Китай и мировое мусульманство, заодно Америку какой-нибудь фукусимский вал накроет... Вот все и выровняется...

— Не думаю, Артем Андреевич. Точнее, это мой умный брат так не думает. А я ему привыкла во всем верить: от житейских докук до мировой закулисной политики.

— Ну и что твой, действительно умный, знаю, брат на этот счет полагает?

— А рассуждает он, Артем Андреевич, в основном, когда у меня в гостях бывает, после второй обеденной стопки, что прав оказался старина Карл Маркс, а не Владимир Ильич с Иосифом Виссарионовичем.

— Это как так? Ведь брательник твой известный в городе коммунист, как же он против Ильича и Виссарионовича?

— Да не против он совсем, но — истори-

чески правым оказался Маркс, утверждавший, что к социализму, или как он по-ученому говорит, к социально ориентированному строю только все страны мира вместе могут прийти...

— Помню, помню со студенческих лет; хотя и на исходе совка, но всякие политдисциплины преподы еще по старым учебникам трендычали. И я не все время в пивных просиживал и, пардон, Людок, девиц окультуривал. Иногда и на лекциях бывал. Так что помню: Маркс писал о всеобщности перехода мира к социалке, а Ленин с Иудушкой Троцким утверждали, что и в одной стране, в СССР, можно построить социализм, что и сделал баятка усатый. Правда, двадцать лет назад все это похерили. Так в чем цена вопроса?

— А в том, что история человечества движется по своим законам, абсолютно неподвластным человеку. Как вы, Артем Андреевич, наверное, пели в комсомольские годы: «Ни царь, ни бог и не герой...».

— Хм-м!

— Так вот, эпоха капитализма, к вашему, Артем Андреевич, сожалению очень даже близка к закату. Поэтому История — с большой буквы, уже с конца девятнадцатого века начала методом пробных ходов и ошибок выискивать, нащупывать способы замены отжившего капитализма новой, социально справедливой, формацией.

Артем Андреевич! Не думайте, что я такие умные слова придумала — это все брат так складно и умно говорит.

— Давай, давай, просвещай отрывку бандитского капитализма!

— Да-да, продолжаю. Попробовала История одиночные броски к социализму: СССР с

его советским интернационализмом, Третий рейх с национал-социализмом, Италию Муссолини с фашизмом, то есть социальным единением страны... Наиболее жизненным оказался советский вариант.

Но вот здесь-то История, так сказать, призадумалась: пока есть отдельные социалистические страны, тем более их соцлагерь, то это дает отжившему уже капитализму, то есть царству частной собственности, импульс сопротивления. А сопротивление мобилизует капитализм. И так будет без конца...

— Понятно, это как дряхлый деревенский дед давно бы почил с миром, но раздражают свары снох уже в двух поколениях. Вот и тянет до ста лет, все покрикивая на домашних баб.

— Примерно так, Артем Андреевич. Вот История осознала: постепенное, отдельными странами вхождение в социализм затянется надолго, будет происходить в бесконечных сварях, как у деда со снохами, как вы образно заметили, а при наличии стомегатонных водородных бомб и вовсе приведет к кончине человечества.

Поэтому, скоренько ликвидировав СССР, сделав руками США — вложениями в экономику — Китай де-факто капиталистической страной, История избрала единственно верный ход: переход ко всеобщему для планеты социализму через жесткий и очень жестокий глобализм. Как говорится: *per aspera ad astra*.*

— Это чегой-то ты по-импортному?

— По латыни: через тернии — к звездам. Так и получается: прав оказался Маркс.

---

* Через тернии — к звездам (лат.).— Прим. авт.

◆ Уже позже, вспомнив тот разговор с Людой, Сысой стрезву все расставил по своим местам. Да, история — дама очень даже дальновидная и себе на уме. Только вот бородатому сыну раввина случайно проболталась... Как только в постели с мужиком-мастером может женщина самую сокровенную тайну выдать. Правда, диссиденты, соплеменники Карлы, которых Сысой в студенческие годы раз-другой слушал — сквозь завывания глушилок — по забугорным радиоголосам, паскудно намекали: дескать, бородачи Карл и Фридрих являлись сладкой парочкой инакоориентированных... Ну-у, за давностью лет неподсудны.

А так все встало на свои места и никакой чертовщины и непонятности в современной жизни нет. Самый что ни на есть ускоренный переход мира к глобализму, а в нем, окаянном, законы всяких капитализмов и социализмов уже по понятиям не фурычат. А Россию, обкорнав ее по окраинам самостийными республиками, ханствами и эмиратами, глобалисты унизили донельзя, сделав придатком по части сырья, нефти с газом да вредоносных химических и металлургических производств первичной обработки сырья. Бор-тянск тому великолепная иллюстрация.

Запрещено даже жратво свое выращивать. Целый торговый флот из пяти зафрахтованных у заграницы судов снабжает страну бананами по линии «Эквадор — бывший Ленинград», а далее фурами по всей евроазиатской территории! Также морем везут мясо из Аргентины и Австралии. Жри — не хочу! А кто не хочет — зубы на полку.

Особенно этот статус колониально-сырьевой

Сысой ощущал по современному русскому языку, которому всякие там телевизионщики и газетные щелкоперы успешно обучают народ. И хотя у него обе дочери учатся в Англии — чтобы в родных местах проститутками раньше времени не стать; точнее — б...ми, — но как истинный мужик с деревенским происхождением и воспитанием, Сысой люто ненавидел это *новояз*, как его называла умная Людочка.

«Нет, — как-то в хорошем подпитии в компании местного купечества заявил Сысой, — в советское время меня выучили говорить грамотно по-русски; в лихие девяностые с успехом, так сказать экстерном, освоил торгово-воровскую и бандитскую феню. В третий же раз переходить на американскую феню с ее менеджментерами, объ...бизнесментерами, офисами и всякими мерченкайзерами не буду. И — баста! Буду говорить по-русски с матерным уклоном когда требуется...».

Свою позицию он изложил и на более высоком уровне бортянского бомонда, а именно на банкете, что задало городским властям и личным частникам руководство химкомбината по поводу введения в строй цеха по производству ортофосфорной кислоты для европейских потребителей.

...После седьмой стопки Сысой, наскучившись слушать американскую феню от тостирующих иностранцев-управленцев химкомбината, наклонился к взятому с собой на банкет юристу Свербицкому:

— Карлыч, не в службу, а так сказать, в дружбу. Здесь наверняка остались какие-то музыкальные кружки (дело происходило в бывшем

Доме культуры химкомбината) — сгоноши мне какую-никакую гармошку. Именно гармошку, не баян или аккордеон!

Через четверть часа вспотевший от беготни Борис Карлович, настораживая охранников у дверей банкетного зала, действительно принес изрядно потерханную «хромку» советского производства тулуповской музфабрики имени героя Гражданской войны, политкомиссара Рохенблюма.

В этот момент заканчивал свой ответный, кисло-сладкий спич бывшая тогда градоначальником, вернее — градоначальницей, Мелисса Чугунова: «...Признательные бортянцы уверены, что с бескорыстной помощью наших американских и европейских коллег по химическому бизнесу ваш... то есть наш... наш с вами химкомбинат, детище молодой российской демократии было, будет и останется образцовым градообразующим предприятием. Я поднимаю тост за организационный талант наших иностранных специалистов и истинно русское трудолюбие!»

Химуправленцы с недоумением посмотрели на музыкальный прибор в руках Сыся. Зато легализовавшие свой бизнес братки, как облупленные знающие повадки Артема, заулыбались, забыв поаплодировать совершенно смешавшейся Мелиссе...

— А теперь, господа, — ловко дал вводную распорядитель банкета, помреж местного драмтеатра Жора Карапетов, — сделаем, так сказать, музыкальную паузу и предоставим слово нашему уважаемому Артему Андреевичу!

Сысой в детстве обученный дедом Тимофе-

ем игре на гармошке и матерным деревенским частушкам, растянул пропылившиеся в кладовке меха «хромки» и грянул первое пришедшее в голову:

*Идет миленький с гармошкой
Креативный весь такой...*

— и минут десять в том же духе, закончив словами:

*Нет у Феденьки проблем —
Сексо-пидорных дилемм!*

Поначалу управленцы по-американски скалозубо улыбались, улавливая в рашенском фольклоре хорошо знакомые слова: креативность, бизнес, доллар, многоликую «проблем»... Но что-то заподозрили, услышав далее про исковерканные менеджментеры, толеврантность, бизнесментер, слово бизнес с приставкой «обье».

Жорка-помреж, встав с полупоклоном за спиной химкомбинатовского директора, громким суфлерским шепотом спасал ситуацию:

— Это, господа, стиль русской деревенской фольк-частушки, где по жанру положена беззлая ирония и намек на легкую нецензурщину...

Но здесь вошедший в раж Сысой перешел от намеков к сути дела:

*Федька в офис свой идет,
Ланчи жрет и баб е...!*

И далее с матерным смаком пропел про офисных «креветок», что ходят без трусов и дают своим «манерам» на корпоративах по взаимному согласию или за твердую валюту, а

босса обслуживают, порой в групповухе, за повышенные премиальные.

Принявшие партикулярный образ жизни братки от души хохотали, синкопом хлопали в могучие свои ладони. Но осознавшие издевку над ними америкосы перестали скалиться, а их и без того длинные рожи растянулись по-лошадиному.

Опять же в дело вступил Жорка. По его жесту официанты ловко заменили у управленцев бокалы с сильно разбавленным содовой виски на наполненные до золотистых рисок армянским коньяком, после чего произнес внеплановый тост:

— Господа! Предлагаю выпить до дна за нашего выдающегося предпринимателя, человека с истинно широкой русской душой, стихийного музыканта и афериста Артема Андреевича Сысоева. Ур-ра!

...Словом, Жора как-то быстро напоил чужестранцев, развеселил их пристойными анекдотами. Банкет завершился массовыми брудершафтами управленцев с экс-братками. Сысой играл плясовую с выходом и коленцами. Соло и в паре трясла могучими, натуральными грудями хватившая лишку, то есть сверх бутылки армянского, Мелисса Чугунова.

◆ За время короткого пути от машины до конторы и далее по лестнице и коридору до приемной своего кабинета Сысой, как молитву ежеутреннюю, повторил свое жизненное кредо.

Не я первый, не я последний. Грабь награбленное, тем более — еще не разграбленное. Деньги — говно, но они только и дают реальную власть. Любая другая власть — предполагает и власть над тобой, где может жаловать

царь, да не жаловать псарь. Без власти человек никто, даже если семи пядей во лбу и средоточие всех лучших человеческих качеств.

С собой на тот свет деньги и власть не возьмешь, так пользуйся ими сейчас: ежеминутно, ежечасно, ежедневно, при этом власть свою оберегай от посягательств, а денег на свои удовольствия не жалея. Впрочем, если можно, то лучше не платить.

Частная собственность только тогда дает власть и удовольствие, когда принадлежит избранным — происхождением, талантом, случаем, на дармовщину. Талант и ум частнособственника разнятся с качествами того же названия у быдла. У частнособственника — это лицемерные названия хитрости, наглости, двурушничества, хамства и стальной воли идти напролом, если нужно — через трупы.

Людишки — трусы и дерьмо, лишь иногда становятся людьми. Поэтому такие как я появляются только в нужное время, в нужном месте. Сейчас такое время и место. Никого не бойся, никому не верь, ни у кого не проси, а боязнь подавляй хамством, веру — самой наглой ложью, просьбу — воровством. В собаке шелудивой во сто крат больше достоинства, чем в современных людишках-винтиках.

Достойного тебе соперника уважай, как самого себя, но при случае утопи его в болоте. — Чтобы и следов не осталось.

Ни в коем случае не создавай капитал «для детей» — вырастишь тунеядцев и развратников совести и ума, которые твое кровное превратят в бумажную труху.

Имей дело только с русаками, в них един-

ственных в современном мире осталось что-то похожее на человеческое. Баб же используй только по их назначению. В серьезных, даже на осьмушку серьезных делах самый тупоголовый, зачуханный мужичонка во сто крат полезнее. У баб, как любит повторять мой умный еврей Борис Карлович, вся логика мышления размещена на кончике длинного языка. Зато современные девки в постели ох как хороши! — Но только за деньги. Глядя на них, и сорокалетние давалки сейчас пробуют набивать себе цену. В жадности и алчности — без видимой цели и назначения — бабы не в разы, а на порядки превосходят самых скопидомных мужиков.

Знающие люди говорят, что в той же Канаде и других благоустроенных странах из ста встреченных на улице лишь единицы ответят: кто у них глава государства или градоначальник. А все потому, что те туго знают свое дело, а не занимаются трепотней по телятнику. Вот такая власть, неважно какой окраски, нужна и мне...

◆ Сысой не успел повторить окончательные мотивы — про идеальную для него власть, но эту тему тотчас перехватила Люда, нервно закруглявшая восьмерки по ковру приемной. Посуровевшее лицо смотрелось лет на пять старше ее бальзаковских тридцати семи лет.

— Что-то случилось, Людок?

Она махнула рукой, но сдержаться не смогла:

— Скажите, Артем Андреевич, у нас в городе чья сейчас власть?

Сысой недоуменно уставился на обычно спокойную и выдержанную секретаршу:

— Думаю, что есть. Вот поставили мы не так давно градоначальником потомственного пле-

хановца Колю-водопроводчика, вроде все на места стало. А-а, это ты насчет вчерашних выборов?

— Именно, выборов. От выборов до выборов живет народ без выбора... Сегодня меня не будильник разбудил, а звонок от Сашки: только-только домой вернули. А вчера спозаранку ушел наблюдателем на избирательный участок на Комсомольской...

— Ну и что? Они же, наблюдатели, всю ночь на понедельник с бюллетенями возятся.

— Да нет, Артем Андреевич, не с того участка вернулся, а из милицейского, то есть уже полицейского участка пришел.

...Здесь Сысой отвлекся на звонок «по прямому проводу», то есть минуя приемную Люды, в кабинете. Через пару-тройку минут через открытую дверь позвал секретаршу для дорассказа.

Получалось, что когда Александр Евгеньевич Галактионов, наблюдатель на выборах, член райкома коммунистов, редактор многотиражки «Большая химия» Бортянского филиала-института химического же московского университета всего за сорок минут с открытия участка отправился в служебную комнатку писать уже третий протокол о нарушении голосования, Виктория Венедиктовна, председатель комиссии и директорша школы, где размещался участок, помянула к себе маячившую в зале молоденькую училку английского Надю. Та была известна в городе как внештатная любовница зам. директора химкомбината.

— Слушай сюда, Наденька: пора этого усатого краснодонца убирать, а то он нам всю отчетность по участку испортит. Давай действуй по инструкции.

...Галактионов, сидя за столом в крохотной комнатухе без окон, дописывал протокол: «...когда гражданин, фамилию которого мне отказались сообщить члены комиссии, явно не совсем трезвый, попытался вставить в щель урны для голосования стопку бюллетеней, то не смог скоординировать свои действия, в результате чего три бюллетеня, отпружинив, упали на пол...».

Услышав стук открываемой двери, Галактионов никак на это не прореагировал, зато нервно вздрогнул, когда справа от него на стол брякнулась толстая пачка газет. Боковым зрением отметил: «Тулуповская правда» с предвыборной агитацией — номер с празднично убранной в красный цвет первой полосой, с цветными же портретами Ильича и «папы Эю». Усмехнулся примитивной провокации, продолжил протокол: «...гражданин, все же назвавшийся токарем-росточником давно проданного китайцам на металлолом станкоремонтного завода, не смог объяснить многочисленность опускаемых им бюллетеней. «Видать по ошибке дали», — бормотал экс-токарь...».

◆ Но далее уже и лжеточкарь не позавидовал бы Галактионову, хоть тот успел-таки дописать протокол: «...В зал голосования вошел высокий мужчина в штатском, но с выправкой военного. Аккуратно отстранив от слесаря полицейских, бывших милиционеров, и членов комиссии, он взял нарушителя-вбрасывателя за руку и повел на выход, кратко пояснив: «Это Пиндюков; шизофрения средней тяжести с манией единства и борьбы противоположностей. За хорошее поведение был отпущен из рай-

психбольницы на выходные домой». При этих словах он внимательно посмотрел на старшего по чину полицейского и вроде как явственно подмигнул.

...Но свою подпись Галактионов все же поставить не успел. Вошедший в комнатку вдруг закричал ломающимся юношеским баском — явно от рано начатой половой жизни:

— Как вы смеете агитировать меня в день выборов и совать свою совковую газетку!

Галактионов с досадой повернулся, отметив, что юнец явно из студентов их института:

— Слушай сюда: забирай свои газеты и голосуй за кого хочешь! И закрой дверь с другой стороны. Кстати, сколько сегодня заработал? — Пятихатку или целую штуку?

Наверное, Галактионов очень занизил расценку, ибо юнец шагнул к двери, распахнул ее во весь проем и громко закричал:

— Полиция! Сюда! Меня заставляют голосовать за нужную *им* партию!

Дальше темп действий нарастал с ускорением. В дверь тотчас вошли ведомые директрисой полицейские чины. Сержант взял подмышку стопку газет, аккуратно обернув ее случайно оказавшимся у него листом бумаги формата А3. Капитан же со старлеем вежливо, но уверенно теснили Галактионова к выходу:

— Проедемте с нами, гражданин, в отделение для разбирательства. Кстати, — обернулся капитан к директорше, — составьте и вы протокол о нарушении на участие.

— Вот он, господин полицейский, мы еще раньше обратили внимание на махинации этого гражданина и составили заявление.

Юнец быстренько исчез, а последней из комнаты вышла директриса, захватив галактионовский протокол и ручку — дешевый китайский «паркер», уложив его в карман кофты.

◆ От участка избирательного до полицейского доехали в четверть часа, включая легкое сопротивление Галактионова при посадке в воронку и препирательства при высадке с размахиванием журналистским удостоверением:

— ...Я член Союза журналистов России!
Я — главный редактор институтской газеты!
Я — член райкома второй по численности думской партии! Вам придется...

— Я да я, квасник Илья. Иди уж, коль попался,— проворчал водитель, пожилой сержант с седеющими усами. Затем сплюнул в раскрытую дверцу,— скорее бы на пенсию... на старости лет полицаем заделался. Тьфу! — И хмуро досмотрел, как доставленная им компания скрылась за дверью отделения.

Закурил, дожидаясь, когда вернутся сопровождавшие журналиста менты с избирательного участка.

Допрашивали Галактионова местные майор и совсем неоперенный лейтенант. Впрочем, последний только заполнял бланк протокола. На середине протокольного листа от местных криминалистов, куда по требованию задержанного ранее отправили газеты и снятые с него самого отпечатки, принесли справку.

Майор прочитал и равнодушно отложил в сторону.

— Прощу меня ознакомить, имею право.

Майор попробовал было продолжить диктовать лейтенанту, но в этот момент в допросную

вошел немолодой полковник. Как понял из рапорта майора Галактионов — заместитель начальника. Было видно — из несоответствия должности большим звездам на погонах, — что досиживает полкаш последний год-другой. В генералы не вышел.

Был он в курсе дела, поэтому взял со стола справку, прочитал и заметил:

— Не забудьте внести в протокол, что отпечатки задержанного не идентифицируются с газетными.

— Хорошо, товарищ полковник.

При этом майор посмотрел на лейтенанта: продолжай, мол, продолжай. Полковник задал Галактионову несколько вопросов по существу. Выслушав ответы, чуть поморщился, сожалеючи посмотрел на задержанного, махнул рукой и вышел. Галактионову даже показалось, что он что-то тихо сказал про пенсию.

— Прочитайте и распишитесь, — лейтенант пододвинул протокол к Галактионову.

— Ничего я подписывать не буду. Я позвоню нашему адвокату, — Галактионов полез в карман за мобильником.

— Не требуется, — равнодушно заметил майор, — не тот состав преступления. По административным нарушениям услуги адвоката можете использовать при опротестовании решения суда. Вадим, допиши, что подписать отказался, сам распишись и мне дай.

— Может у товарища полковника еще подписать?

— Не надо, — майор с явным сожалением посмотрел на лейтенанта, после чего взял телефонную трубку и набрал номер:

— Майор Хворостенко. Соедини с дежурным судьей... Алло, а-а это ты, Марго? Сейчас подойдем.

Майор с лейтенантом поднялись и посмотрели на Галактионова. И тот поднялся со стула.

◆ Здание суда располагалось через дорогу. В пустоте двухэтажной постройки тридцатых годов майор уверенно отворил нужную дверь. Там же одиноко сидела, явно скучая, в зале заседаний совсем молоденькая дежурная судья.

По-приятельски поприветствовав майора, кивнула лейтенанту, а Галактионову молча указала кивком головы с челкой на первый ряд сидений перед судебным столом на невысоком подиуме.

Со скукой, скрывая утреннюю зевоту, пробарбанила протянутый майором протокол. Упоминания про отсутствие на газетах отпечатков пальцев Галактионова там не было.

Судейша, не слушая завозмущавшегося Галактионова, полистала книжку кодекса в мягком синем переплете — явно диплом недавно получила в одном из десяти платных филиалов юридических вузов, что расплодились в Бортянске еще в середине девяностых, — что-то зачитала на листе бумаги и сообщила, что по статье такой-то задержанный приговаривается к штрафу в одну тысячу рублей.

— За постановлением на оплату штрафа, гражданин Галактионов, зайдите на неделе в рабочее время к секретарю суда. ... И не повышайте голоса в сторону судьи! — перешла она на крик, — еще слово и на трое суток пойдете в обезьянник! Все, свободны.

Лейтенант, отворив дверь в коридор, мотнул головой Галактионову: на выход, мол. Он вышел позади лейтенанта, не до конца закрывшего дверь — остановился в ожидании начальника. Здесь проштрафившийся заметил: развязался шнурок левого ботинка, усмехнулся мрачно про себя: «Как и положено коммунисту — все события левые. Только вот жену люблю, потому налево по бабам не хожу...». Нагнулся к шнурку, а через полуприкрытую дверь услышал:

— ...Ты, Марго, сегодня как? А то Валерка звонил: через пару недель возвращается с заработков. Надо его квартиру поактивнее, пока свободна, использовать, а?

— Да часов до шести здесь торчать придется. Ваш-то уже третий, а день только начался; сейчас одного за другим поволокут. Во удружила мымра наша судейская! — Чуть что, так меня на дежурку. Выжить хочет. Возьми меня к следакам?

— Прозондирую. Так как насчет вечера? Я тоже весь день у себя буду торчать.

— В половине восьмого заедь за мной. Вы бы того... поменьше хватали и ко мне волочили.

— А по мне шли бы они все на хрен, но — приказ свыше.

В наступившей паузе Галактионов расслышал поцелуйный причмок и явственный хлопок по женскому заду, хихиканье и приглушенные голоса:

— Ну и стерва ты, Марго!

— Зато красивая и сама себе хозяйка.

Майор вышел, подозрительно посмотрев на торчащих у двери лейтенанта и Галактионова:

— Пошли к себе, — что относилось к подчиненному. Галактионов неуверенно двинулся за ними. Вышли на улицу.

— А мне куда сейчас, граждане полицейские?

— А на все четыре стороны катись. Только на участок свой не возвращайся, иначе процедуру повторим. Журналюга хренов!

Здесь с недобрим предчувствием Александр Евгеньевич ощутил долго сдерживаемый натиск ярости: скакнуло давление, а в голове забухала мелодия «Сигналов битвы» уважаемого им Марка Пекарского — композитора-барабанщика. Перкуссиониста — по нынешнему новоязу:

— Как смеете в-вы, новоделанные полицаи, меня, потомка героев-краснодонцев...

И понесло его, обычно выдержанного, держащего себя в руках. Ярость отхлынула только в обещанном судьейшей обезьяннике. Правда, не били. Выпустили ранним утром. Капитан уже другой смены напутствовал:

— Сами виноваты, гражданин Галактионов. Мы тоже на работе, а все свои дела решайте через суд.

◆ Выслушав столь редко волнующуюся Люду, Сысой пару секунд промолчал, затем спросил только:

— При чем здесь краснодонцы и почему твоего брательника с его партактивностью до сих пор не поперли из химического института?

— Мама наша родом из Краснодона, а дед и вовсе кой-какие дела в «Молодой гвардии» делал. Правда, в руки немцам не попал и у Фадеева не упомянут.

— Да-да, в тех местах народ смесовой по горячей крови, не чета нашим извечно законопослушным...— Сысой вспомнил, как выдержанная и интеллигентная Людочка шарахнула его по яйцам в тот единственный раз, когда он захотел поразвлечься с ней на кабинетном диванчике.

— ...А ректор, то есть директор института? Я сама не раз интересовалась у Сашки. Говорит, что тот сверхосторожен по жизни. Дескать, и белым *вашим*, и красным старается не досаждать: всякое в жизни может случиться.

— Понятно. Глядя на него так и подумаешь. Ты успокойся, я сейчас разберусь, особенно с этой стервой Марго...

— Не надо, Артем Андреевич. Это я так, чтобы высказаться. Сашка и сам что-то значит. А с этой... с Марго знакомы?

— Постельно и одноразово... то есть многократно, но в один присест.

— Фу, Артем Андреевич! Как-то грубо и, так сказать, неразборчиво.

— Наверное, коньячишка паленый попался. А насчет сам-с-усам это правильно. Сейчас, как в прошлые госдумские выборы, шуметь даже в районном масштабе станут сильно. Твой Сашка еще и в телегерои выйдет с такими козырями. А после ваших и неваших, как вы, любезнейшая Людмила Евгеньевна, давеча высказались, то у меня нет ни наших и ни ваших. Я сам по себе. Да-а, не был бы твой брат идейно упертым, так давно бы у меня на первых ролях верховодил.

Ладно, готовь бумаги на подпись, а то я через пару часов к нашим-ненашим поеду на

разборку и обмывку народного волеизъявления. Мать их ити... как спектакль с выборами, так вобщак кучу бабок скидывать!

Закрыв за собой дверь, Сысой все же, полистав неделовую, как он именовал, записную книжку, набрал на мобильнике номер:

— Слушай сюда, Марго, и менту, что тебя ночью трахал, если он еще не выкатился от тебя, передай: дело Галактионова, что вчера зацепили, спускай на тормоза. По его иску, а он не задержится, неупоминание в протоколе про отпечатки вали на майора, а тот — на лейтенанта, мол, молодой еще и слабоумный от рождения. Будете кобениться — пойдешь в кабак посудомойкой, а майор, Гришенков, так догадываюсь, его погоняло, твой трахатель, может и в Нижнем Тагиле очутиться. Надеюсь, все поняла, хотя башка у тебя намного хуже того что пониже работает... чего-чего? Нет, обедками не пользуюсь.

◆ Положив мобильник на стол, Сысой с вязко-неприятным ощущением от всего происходящего, усилием воли заставлял себя настроиться на рабочий лад. Благо рецепт давно апробирован, то есть сходил в «душную» комнату, хлопнул там стопку коньяка, зажевал малиной из холодильника. Вернулся за свой стол и немигаючи с минуту смотрел на противоположную стену кабинета с девизом *«Легко в России богатеть, а жить трудно»* — в овальной большой рамке под стеклом, выложенный полированными литерами из нержавеющей стали по черному бархату.

Где он услышал или вычитал эти слова фабриканта Саввы Морозова — даже не про-

бывал вспоминать. Что-то чудилось: во время лихого застолья Карлыч сравнил в тосте неумный и противоречивый характер шефа с большим оригиналом купцом Морозовым...

Но рецепт не срабатывал, мысли упорно держались на выборах — вчерашних и вообще последних лет и на разных уровнях. Как все проходило замечательно в девяностые и «нулевые» двухтысячные годы? И не важно, что первые десять лет всюду побеждали красные, а вторые — трехцветные. Все продолжали заниматься своими делами: серьезные люди оптом и в розницу растаскивали советское наследство по своим лабазам-банкам, а черносошный народ либо спивался, либо же оставляя последние заводы на металллом китайцам, уходил в мелочную торговлишку. Но как все поменялось в последние год-два?

...Здесь, предупредительно кашлянув в чуть приотворившуюся дверь, Люда попросила разрешения войти, а подойдя к столу Сыся, положила перед ним несколько распечатанных на принтере листов, коротко сказав:

— Информация от Бориса Карловича. А в папке — на подпись.

— Угу. Я уйду — долго здесь тоже не задерживайся. Сегодня день роздыха послевыборного: кто пьет, а кто, как Сашка твой, иски судебные сочиняет.

Люда неопределенно пожав плечами, вышла, а Сысой, читая и подписывая бумаги, на время отвлекся от тягостных мыслей. Закончив с папкой, взял депеши от Карлыча, представлявшего его интересы. И сводки — которые не

для всеобщего оповещения — в последнее время заставляли ежиться даже Сысой с его нечувствительной воловьей шкурой.

— Так-так,— бормотал Сысой,— на школьном участке в Соцгородке неуставленные избивали в кровь двух девушек, занимавшихся блиц-опросом выходящих с участка. Наблюдателей от оппозиции полицейские без объяснения вывели на улицу, пригрозив задержанием на трое суток, если попробуют вернуться. В ночь перед выборами полицейские офицеры и двое в штатском на участке во втором ПТУ тренировали нанятых на вбрасывание нескольких бюллетеней.

— Ну и что? Как же без тренировки-то,— почти развеселился Сысой,— без тренировки только бабе можно вставить, да и то если не пьян в ж...!

Так-так, там спаивали, здесь пятихатки за внесенный бюллетень давали. Эх, удивил народ!

Та-ак, а это об чем? — Упорные слухи носятся, что существует специальная инструкция по вербовке волонтеров, привлечению криминалитета, содержащая практические рекомендации по вбрасыванию, нейтрализации наблюдателей от оппозиции и так далее.

Юрист ты отменный, Карлыч, а информатор никудышный. Эту брошюрку прямо из химкомбинатовской типографии мне с нарочным принесли еще две недели назад и настоятельно порекомендовали дать для выборного общака денег или предоставить полдюжины отморозков. Послал, конечно, их всех, потом подумал и сбил сумму до половинной.

◆ В запасе еще полчаса. Сысой полагал досужее время, то есть вне работы, пьянки и

баб, своим врагом. Тем более сейчас, после выборного паскудства. В праздное время мысли всякие в голову приходят, а думать вообще-то вредно. Это есть роскошь бездельников и пустопорожних прожектеров.

Опять же эти чертовые выборы... Вбрасывание, подкупы, «умный» подсчет голосов и так далее до прямых угроз и мордобития.— Это все понятно. Но ведь, рассуждая здраво, шестидесяти-семидесяти процентов голосов не соберешь? Значит, хоть четверть, хоть треть с гаком все же без водки и пятачков голосуют «правильно» по своей воле и уму. Точнее, отсутствию ума.

Неужели кто-то из них, нищих по современной жизни, всерьез может воспринимать бесконечные уверения с экранов телевизоров, особенно перед выборами, что страна вот-вот станет великой и могучей, а каждый «россиянин» (термин *Е.Б.Н.*) если не миллиардером в долларах, то уж рублевым миллионером точно?

А ведь многие из них по жизни люди профессий, требующих начатков интеллекта и логики мышления: учителя, инженеры, врачи, военные, даже профессора и писатели. И в голову им не приходит закон Архимеда: сколько из одного сосуда воды вытекло, столько же прибавилось в другом. Такими взаимосвязанными сосудами является могущество, прежде всего военное, государства и усредненная степень благосостояния отдельного гражданина.

...Здесь Сысой вспомнил разговор с дядькой своим Василием Тимофеевичем, давно уже в отставке капитаном второго ранга. В отличие от сухих, а ныне и вовсе прервавшихся отноше-

ний с теткой Ниной, тож Тимофеевной, Сысой хоть раз в год, но приезжал к дядьке в Севастополь на два-три дня.

Если тетка Нина почти что публично прокляла племянника, то Василий Тимофеевич темы деятельности Сысои не касался, как человек военный четко разделяя родственные отношения от всяких политических и иных пристрастий. Правда, раз, когда захмелевший племянник стал требовать признания его нынешнего статус кво, то Василий Тимофеевич на какие-то секунды протрезвел и коротко определил диспозицию: «Если мы были на корабле в военное время, то перед первым же боем я бы приказал вздернуть тебя на рее».

...Сысой списал услышанное на особенность военно-морского юмора. Василий Тимофеевич из числа своих флотских лет полтора их десятка ходил на двух флотах — Тихоокеанском и Северном — на атомных ударных подлодках. Это навряд печально известного «Курска»: предположительно потопленного американской же лодкой у самого берега острова Кильдина, то есть почти что в акватории базирования Северного флота...

Дослуживал до отставки в тогда еще советском Севастополе в учебке подводников Черноморского флота. В городе русской славы и остался жить на покое, делясь уже четверть века. — С супругой и незамужней дочерью.

◆ ...Поэтому и закон Архимеда о сообщающихся сосудах Василий Тимофеевич проиллюстрировал племяннику в военно-морской аранжировке:

— Возьмем, Артем Батькович, два времени: где-то конец семидесятых — начало восьмидесятых годов, когда я на лодке Северного флота служил, и нынешнее, когда последние советские подлодки дорабатывают свой ресурс, ржавея у пирсов. А новые «строятся» только в пламенных предвыборных речах. Первое — реальность бывшая, второе — реальность очень скорого будущего.

Вот сообщающиеся сосуды моего времени. Проводит наш Северный флот большие учения — далеко от наших баз в Кольском заливе, в Атлантике. Зона учений объявлена всем и вся заранее, в том числе Пентагону. В ответ в эту зону нагло впирается звездно-полосатый авианосец. Надо его выдворять, дабы его по ошибке не задеть — воплей не оберешься. По-сылают нашу ударную подлодку.

Демонстративно всплываем в полумиле от «посудины» водоизмещением под двести тысяч тонн. Командир ихний знает, что он, во-первых, не прав; во-вторых, он осведомлен о количестве торпед и крылатых ракет подводного старта у нас на борту, в том числе с ядерными боеголовками: настоящими, не муляжными. Ибо на учении такого ранга как в бою.

Учения учениями, но для потенциальных противников все должно соответствовать обстановке, приближенной к боевой. Ведь в любой момент «икс» может прийти сигнал о начале Третьей мировой...

Слаженный механизм авианосца начинает нервничать; громадина разворачивается носом к нам, чтобы до минимума свести сечение корабля

для торпед, а заодно «затенить» посадочную палубу от ракет. Понятно, что толку от этого мало: торпеды у нас с самонаведением, надо — и в форштевень тютелька-в-тютельку попадет. А от крылатой ракеты и вовсе спасения нет.

Та-а-ак, занервничали. Каперанг наш дает приказ на погружение.— И все. Теперь мы неуязвимы от авианосца, а тот в полной нашей власти. Матерясь по-американски, командир дает команду на поспешный уход из зоны советских учений.

По внутрикорабельной трансляции наш командир скупно благодарит экипаж за удачный маневр. А в «пересчете» на военное время это соответствует уничтожению гордости американского флота: пущен на дно Атлантики стальной монстр, построенный на верфях Филадельфии... захватив с собой пять тысяч членов экипажа. А в отсеках всех боевых частей лодки заняты своим делом матросы-срочники, старшины, мичмана и офицеры — все в одинаковых белых холстинковых робах и штанах. Из знаков различия — только узенькая полоска поверх правого кармана робы: комбинация букв и цифр.

Срочники отслужат свои три года и на дембель. Нормально будут жить и работать, никому не завидуя. Офицеры поболее пробудут под водой и на своих базах. Выйдут в отставку с приличной пенсией, с квартирой — у кого на Черном море, как у меня, а кто предпочтет теплую Украину или родную Центральную Россию. Хорошо будут жить, тем более не завидуя никому.

Таков, Артем, был закон Архимеда в наше время: государство — сверхдержава, а народ не

роскошествует бездумно, с осознанием самодостаточности — главное — с осознанием смысла своего существования живет.

◆ — А вот, увы, неизбежная «картинка с выставки» очень скорого будущего. В чем-то уже и сегодняшнего дня.

Хорошо живут россияне, торгуют в основном друг с другом. Каждый — рублевый миллионер: кто в натуре, а кто в мечтах. Тихо и спокойно живут. Только на время больших выборов *СМИ* начинают растормашивать добрый народ, как назойливые мухи мирно спящего под кустом трезвеющего мужика.

Вот и на флотскую базу сверху пришла депеша: провести образцово-показательные учения-маневры.

Почесали затылки сухопутные адмиралы — советские корабли давно свое отработали. Новых столь же давно не строят и строить не собираются... Вот и вышел на учение, естественно, в паре миль от базы, пластиковый катер тайваньского производства. Экипаж из трех воинов: в трюме машинист, в рубке — рулевой за штурвалом, на палубе — начальник боевой части. Офицеры на такой посудине не положены, поэтому все трое контрактники. Старшинские звания упразднены, поэтому на американский манер все трое в сержантских чинах.

Замечательно живут моряки-контрактники: жалованье большое, в море ближнее выходят только на выборы. Отслужат свое, вернутся домой, бензоколонки откроют, как и все миллионерами станут.

Горделиво стоит на палубе начальник боевой части. Из оружия на кораблике только «ка-

лаши» китайской фабрикации; ижевский завод давно своих не мастерит. Тачают на заводе лопаты для удмуртских фермеров.

Идет через зону учений по своим делам американский авианосец. Еле катер успел отскокить... Янки-матросы в белых своих шапочках с изумлением смотрят на пластмассовую плоскодонку и на нашенского сержанта на палубе: одет в стилизованный под военно-морскую форму прикид из черного бархата от Юдашкина. Весь в золотых шевронах, бирюльках и флотских наградах.

А матросы-негры скалозубо хохочут. Как хохотали британские колонизаторы в Африке над их недавними предками, только-только спустившимися с деревьев и поступивших на службу в колониальную администрацию: жара под пятьдесят по Цельсию. А они горделиво маются в галстуках и пиджаках...

Вот, Артемушка, нынешний закон старины Архимеда.

...Совсем погано стало на железобетонной душе Сыся, вспомнившего прошлогодний разговор с севастопольским дядькой.

Однако — пора в путь. Проходя приемную, кивнул Люде, красивой губы («Мама в гости приехала, будет все уговаривать замуж выходить...»).

Егор, стартуя машину, спросил:

— Прямо в ресторан или в избирком сначала?

— Знаешь, там без меня обойдутся. Давай за город, в костомаровский ресторан.

— Девок будем брать?

— Там же номера. Свои найдутся. Буду
б... весь день и ночь.

— Правильно, шеф. Подобное лечится по-
добным, как говорит мой отец.

Сысой искоса взглянул на догадливого шо-
фера и хмыкнул. Нет, господа хорошие, наш
электорат не так прост!

**НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ:
«ОТ ТРУДОВ
ПРАВЕДНЫХ...»
БЭДНИ СЫСОЯ**

◆ Хотя прошло уже полторы недели со скандальных бортянских выборов, но Сысой, входя утром в приемную, отмечал некоторую сухость в приветствии секретарши. Сегодня, будучи в хорошем настроении — по погоде — даже позволил шутку: «Правильно, Людок, злись на нас, народных кровососов! История, как писал твой умный брат в предвыборных прокламациях, есть категория периодическая, повторяющаяся. Придет очередной семнадцатый год — и нас, толстозадых, опять братишки, перепоясанные пулеметными лентами, в деревянный бушлат оденут...». Сысой заговорщицки подмигнул и слегка переврал школьного Некрасова: «Жаль только в пору прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе». — И прошел в свой кабинет.

Начинался рутинный трудовой день. А Люда даже улыбнулась, оставшись сам-одна в приемной. Все же в отъявленном мерзавце Сысое есть некоторая здоровая основа. Пожалуй, и спала бы с ним, не будь Сысой неразборчивым бабником. Тот же и не отрицал: будь на дворе советская власть, особенно времен железных сталинских наркомов, так был бы он не с погонялом Сысой, а именовался товарищем Сысоевым, Героем соцтруда и орденосным директором крупнейшего в главке оборонного завода...

Странно, но и Сысой то же подумал, перелистывая ежедневник срочных, полусрочных и вовсе пустяшных дел. «Были стрелки, стали сделки», — бормотал он. Нашел-таки запись важнейшего на сегодня дела: выяснить, почему главные в Бортянске мент Трифонов и пожарник Фоменко вдругорядь за этот квартал и, что настораживало, одновременно потребовали от

городских оптовых торговцев и предпринимателей внеурочный бакшиш. Даже ему, невзирая на авторитет, намекнули: неплохо бы поддержать бедных полковников...

Сысой поначалу хотел послать куда подальше наглецов, но подумал и по кости им кинул; закон воровского общака: надо даже со всякой сволочью делиться от излишков. Сволочь, но ведь своя сволочь... Как говаривал некогда американский президент, спасая из потерянного америкосами Вьетнама своих марионеток...

Вот совсем недавно полетел с поста с воровской статьёй тулуповский губернатор. А почему? — Сверхжадным оказался хохол, много хапнул и со своей шайкой-администрацией не поделился. Правда, успел им отомстить: всех под тот же монастырь подвел. Так и пошли бы всем кагалом на отсидку, да воспоследовавшие двойные выборы удачными оказались; на радостях всех их спустили на тормозах. Тоже закон общака сработал.

Но что случилось с Трифоновым и Фоменко? Сысой не переносил неясностей и фигур умолчания в своем городе.

◆ Позвонил своему осведомителю в городской управе; тот толком ничего не знал, но дал наводку: какие-то семейные дела. Раз семейные, то это к бабам надо обращаться. Позвонил по селектору Люде:

— Не слышала, что там мент с пожарником гудят, народ с бабками трясут не по времени и не по чину?

— Так они решили кумовьями стать, вот и собирают на подарок будущим детишкам-новобрачным: коттеджик завалющийся, новая ма-

шина, медовый месяц на Кипре и всякое по мелочи.

— Угу, понятно. Позови ко мне Карлыча. Да, если Аркадий сейчас в городе, то и его кликни.

В ожидании юрисконсульта и Аркадия, своего поверенного по московским делам, Сысой вычеркнул из ежедневника фамилии Трифонова и Фоменко, но задумался.

Оно вообще-то хорошо, что полкаши породнятся; легче договариваться будет, да в случае чего оба вместе в нижнетагильскую «красную зону» пойдут по этапу. Явно не по чину стали жировать! Ишь, удумали, как наши среднеазиатские самостийные ханы и султаны, династические браки устраивать.

Хотя, Трифонов — правильный современный мент, с поборами почти не зарывается, до баб и пьянки умеренно охоч, да еще успевает за своими делами относительный порядок в своей псарне содержать: за год не более пятка из его гвардии на отсидку попадают за превышение...

Зато Фоменко? — Ну что за напасть такая на Руси: что ни пожарный чин, так сволочь откровенная! Где их там штампуют... вроде как в Пензе пожарное училище. Но пензяки, что по жизни встречались, люди все приличные. Где же они будущих пожарных полкашей отыскивают? — Не иначе как по всей стране собирают...

Посмотришь стрезву на Фоменку — даже оторопь берет: экое несуразное подобие человека! Ростом метр сорок с высоченной юдашкинской фуражкой, косолапый, пузо за ремень брючный переваливает, рожка что твоя ж... Тьфу! Главное, глазенки маленькие, бесцветно-

наглые, поза всегда лакейская, если только не орет на подчиненных...

Вот в Тулуповске его областного начальника, тоже полковника, по виду — брата родного, даже с похожей фамилией Фомченко, недавно на серьезную отсидку определили. Жил себе припеваючи, брал с правых и с левых — это не о политике — да зарапортовался: затребовал непомерное с солидного купца и областного депутата. Вот и получил по зубам. И наш Фоменка своего часа дождался. Пусть только в его владения сунется; тем более на химкомбинат позарится.

Сам многогрешен, но вокруг — куда ни кинь, везде клин! То есть ворье одно.

...Зуммер селектора отвлек Сысою от обличительных размышлений:

— Артем Андреевич! Борис Карлович пришел. А Аркадий со вчерашнего дня в Москве. Спрашивал: позвонить вам?

— Не надо, без него обойдемся. Пусть Карлыч войдет.

С юристом они закрылись в думной комнате, где и проговорили о важном до самого обеденного времени. Люде велено было всех визитеров первой половины дня гнать прочь, а серьезным людям переназначить время приема на завтра.

...Выходя с юристом из кабинета в приемную, довольный разговором Сысой и несколько скисший от порученной работы Борис Карлович распрощались. Последний сказал секретарше дежурный комплимент насчет наступившей весны и ее веянии на столь очаровательных женщин. Дескать, был бы он раза в полтора моложе, так приударил с самыми серьезными намерениями.

Сысой шутливо изобразил на своем лице

свирепую ревность, а Люда, очень довольная ровным весенним солнышком в окне и своими новыми колготками класса «люкс», загадочно ответила бунинскими стихами:

*...А для женщины прошлого нет,
Разлюбила — и стал ей чужой.*

Сысой непонятно усмехнулся, вспомнил и остановил Бориса Карловича уже на пороге приемной:

— Так ты, Карлыч, вспомни наш давешний, в начале зимы, разговор насчет моей те-тушки. По некоторым слухам, она сейчас устраивает новую жизнь и собирается продавать наш родительский дом в деревне. Она неопытна в таких делах, так сама тебе позвонит, или ты ненавязчиво сам напросись... Главное, чтобы все правдоподобно выглядело, а я — не я и кобыла не моя! Будь здоров.

Возвращаясь в кабинет, Сысой опытным глазом «левака» отметил ранее им не виденные колготки Люды, присвистнул, подмигнул ей и затворил за собой дверь.

Люда чуть покраснела, вспомнив сегодняшнюю свою дурь, что-де может и спала бы с Сысоем, не будь он таким бабником. «Да-а,— подумала,— весна пришла. Щепка на щепку лезет, как тот же Сысой говорит, а в ней ярится самый пик второй молодости. Нети, Людок, надо тебе хорошего мужика завести, а то и не заметишь: время пролетит, никакие колготки тогда не помогут. Но где его, хорошего-то во всех отношениях, взять? А воспитание не позволяет чисто бабским обойтись: мол, если нет любви, так хоть с мастером...

И Сысой, хотя и был всепогодным и всезонным бабником («Мое «очко» — мои двадцать один сантиметр всегда готовы к делу», — приговаривал в кругу собутельников), но сейчас тоже почувствовал первое веяние весны «Разветься что ли?» — Но, особо не раздумывая, позвонил Егору, чтобы подрулил к входу, а, проходя приемную, сказал Люде, что поехал на обед, чего и ей желает.

— После обеда ждать? — Люда слишком хорошо знала повадки шефа.

— Можно ждать, а там по обстоятельствам.

— Понятно. Нелли звоню, чтобы спускалась к машине.

◆ Пообедав в пустом в дневной час банкетном зальчике своего «Тимофеева трактира», самого приличного в городе ресторана с номерами, названном в честь деда, любившего иногда кутнуть по-деревенски, Сысой поднялся со спутницей на второй этаж в личный «кабинет-кровать», как его именovala обслуга заведения.

Нелька, новая его переводчица и эскорт-дама, как это сейчас называется, на званых представительствах, в прошлом году окончившая иняз Тулуповского пединститута, еще не приелась Сысой, поэтому он заставил ее непритворно стонать уже под совместным душем. При всех своих достоинствах и женственной ладной фигуре, имела она свой пунктик: обязательно с полчаса поспать в перерыве между «моментом истины». Сысой же после отменного обеда со сборной солянкой, семгой а-ля натюрель, жаркого из седла барашка и полбутылки любимого «камю», а главное — после освежающего соития с натуральной блондинкой под струями ду-

ша не то что сон, даже легкая дрема не смела приблизиться.

«Таковая наша тяжелая мужская доля,— усмехнулся он про себя,— баба есть тонкий инструмент, торопливости в интима не любит. Только за деньгами к кассе в табельный день может торопиться!»

Ровное дыхание Нелли умиротворяло. Он совсем не чувствовал тяжести ее теплой, обвитой шелковистыми прядями головы на своем плече. Усмехнулся, вспомнив их первую близость полгода назад. Также не дождавшись постели, в ванной комнате загородного дома, повторно встав под душ с ней, поинтересовался: откуда такие женственно-роскошные формы в неполные двадцать два года. Она рассмеялась: «А это, мой многоопытный повелитель, от принятого сейчас раннего начала сексуальной жизни. У нас в десятом классе только страшилища и отличницы, впрочем, они ими и были, нетронутыми оставались».

Дальше случился прелюбопытный диалог. Уже в постели.

— И это считается нормальным?

— Конечно, девственность беречь — не деньги экономить. Чем раньше начнешь, тем жизнь интересней становится.

— А не надоест еще загодя до старости?

— Не знаю,— рассмеялась Нелли,— не пробовала еще. Это я про старость. Но я себе зарок дала: до шестидесяти лет буду с мужиками вожжаться.

— Дай бог, дай бог... Кстати, ты из каких соображений мое предложение приняла? Деньги, карьера, а?

— Не совсем, хотя это все в стиле времени. Скажу откровенно: женское любопытство. Очень наши офисники твои достоинства в постели расхваливали!

— Ну и как сама?

— Супер! Как такой накачал?

— Это не накачивается. От дела Тимофея, наверное, унаследовал.

— Да-да, из университетского курса психологии помню, хотя и не отличница: через поколение все передается. И физиология, и содержимое головы, и все остальное вместе взятое.

...Нелли породисто всхрапнула, во сне переложив свою голову с его плеча на грудь, повернулась на бок и прижалась к нему дышащим сухим жаром телом. Снова ровно и покойно задышала.

Сысой уже хорошо знал: минут через десять проснется, захихикает и требовательно затеребит его, одновременно легко покусывая плечо. Но — это через десять минут, а сейчас мысли его текли также ровно, покойно и рассудительно.

◆ Конечно, по части соображаловки ей далеко до Люды, но головой совсем не слаба для нынешних недоносков. И через пару-тройку лет, если по рукам и наркоте не пойдет, то фигурой Люду догонит. К сожалению. К этому времени она мне надоест. И надоест по простой причине: растолстеет, никакие фитнесы и голодоморные диеты не помогут. Во-первых, Нелли явно удалась в мать — вальяжную пышную красавицу, директоршу школы... здесь Сысой почти смущенно хмыкнул: дескать, извращенец такой! А вспомнил, как пять лет назад, когда дочери учились еще не в Англии, а в этой самой шко-

ле, где его тотчас сделали членом попечительского совета, имел он — для разнообразия жизни — несколько интимных встреч с матерью Нелли. Самой тогда школьницы.

Вот во-вторых-то как раз связано со знанием Сысоем отличительных черт характера как мамы, так и дочки: слишком обе любили постельные дела и отдавались им с подлинной страстью. Да если учесть в случае с Нелли мастеровство Сысы, его ненасытность и, так сказать, его физиологическую гордость... Здесь не надо быть, как говорила умная Люда, биологом или психологом, чтобы понять причину потолстения таких женщин. Правда, Люда про биологов-психологов говорила по другому поводу, по какому-то схожему.

Здесь он услышал контральное «хи-хи» и легкое прикусывание в предплечье. Горячая волна прокатилась к низу живота, а уже через пару минут Нелли застонала, а Сысой явственно услышал ее произвольные в страсти: «Мам-ма!».

Очень уж это получилось во время! От неожиданности такого унисона его размышлений и «момента истины» Сысы продернуло чем-то острым и холодным. Эта волна добежала уже снизу до головы, а в последней отдалась резким ослаблением, как в самолете, идущем на посадку.

Именно такое ощущение он испытывал в стыдливой еще юности после первого соития с новой девицей-однокурсницей: и верилось, и не верилось в первые секунды после разжатых объятий, что это теплое и податливое, хрупковатое еще на вид тело стало его собственностью, собственностью торжествующего самца.

Но в те времена вспыхивала и любовь. Долгая ли, короткая, но — любовь. Однако постепенно с его заматерением и калейдоскопом все новых и новых партнерш это чувство проявлялось все реже и реже, пока не стало и вовсе туманным воспоминанием о давно прошедших годах.

И только в первые дни начала общения с Нелли он ощутил что-то похожее. Даже как-то дикая мыслишка его посетила: не развестись ли со своей мымрой и жениться на Нелли, завязать с постельной разнузданностью «на стороне» и начать новую жизнь с чистого листа... Но тут же и рассмеялся: хромого могила исправит!

Тогда же серьезные дела навалились и с Нелли конфуз случился: залетела — то от вспыхнувшей страсти бдительность потеряла, а может таблетки (Сысой не переносил резинок) паленые китайские попались? Кто знает, но после всех этих дел и конфузов, увы, чувство влюбленности уже не возвратилось, а отношения их перешли в ровную, затяжную фазу. Но — не в холодно-деловую. И то слава тому мальчонке с луком, что с Олимпа.

...Еще одно полезное качество Нелли унаследовала от матери: нет у них патологической жадности к деньгам. Дико это звучит в наше сверхмеркантильное время, да к тому же в отношении женщин, и так биологически зацикленных на купюрах и золотых побрякушках, но здесь именно так. Здесь Сысой, занимая размышлениями очередные полчаса отдыха со спящей на его груди Нелли, усмехнулся: не только на старуху, но и на молодуху бывает проруха! И с ужасом почти почувствовал, куда гнут его

пакостливые мысли: а не возобновить ли, так сказать, в параллель, знакомство с Катериной Михайловной, благо она ровесница его, родила Нелли на четвертом курсе пединститута! Так сказать, для остроты кобеляжа.

Не-е-ет, Сысой, это у тебя явно от пролистывания тех журнальчиков с объявлениями «Мама с дочкой ждут в гости состоятельного господина», что летом на Варшавке верткие пацаны бросают в открытые окна томящихся в заторе автомобилей. Нет, это уже от лукавого. Сысой с его деревенским воспитанием от деда Тимофея люто ненавидел извращенцев...

◆ В половине пятого пополудни Сысой свел томную, разомлевшую Нелли со второго этажа и далее — в машину. Егор лихо зарулил у ее недалежного дома. Пришедшая в себя Нелли чмокнула Сысою, сделала шаловливо ручкой шоферу и застучала каблучками к подъезду.

— Куда теперь, шеф — в обрат, в контору?

— Нет, поехали в эту... как ее — в мэрию-...ерию.

Мысли Сысою уже переключились с шалостей на текущие дела. Весна весной, но город без присмотра оставлять нельзя.

В коридорах управы веяло одновременно и запустением, и весенним дуновением. Первое — понятно, все серьезные дела по городу и району решались в директорском кабинете на химкомбинате или в банкетном зале «Тимофеева трактира». Весенний же настрой выдавали отдельные секретарши и инструкторши, встречавшиеся по пути Сысою: чуть более, чем обычно, короткие юбки, несколько ниже декольтированные блузки, а помада на губах вольнолюбиво отсве-

чивала перламутровыми блестками. И это не-взирая на строгий устный приказ нынешнего градоначальника Коли-водопроводчика, как его звал за глаза весь город, одеваться на службе скромно, чтобы можно было отличить мэрию от публичного дома.

И в приемной градоначальника одиноко перелистывала папку с бумагами пожилая, специально подобранная Колей, как символ пуританства нынешней администрации, секретарша Вера Игнатьевна.

Увидев приоткрытую по административному этикету на четверть проема тамбурную дверь в кабинет, поздоровавшись с секретаршей и ловко ввернув в приоткрытый верхний ящик стола извлеченную из кармана пиджака баночку черной икры, Сысой утвердительно осведомился:

— Так понимаю — срочный вызов в район?

— Да-да, Артем Андреевич, спасибо за презент. У меня записано, что Николай Алексеевич ждет вас к пяти часам, но позвонили из обладминистрации: наш новый губернатор в рамках президентской предвыборной кампании выехал к нам в район на долгострой бани в Ивахнинском поселке. Поэтому и Николай Алексеевич туда уехал. Просил извиниться; он вам попозже сам позвонит.

Сысой кивнул, осведомился о здоровье и школьных успехах долгожданного Верой Игнатьевной внука-первоклассника. Не слушая ее восторженные референции умнице внучку, Сысой задумчиво смотрел на напольный бюст Георгия Валентиновича Плеханова, стоявший в красном углу приемной. Опять же в Бортянске и в самом Тулуповске хорошо было известно, что еще на

заре демократизации, почти одновременно с окончанием «сухого» закона Горби-меченого и введением в милицейский обиход резиновых дубинок Коля-водопроводчик провозгласил с одной из митинговых трибун: «Только правильно понятое учение великого Плеханова позволит нам всем стряхнуть с себя бациллы советизма и сделать Россию великой и свободной!»

...Может это и не запомнилось бы, но вслед за этими программными словами в Колю полетел и пребольно ударил в грудь ржавый, явно подобранный на помойке, сортирный водопроводный вентиль. Городские и областные газеты подняли шум с цитированием плехановских слов Коли. На другой день он проснулся слегка смазанный йодом и знаменитым.

Бюст же изваял придворный тулуповский скульптор, автор всех городских памятников и бюстов за последние двадцать лет Артур Белоглазов. Заплатил ему Сысой — дело было в прошлом году, а Коля-водопроводчик бартером издал приказ о присвоении деду Тимофею посмертно звания Почетного гражданина Бортянского района, специально введенного в обиход.

Заодно Сысой заказал Артуру и бронзовый бюст на могилку деда. К сожалению, бюст на третий день после установки на сельском кладбище сперли для сдачи в утиль. А из мрамора Артур бюстов делать не умел.

◆ Сысой слегка раздосадовался: он не любил, когда продуманная цепочка действий на время давала сбой. Так и сегодняшний разговор с градоначальником был следующим звеном утренних обсуждений с Карлычем.

Но — против лома, то есть губернаторско-

го визита в район, как известно, даже в боевом каратэ нет приема.

Он уже прощался с Верой Игнатьевной, стоя спиной к входной в приемную двери, когда та растворилась и послышался хорошо знакомый голос:

— Верочка Игнатьевна! Ба, да сам Артем Андреевич! А я вот к Николаю Алексеевичу на минутку за подписью... Да его, наверное, нет, на встречу с губернатором отъехал?

Вера Игнатьевна, много чего знающая, да кто в городе об этом не знал,— в оба глаза смотрела на картину неожиданной встречи «зятка» и «тещиньки», как заглаза в бортянском бомонде именовали Сысою и директрису самой престижной в городе школы-гимназии. Пикантности добавляла и устойчивая молва об имевших некогда место связях «зятка» и «тещиньки».

Сысой же, услышав со спины хорошо знакомый, энергично темперируемый голос Екатерины Михайловны, так и замер, вспомнив свои недавние шуточные размышления о «параллели» и даже мысленно перекрестился: «Чур, чур меня, окаянная сила!»

Преодолев секундное ошолбенение, повернулся и поздоровался. Первый порыв весны, вне всякого сомнения, не обошел стороной и первую красавицу городского истеблишмента, явно скучавшую за скромными ночными ласками слабосильного мужа, наробразовского чиновника средней руки.

«Вот такой же серьезно-сексапильной, роскошной станет Нелли через пару-тройку лет,— подумалось вдругорядь Сысою,— нет, не должна она мне надоесть ни через три, ни через пять лет...»

И тут же образ Нелли погас, а его потянуло к роскошной, манящей и обольстительной, а она уже пела осанну щедрому благотворителю ее школы:

— ...Как ваши девочки в Англии-то? А мы вас всем коллективом благодарим за высокоскоростной интернет и переоборудование компьютерного класса...

Здесь Сысой ухмыльнулся: то-то теперь школяры порнухи посмотрят на этом скоростном интернете! А Катерина Михайловна все продолжала, ориентируясь в основном на секретаршу:

— ...А учреждение ежегодных грантов для лучших предметных учителей и вовсе фурор произвело, даже в губернском департаменте просвещения вас в пример остальным серьезным предпринимателям ставят! До Москвы самой дошло. Наши учителя все интересуются: почему вы эти гранты назвали по имени своего деда Тимофея?

Сысой помедлил чуть, живо вспомнив похабные частушки Тимофея и его рассказы о боевой молодости в чоновском отряде, где он лихо рубил шашкой кулацкое отродье от мала до велика, назидательно пояснил:

— Дедушка мой, несмотря на церковно-приходское образование, был ярким сторонником просвещения и культурной русской речи. О вообще его жизнь — пример человеколюбия и социального оптимизма.

Теперь уже в два голоса распрощавшись с Верой Игнатьевной глаза которой заблестали, как у матерой кошки, увидевшей мышку, Сысой и Катерина Михайловна вышли в пустынный коридор.

«Господи! Или дьявол? Что я творю?» — взмолился внутренне Сысой, рискнул взглядом вправо-влево, убедился, что дверь нигде не скрипит, и, чувствуя, как все в нем напряглось, развел полы расстегнутой шубы Катерины, обхватил торс соблазнительницы и вжался в упругое тело. «Что творю? Что творю? Что тво-орю...» — и замер в голове голос разума.

Здесь скрипнула — или показалось? — третья от кабинета градоначальника зверь. Катерина, мгновенно запывав лицом, ловко выскользнула из железобетонного объятия Сысои, шепнув: «Еще не вечер, дорогой!»

◆ Как и почти все персональные водители, Егор с интересом читал раскрытую на руле книгу — второй том мемуаров генерала Деникина. До недавнего времени в многочасовых ожиданиях заседающего или б...го хозяина он читал до оупения одинаковые детективы в мягких обложках. Заметив это, секретарь Люда по своему почину взялась за повышение интеллекта Егора, принося из дома или от брата более полезное чтиво. Егору это понравилось, а Сысой предупредил вроде как шутливо: «Ты, Егор, читай да не зачитывайся! Ибо начнешь размышлять, думать. А думать, особенно в наше время, качество вредное и вовсе порой опасное. Даже состоятельным людям это ни к чему».

Увидев выходящую из здания мэрии парочку, Егор и бровью не повел, всего навидавшись, захопнул том Деникина, отметил резонно про себя: та-а-к, значит сегодняшнюю ночь не под боком у супруги проведу, а в гостевой комнате в коттедже за городом.

Сев с попутчицей на заднее сиденье, Сысой приказал:

— Давай к Дому учителя. Подбросим Катерину Михайловну.

С ней же они коротко, по-деловому все обсудили еще в вестибюле. До восьми Катерине надо быть в Доме учителя: «Губернатор, конечно, к нам не заедет, вот ему интересно слушать и морщиться на вопросы о повышении зарплаты и увеличении школьного финансирования! Но горобразовское начальство решило перестраховаться, всем директорам школ, техникумов и профучилищ до вечера сидеть и не расходиться».

А в начале девятого Сысой подъедет, за соседним домом подождет ее.

— А мужик твой? Нелли не догадается?

— Да все одно к одному, милый, нам благополит. Муж до конца недели на каких-то долбаных курсах в Москве — изучают новые веяния от министерства по части усиления роли этого, не менее долбанного интернета. Нелька же, как сам уже смог оценить, девочка умная, вся в меня, над лишним не задумывается. Позвоню — уехала, мол, к сестре в Тулуповск до завтрашнего вечера, какие-то у нее семейные неурядицы. Тем более, что это так и есть, и Нелька об этом знает. А завтра и правда к ней съезжу.

— Ну и стервы же вы, бабы, — восхитился Сысой.

— Рыбак рыбака... — засмеялась Катерина и, не обращая внимания на Егора, вырuliваяющего с площади мэрии на дорогу, приластилась к плечу Сысои.

...Егору же и вовсе не было никакого дела

до воркующих. Думал: хватит ли ему на сегодняшний день-вечер оставшихся полутора сотен страниц воспоминаний белогвардейского генерала, которого в последние годы часто стали хвалить по радио и телевизору. Никак его хотят посмертно орденом наградить.

◆ Высадив Катерину у Дома учителя, Сысой вознамерился было ехать на свою фабрику «Тимофеевы колбасы» — выгнать вшаей и прилюдно проворовавшегося директора, но позвонила Люда:

— Артем Андреевич! Я все на сегодня по канцелярии сделала, ухожу домой, а только сейчас Аркадий из Москвы приехал. Передаю трубку ему.

Поздоровавшись, Сысой велел своему поверенному по московским делам ждать в конторе.

По-столичному лощеный, с постоянно загорелым лицом Аркадий в провинциальном Бортянске выглядел случайно заблукавшим в мало-черноземном болоте консулом-латиносом. Зная почти что отвращение патрона к компьютерным гэджикам, он раскладывал перед Сысоем распечатанные листы, поясняя:

— Вот это сводная таблица по обороту московской наркоты, это по проституции, а здесь по тeneвым сделкам. Каждая статья расписана по этническим группировкам и отдельным крупным смотрящим из наших, кавказцев и зарубежников: ближних и дальних.

Здесь сводная таблица по нашему сектору — острiem на столицу — отмывки денег. Много действующих точек отбеливания в Тулоповске. Без ликвидации хотя бы четверти из них наш планируемый бизнес не будет давать

дохода сверх контрольной цифры. Но — это уже не мой фронт работы...

— Да-да, молодец, Аркадий, мы уже сегодня с Карлычем кое-что наметили. Это больше по его части. А ты давай по пунктам, таблицам и схемам подробно пройдишь.

Через час с четвертью Аркадий откланялся — обратно в столицу, работать по многочисленным замечаниям шефа.

— Забыл сказать, — остановил его на пороге кабинета Сысой, — я просил Карлыча, а он введет тебя в курс дела, позаботиться о продаже моей тетушкой, что поносит меня на каждом углу, дома в деревне. Вы с Карычем должны небольшой спектакль разыграть.

— Будет сделано, шеф! Я через пару-тройку дней сюда вернусь.

По-деловому возбужденный разговором с Аркадием, Сысой довольно потер руки, спрятал в сейф дубликаты принесенных тем бумаг — без его пометок, те Аркадий взял с собой, подмигнул черному квадрату на холсте. И почудилось в отблесках низко светящего из окна предвечернего солнца, что чернота квадрата, как кофейная гуща у гадалки, сложилась в тоновый рисунок: поочередно Нелли и Катерина одобрительно кивают ему.

— Тьфу, чертовки! — Сысою сейчас было не до шалостей с бабами. Отвернулся от картины, прошел в думную комнату, плеснул себе коньяка, выпил. Да, все пока складывается удачно. И хорошо, что сегодня Колю не застал, без презента пришел. Набрал номер Люды:

— Слушаю вас, Артем Андреевич, — голос секретарши выражал некоторое недоумение.

Сысой крайне редко звонил ей домой. Тот и сам ей не раз говаривал: «Мой дом — моя крепость», поэтому в свою мобилу в память и не записываю твои домашние телефонные координаты. К сожалению, память хорошая, не забываются». Она в тон ему отвечала: «При чем тут память, даже ваша, если мой городской номер любой с первого раза запомнит: в середине цифры — бабья пенсия, а по бокам — предельно низкий — в рамках уголовного кодекса — возраст ваших молодых пассий!»

— Людок! Я по делу. Если сегодня от готовки ужина и воспитания дочери останется минут десять-пятнадцать, пошарь по интернету: где купить какое-нибудь старое, желательно прижизненное издание всех трудов Плеханова, и где их роскошно в кожу с золотом переплести. Не сильно озадачил?

— Сделаю. А вы что, сегодня Николая Алексеевича не застали в мэрии? Ах, да, губернатор...

◆ Вспомнив после разговора с Людой по какой-то непонятной ассоциации об окончании сегодняшнего трудодня, позвонил и в коттедж прислуге: приготовить к половине девятого приличный ужин на двоих и потеплее натопить-разжечь камин в спальне. И столик там же накрыть: закуски, фрукты, напитки...

Уже по прямой ассоциации взглянул на часы: до восьми еще час с гаком, надо прилечь и отдохнуть, а то Катерина (он сознательно не пропускал в голову слова «мамаша» и «дочка»), в отличие от Нелли, не имеет привычки сонных «перекуров». Напротив, любит в перерыв, облачившись в шелковый халат, посидеть с Сысоем,

тож в халате, только махровом, за закусочным столиком, выпить рюмку коньяка, закусить с отменным аппетитом, при этом беспрерывно болтая. Уважает слушать от Сысоя матерные анекдоты, возбуждающие ее на следующие постельные полчаса.

Выпив еще стопку, Сысой, сняв как аккуратист ботинки, прилег на думный диван. Задумался на злобу дня. Он прекрасно понимал: для чего затеял эту пакость с Катериной. Для того только, чтобы этой, так сказать, бытовой пакостью затушевать задуманное, сверхпакостливое — заработать изрядный куш по отмывке столичного черного нала. Опять все упирается в досадный, неразрешимый вопрос: есть предел накопительству?

Неужели их так правильно учили в советской школе? Что делать и кто виноват... Да, скорее всего — это за что-то ниспосланное именно русским проклятие: не жить как весь остальной мир, а мучиться этими дурацкими вопросами. И неважно, кто ты: последний бомж или процветающий делец. Главное — ты русский, и это звучит как приговор.

Что бы сейчас (а по чьей указке?) не верещали с экранов и репродукторов на кухне, не тискали на газетных листах про пресловутую толерантность, национальное и расовое равноправие, но жизнь-то об обратном свидетельствует. Вот говорят: преступность не имеет национальных границ. Допустим. Но у нас все состояния — плод преступности, а значит, все мы, избранники такой новой жизни — самые настоящие преступники, по которым ржавеют топоры лобного места. И аз, грешный, в их

числе. Ну-у, не в первой десятке, конечно, даже не в первых сотнях условно приговоренных, но и до его сотни по божеской справедливости должно дойти лезвие палача, веревка на перекладине или девять граммов свинца...

Но как же в этих десятках лауреатов журнала «Форбс», в сотнях с условно отсроченными прокурорскими делами «Хранить вечно»... какое же отсутствие национальных границ? Во все наоборот. Никаких вопросов из школьной литературы не задают себе березовичи и абрамовичи, дельцы с Кавказа и с Закавказья, надвигающиеся с Востока, из Приморья вожаки китайских триад и чайнатаун. Да и многие другие. Нет для них таких вопросов.

Зато есть выраженная, веками и тысячелетиями выпестованная национальная устремленность. Кто-то, ограбив всю страну, копит свой многомиллиардный шекель на строительство Третьего храма, на сей раз — всемирного. Другие, обложив свое ложе мешками с «зелеными», видят сладостные сны о Великом Туране и супермечети на Красной площади. А кому довольно и аула, процветающего на деньги глупых и трусливых русских налогоплательщиков. Как было в Золотой орде. Все понятно с китайцами.

Только русские воруют, грабят и пухнут от дармовых денег без всякой цели. А что делать-то, коли выпала лафа выбиться из серой массы грошевых бюджетников, нищих пенсионеров и гнущих горб за алтын работяг? — Если голова на плечах, мозги работают, сила так и прет из здорового тела — то чем еще заняться в нынешней стране? Где не сеют и не пашут, не строят заводы и авианосцы.

...Опять же вспомнились рассказы деда Тимофея, что по матери происходит из староверов, хотя и крещен был в никонианской вере, как он сам говорил. В царевы времена от Никона и почти до самой революции православная церковь жестоко преследовала староверов. Им запрещались почти все виды деятельности, исключая земледелие, ремесленничество и торговлю. Что оставалось из их среды делать людям умным, непьющим и крепким здоровьем? — Вот и шли в купцы, строили дороги, пароходы, заводы и целые обширные фабричные местности, как текстильный край вокруг Иваново-Вознесенка.

Но огромные свои капиталы не пропивали, что бы там сочинитель-драматург Островский о них не писал, а возвращали народу — без различия веры — и ненавидящему их государству в виде промышленных и культурно-образовательных объектов и центров.

Сейчас, как говорится, положение несправедного русского купечества хуже губернаторского. Нет цели, нет объектов приложения.

◆ Умные женщины — барометр состояния мятущейся мужской души. Не хуже кота, что чувствует больное место своего хозяина и сворачивается в сонный клубок на саднящем плече или боку.

Такова тетка Нина, в трудную пору заменившая ему рано умершую мать. К ним же относится и вовсе вроде посторонний ему человек — секретарша Люда. Но эти барометры не мембранные механические приборы со стрелкой, указывающей на текущее количество миллимет-

ров ртутного столба или гектопаскалей* в атмосфере. Это датчики сугубо биологические, душевные. Поэтому родственность-неродственность существенно сказывается на работе такого барометра.

Люда — почти чувствительный и безэмоциональный биоробот в этом отношении. Где надо — мягко подскажет, где не надо — промолчит многозначительно. А теткин барометр оказался настолько сверхчувствительным, любящим, что не выдержал дурных скачков давления у племянника, что перегнулся в другую сторону от нормы и обернулся ненавистью. Как у Ивана Грозного и Петра Первого к своим непутевым сыновьям.

Нелли и Катерина тоже суть барометры. Также сугубо биологические — не надувные резиновые куклы из интим-магазина. Но эти барометры реагируют только на давление в известном месте. Но и они здесь почти что исключение. Другие же постельные бабы Сыся регистрируют только давление — вес разовых или помесячных выплат «за услуги».

---

* Страсть к idiotическим нововведениям не сугубая привилегия нашего лихого времени. Опробование их относится к послесталинским советским временам. Достаточно вспомнить хрущевскую кукурузу от Мурманска до туркменских песков. Пик такого idiotизма — это имевшая место на рубеже 70—80-х годов замена привычных нам миллиметров ртутного столба на гектопаскаля. Народ хохотал, слушая утром за завтраком сводку погоды из кухонного динамика: «...Давление в Тулуповской области сегодня несколько выше нормы и составляет столько-то гектопаскалей». Хохот дошел до Кремля — и перестали полоскать имя великого ученого и философа Блеза Паскаля.— Прим. авт.

И совершенно напрасно ты, Сысой-сан, называешь Нелли и Катерину стервами и проститутками. Хотя и высокого полета. Нет, малоуважаемый, тебе здесь несказанно повезло: они почти что японские гейши, то есть превращающие скучный, вообще говоря, биологический акт в сладостное искусство. Как для него, но более всего для себя.

Что же касается ситуации «параллели», то, во-первых, они не настолько его укладывали между собой; во-вторых, мать и дочь (Сысой все же употребил в мыслях эти слова) — слишком своеобразный кентавр, чтобы сходу предосудительно о нем судить и рядить. Нормальный половой акт потому естественен и нормален, что третий здесь абсолютно лишний. А если случается пересечение с третьим, то в другом пространстве-времени. Даже если они и измеряются всего лишь километрами и часами.

Сложно все это — о бабских характерах размышлять. Хорошо бы Люда — в воспитательных целях — переориентировала Егора на чтение соответствующей литературы. Заставила же она его читать мемуары Деникина! Вот бы Егор и рассказывал вместо утренних анекдотов про поведение и хитрости женщин. Вот смеху-то будет! Но почему сразу смеху? — Думаешь, что Егор глупее тебя? Как бы ни так. Во всяком случае он побыл в свое время в братках, ну-у, пару-тройку достойных того морд расквасил, да одумался и в мирные водилы попросился. И это вовсе не из-за совковой узости мышления, трусости или чистоплюйства. Просто нужную ему философию выработал.

Сейчас Деникина читает и выводы из про-

читанного делает, что Сысою и в голову бы не пришли: дескать, надо учредить медаль этого белогвардейца и принудительно награждать ею с распиской об обязательности прилюдного ношения теми, кто силен задним умом.— Чтобы таких кавалеров и на версту не подпустить к руководящим креслам.

...Вот так и Деникин на антантовские деньги залил кровью весь юг европейской России, а потом, во время Отечественной войны писал прошения Сталину взять рядовым бойцом в Красную Армию.

«Ну-у, Егор,— изумился Сысой,— не дай, бог, принесет тебе Люда от своего братца полные собрания сочинений Маркса с Энгельсом и Ленина со Сталиным, так и Зюганову придется на заслуженный отдых уходить!» — «А не выйдет, шеф». — «Это почему? Как Чапаев — языков не знаешь?» — «Да нет, просто вспомнил анекдот. Стоит в зоопарке мужик перед клеткой со львом. Мимо служитель тамошний проходит. Мужик и спрашивает у него: мол, говорят, что лев за день тридцать кило мяса может сожрать? — А тот отвечает, что сожрать-то он сожрет, но кто ему столько даст».

◆ Вспомнив этот разговор с Егором, Сысой заухмылялся, еще тяпнул коньячку, вспомнил о губернаторском визите в район, взял со столика пульт и включил телевизор. Как раз время вечерних новостей.

Вот и молодцеватый губернатор распекает поселкового начальника за хронически недостроенную баню. Поодаль в кадре телеоператора стоит Коля-водопроводчик. Выражение лица попехановски сосредоточенное, но одновременно

и отсутствующее. Ибо здесь он вроде ни при чем, ибо между поселковым главарем и им стоят еще два начальника, а вассал моего вассала не мой вассал, как учили в советской школе. А на перемене школяры, дурачась, переделывали: вассал моего вассала твоему вассалу... Общій хохот, а у любопытных девчонок уши от непристойности нежно розовели.

Так у Нелли розовеет шелковистая кожа груди после... Тьфу! Опять о бабах! Рано еще, думай о делах. Однако время дел на сегодня уже вышло.

А на экране телевизора в местных новостях губернатора, руководящего на местах, сменил эмвэдэшный полковник со смятой фуражкой прической — главный в области по наркоте. Суконным языком, которому их обучают еще в сержантских школах, тот, явно стыдясь себя, докладывал о каких-то граммах героина, изъятых у гражданина цыганской национальности в результате тщательно подготовленной и успешно проведенной операции.

И Сысой почувствовал себя неловко. — За себя. Еще два года назад, наняв оставшихся без работы братков, он изгнал из города торгашей дозами и спалил в предместье пяток цыганских домов — опорных пунктов поставки зелья. Теперь же имеет намерение широкомасштабной отмывки денег от московских наркокартелей. Истинно, правая рука не знает, что творит левая!

Уныние Сысои усилилось в следующем сюжете губернских теленовостей: показали отрывок из интервью с заслуженным профессором Тулуповского университета, которому исполнилось семьдесят пять лет. Еще когда Сысой учился

в этом вузе, тогда именовавшемся техническим институтом, Владислав Сергеевич был живой легендой вуза и всей тулуповской военнотехнической науки, обширно представленной в городе двумя десятками крупных оборонных *НИИ-КБ* и серийных заводов.

Да что там Тулуповск и его областные окрестности! Был он научной фигурой с мировой известностью, нередко сидел в президиумах международных конгрессов и симпозиумов по газодинамике и теплотехнике летательных аппаратов.

На что уж Сысой-студент не любил математику, не из тупости, а по крестьянской, малочерноземной сугубой практичности, но и его охватывал порой внутренний восторг-озноб на великолепно аранжированных лекциях Владислава Сергеевича. А тот, как опытный преподаватель перемеживая академические анекдоты с изложением методов решения интегральных уравнений Фредгольма второго рода, убеждал студюзов: «Плох тот солдат, что не мечтает о маршальских погонах; вот и вы должны настраивать себя на кандидатскую, более того — докторскую ученую степень в будущей вашей жизни. А там без высших уровней математической науки не обойтись! И помните: для защиты кандидатской по газодинамике достаточно знать дифуравнения в объеме учебников Смирнова и Фихтенгольца, для особо одаренных, то есть ленивых — справочника Камке, то на степень доктора наук надо выходить, умея решать интегральные уравнения Фредгольма и Вольтерры с использованием метода регуляризации Тихонова!»

Случилось чудо: практицизм Сысои уступил свои позиции внутренней красоте спецглав выс-

шей математики в изложении Владислава Сергеевича. Крепко все в голове его осело.

...Намного позже, когда Сысой уже легализовал свою деятельность, случился конфуз с руководителем проекта по капитальной перестройке отвоеванной в братковских войнах Сысоем сахаро-рафинадной фабрики.

На техсовещании приглашенный из Москвы руководитель проекта зачитал обоснование и перешел сразу к экономической части, справедливо решив, что технические выкладки и чертежи явно не для узколобого (хотя Сысой и отличался мордастостью) бандюгана-заказчика.

Но Сысой затребовал «простыню» со схемой генпроекта, минут десять посидел над ней, затем задал вопрос:

— А почему тяговая труба едва ли не выше самых больших труб на химкомбинате с его гигантскими мощностями?

— Так по расчету, Артем Андреевич, получается.

— Дай-ка сюда пояснительную записку и раскрой ее на этих самых трубных расчетах.

«Цену себе набивает», — почти в открытую усмехнулся руководитель проекта, приказав своему помощнику принести из своего временного стройкабинета четвертый том пояснительной записки.

Сысой посмотрел оглавление, сам раскрыл в нужном месте и несколько минут листал страницы, исписанные математическими выкладками-постановками задач для программирования.

Главпроект уже устал скрывать змеиную улыбочку, когда все совещанцы вздрогнули от грохота полупудового кулака Сысои по столешнице:

— У тебя что — газодинамик с дипломом зооветеринарного техникума?

— Никак нет, — невольно вскочил и даже руки сделал по швам главпроект, — очень опытный инженер-расчетчик с тридцатилетним стажем ра...

— Уволь его к едреной фене, а сам заплатишь мне неустойку за частичную переделку проекта! Иди сюда, это что? — Сысой ткнул в одну из многочисленных формул на странице.

— Да-а-а я, собственно, в общем знакомился с проектами. Видите ли, расчеты не по моей части...

— Понимаю, по твоей части капусту срубить и нам говно вместо проекта сбegrить. Объясни своему расчетчику, что эта функция именуется нелинейным уравнением Вольтерры — Гаммерштейна, а под интегралом аргумент ядра уравнения должен значиться как «икс» минус «эс». Где минус, где «эс»? Да в советские времена твоего инженера перевели бы за такое в младшие техники, а тебя в завхозы. Не говорю уже о временах сталинских: статья по вредительству и общественно-полезный труд на просторах Колымы. Все, забирай свои бумажки, а через полторы недели все в исправности привезешь. Счет неустойки выставим твоей проектной конторе на днях!

...Заулыбался было Сысой от воспоминания, но тут же и поскучнел. Весь какой-то потерянный, резко постаревший, Владислав Сергеевич робко благодарил с экрана телевизора за высокую награду к «его скромному юбилею» — Почетную грамоту от администрации области. Потом и вовсе понес — явно с чужих слов — нелепицу о возрождении российской науки и моло-

дом поколения, динамичном и амбициозном, успешно штурмующем высоты этой возрождающейся науки в стенах славного их университета...

Кисло сморщившись от обиды за любимого профессора, Сысой взял со столика пульт и выключил телевизор.

◆ В тот же миг напольные часы в кабинете с антикварной почтенной хрипотцой пробили половину восьмого. Пора в последний за этот трудовой день бой, уже второй постельный.

Самое интересное, но не Люда привила ему любовь к добротным старинным предметам обихода. Здесь опять «виноват» дед Тимофей, ибо в деревенском их доме и по сей час, хотя и заколоченном, стоят напольные часы в филигранно-резном корпусе. Их реквизирует лихой чоновец Тимофей у раскулаченного соседа и перенес, как контрибуцию, еще в старую родительскую избенку, заняв ими весь красный угол. Сосед же кулак, в свою, более раннюю, очередь реквизирует их из бывшей помещичьей усадьбы, которую в семнадцатом году по приговору деревенского *общества* разграбили и сожгли — в назидание потомкам.

А на рубеже веков и миллениумов-тысячелетий Сысой, будучи в столице, по пьяни попал на солидный аукцион и купил враз пять штук разноформатных напольных часов. Как ему объяснили завсегдатаи подобных мероприятий, уже потомки таких же дедов тимофеев на медни сожгли по заказу строителей нового досугового центра, то есть публичного дома, расположенный в пределах Садового кольца музей-усадьбу. Как люди рачительные, братки перед аутодафе вывезли все ценное из антиквариата.

Люда прокомментировала покупку Сысои в

том смысле, что история движется циклами, в основных чертах повторяющихся. «Так следует из теории этногенеза историка Льва Гумилева, — пояснила она, — сына великого поэта, расстрелянного по приказу Троцкого за антисемитизм». Сысой с ней и со Львом Гумилевым согласился, заодно вспомнив советский еще анекдот-присказку на злобу тогдашнего дня: об ограничении продажи водки семью часами вечера. «Кто такие семиты и антисемиты? — Семиты — те, кто успел затариться водярой до семи, а антисемиты — кто не успел и во всем видит происки евреев».

Приобретенные же на аукционе часы Сысой разместил по основным местам своего пребывания: в городском доме, в загородном коттедже, в конторе и в кабинете-постели «Тимофеева трактира». Пятый же антикварный экземпляр украли при перевозке из Москвы в Бортянск.

Сысой поднялся с дивана отдохнувшим от дел и делишек, обулся. Явно подражая в нарочито-стариковской интонации деду Тимофею, забормотал: «Егор-то, наверное, уже проголодался от трактирного обеда, а за городом только часа через полтора соберут. Надоть ему покрепиться сейчас захватить что-нибудь. А то от чтения Деникина язву голодную себе заработает».

Взял из холодильника полубуханку «бординского», что раз в два-три дня ему покупала по дороге на работу Люда, отрезал два ломтя, щедро наваксил их черной икрой и сложил, разделив икорные поверхности пластинками сала с чесноком. Так Егор уважал. Завернул егоров биг-мак в телепрограмму, вышел, тщательно затворив за собой все три двери: в думную, в кабинет и в приемную.

Егор бутерброд одобрил, заметив, что Антон Иванович тоже любил простую русскую еду. Закусив, включил газ и взял курс на Дом учителя, даже не спросив о маршруте у шефа, и напевая в четверть голоса из репертуара своей юности, а именно из «Ласкового мая» Разина, племянника Горби-демократизатора: «А что я ем?» — А ем я осетрину, простую русскую еду».

И Сысой, заразившись неизбывным оптимизмом Егора, подтянул: «А что я пью?» — Я пью коньяк армянский, простой армянский коньячок!»

◆ Ужинали в коттедже в парадной столовой втроем. Кухарку-горничную Сысой отослал разбираться со своим мужиком — ответственным в доме за все — от электропроводки и дизеля на случай отключения электроэнергии (провода на цветмет часто режут в сельской глуши) до наружной и внутренней охраны. Сысою при встрече во дворе показалось, что тот слегка пьян. Сысой держал прислугу во всех своих домах в строгости, не баловал, ставя им в пример Егора, что пил только на новый год, на Пасху и во время табельного своего отпуска.

Егор с аппетитом, вовсе не перебитым сложным сально-икорным бутербродом, скушал заливную осетрину, помянув добрым словом племянника генсека с иудиной отметиной, наваристый борщ с пампушками, специально для него одного поданный, и осилил пару котлет по-киевски с картошкой фри. После чего ушел в хорошо знакомую ему гостевую комнату. По пути заглянул на кухню и попросил кухарку принести ему литровый заварной чайник — все же решил сегодня добить второй том Деникина.

Антиквариат не успел еще мелодично обо-

значить девять часов, как запел мобильник Катерины. Выслушала и коротко ответила:

— Да, уже по Тулуповску едем. Скажи, что завтра к вечеру буду.

— Дочурка проверяет?

— Вроде нет, не в ее характере — мое все же воспитание. Звонил ей наш спонсор, конечно, похилее тебя. Ему наша географичка единицу влепила. Артемчик, поставь какую-нибудь порнушку, только не немецкую! Надо эту одурь от трехчасового сиденья с бабьем сбить.

Нелли же в полудреме лежала, подогнув ноги в коленках, на диванчике. Тихо включенный телевизор ненавязчиво пестрил «говорящими головами» бесконечного сериала. Чувствуя во всем теле негу и томную усталость, почти физически еще ощущая шестипудовую тяжесть супермужика, она раззевалась и собиралась перебраться на постель, уже загодя ею разобранную, как позвонил какой-то идиот с жалобой на географичку в школе.

Пунктуально воспитанная, Нелли перезвонила уехавшей к тетке Саше в Тулуповск матери, но, услышав в первые секунды соединения последние два такта хорошо уже знакомых ей часов, все мигом сообразила.

«Кобель долбаный», — зло прошипела она, некрасиво наморщив лоб и по-бабьи поджав губы, — будут тебе рога подлиннее твоего...». О матери же вспомнила мимоходом и тепло: «Надо же и ей, вечной труженице с квельым мужем, время от времени развеиваться. Мне от этого кобеля не убудет!»

Тотчас вспомнив вчерашний звонок от бывшей школьной подруги, собирающейся за-

муж и устраивающей сегодня объединенный девичник-мальчишник, позвонила ей:

— ...Да-да, вчера что-то с горлом простудное было, а сейчас в норме. Ждите, выезжаю.

Получив вроде как формальное приглашение, Нелли вчера тотчас отказалась. Чего ей-то радоваться за Варьку: она-то замуж выходит, жизнь устраивает, а ей еще сколько под хрюкающими боровами валяться, пока в люди не выйдет! Но главная обида, когда в последнем школьном классе Варька отбила у нее, первой красавицы, парня. Такое не прощается. «Вот сегодня и отомщу обоим: Сысою и Варьке. Поженски отомщу!»

...В половине первого ночи, заперевшись от пьянящих гостей и клюющих носом от изрядной дозы сладкого ликера-бабоукладчика «Амаретто» невесты в пустом чулане новопостроенного особняка, где из мебели стояло только старое кожаное кресло, также подпившая Нелли отдавалась со злобно-сладострастной маской на лице в экзотической позе жениху — мускулистому спортсмену, замдиректора физкультурного техникума. По-нынешнему — колледжа. Услышав неpritворный стон партнерши, глуповатый спортсмен горделиво загоготал, победно откинув голову на кадыкастой шее.

А до коттеджного будуара донесся совсем тихий здесь бой часов на первом этаже. Уже в третий раз, обвивши пухловатыми руками и идеально стройными ножками мощный торс и бедра Сысою, Катерина тоже неpritворно застонала и непроизвольно выдохнула: «Мам-ма!»

— Нет, уж хрен вам! — яростно заорал Сысой и покрыл весь мир десятиэтажным. Партнерша пришла в экстаз.

**НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ:
ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ**

◆ В девять утра следующего дня Сысой с Катериной по-семейному пили чай — Сысой кофе не переносил — на сервированном краешке огромного стола. В ожидании вызванной хозяином разъездной машины — доставить Катерину к чем-то огорченной сестре в Тулуповске, разговаривали разговоры, в основном на педагогические темы.

Выслушав жалобы Катерины на скверный характер своего тулуповского деверя, Сысой, выдувая пятый стакан чая, не считая двух стопок коньяка, все внимательно выслушал и режюмировал:

— С сестрой поговори накоротке, по-бабьи, и скажи, чтобы меньше или аккуратнее б...ла. Тогда и мужик ее успокоится. Сразу видно — хороший человек, не левак, если на жену внимание обращает.

Катерина накуксилась, но настроение ее тотчас улучшилось, когда Сысой заговорил о дочерях:

— Черт знает чему там их в этих лондонах учат и как воспитывают. Когда отвозил с каникул в прошлом году — вроде все чин чинарем. Но я английского, равно как и любого, кроме русского и матерной фени, не знаю, потом у мужика свой взгляд...

— Ну да, конечно, на баб английских!

— На них нечего смотреть: рожи как молью траченные, а сами либо толстухи, либо же тощие жерди. Но я не об этом. Здесь нужно опытным женским взглядом все окинуть, с учителями и службой поговорить. Вот тебе и карты в руки, как директорше и училке английского. Словом, во второй половине мая по гранту име-

ни деда Тимофея полетишь на пару недель в Лондон по обмену опытом, инновациям... сама сообразишь, что в командировочном удостоверении написать. А назад прилетишь вместе с девками — на летние каникулы.

— Уй, Артемчик! Спасибо, так хочется развеяться, отдохнуть от бортянской одури.

Из кухонного коридорчика вышла Мария, предупредительно кашлянув:

— Что-нибудь еще хотите?

— Не надо, сейчас машина за Катериной Михайловной должна подойти. А где Егор?

— Они с Петровичем уже поели на кухне, теперь в дизельной! Ругают немцев.

— Что? Дизель барахлит?

— Да нет, ругаются, что этой самой электроники, словом не нужной, очень много.

— А-а, правильно. Закон капиталистического общества: с электронными наворотами цена выше, а ломается — покупай новый или за сотню верст вызывай за отдельную плату фирменного ремонтера.

Просигналила прибывшая машина, Сысой пошел проводить Катерину. Вернувшись в дом, зашел в кабинет. Здесь его застал звонок Люды:

— Доброе утро, Артем Андреевич! По вашему вчерашнему заданию. Нашла вечером в инете нужное и сделала заказ. Только что позвонили из Москвы: полное собрание сочинений Плеханова двадцатых годов издания нашли, уже начали переплетать, а в понедельник в первой половине дня курьер на машине доставит в офис, то есть в контору, извиняюсь. Вы во сколько будете?

— За заказ спасибо. Поскольку визит в управу откладывается до понедельника, а вчерашние и сегодняшние дни, судя по моему ежедневнику, плевые — поручи их Александру Ефимовичу решать, на то он и зам — то на сегодня беру тайм-аут, надо кое-о-чем покумекать в тишине. Так что до завтра!

◆ Ему действительно нужно было все обмозговать, не отвлекаясь, с вырисовыванием схем, с расчетами. Папку с привезенными Аркадием бумагами он предусмотрительно взял с собой, а разговор с Карлычем держал в голове. Было намерение провести рабочий день здесь, но.. сегодняшняя ночь с Катериной и позапозавчерашняя ночь с Нелли за стенкой кабинета не настраивали на серьезное дело. Как говорит наш прежний и в самое ближайшее время вновь будущий президент, надо отделять мух от котлет. Надо ехать домой — там-то ничто не будет отвлекать!

Переодевшись в дорожное и захватив папку, спустился в столовую, где Мария протирала убранный стол.

— Егор с Петровичем на дворе, — предупредила она вопрос хозяина.

— Что, продолжают немчур материть?

— Нет, об этом... о Деникине разговаривают.

— Мд-а-а, горе от ума. Кстати о Деникине. Принеси-ка мне в дорожку бутылку виски получше. Только не большую, а ноль-пять.

С бутылкой и папкой Сысой вышел на крыльцо, поздоровался за руку с мужиками. Петрович, помня вчерашнее прегрешение, избразил виноватость на лице и рьяно принялся

отбрасывать шахтеркой от асфальтовой дорожки слежалый снег, который никому не мешал.

— Вот что, Егор, — сказал усаживающийся в машину Сысой, — Люда принесла тебе третий том Деникина?

◆ — Да, все шесть сразу выдала. Она мне доверяет, хотя это братановы книги. А что, тоже почитать хотите?

— Нет, не хочу. Вот как поедem в Москву, так ты мне вместо анекдотов Деникина будешь пересказывать. В сокращенном виде. Я к тому, что сейчас отвезешь меня домой — Чапай думать будет, как вас всех хлебом с икрой обеспечить, а ты до завтрашнего утра свободен. Тоже дуй домой, лежи себе на диване с Деникиным, а для душевности настроения вот тебе виски. Ты ведь самогон уважаешь?

— А как же, чай деревенский родом.

— Вот-вот, а виски, как сам понимаешь, тот же самогон, только фабричный и от сивухи очищенный. Прочитал главу — выпил дринок, вторую осилил — снова ихний дринок в двадцать пять граммов. Только салом с чесноком не закусывай — кайфу не будет. Давай, трогай.

Егор выехал на трассу, по раннему времени еще пустоватую, кивнул головой на панель приемника:

— Включить?

— Давай что-нибудь спокойное. Говорят, сейчас водилы сплошь на классическую музыку перешли? Но я человек простой, что-нибудь для души найди.

Егор покрутил ручку и остановился на «Беса ме муча».

— Подойдет?

— Угу, оставь.

Сразу вспомнив разговор с Катериной о его дочерях и более давнюю беседу с Людой о современной музыке, где она в качестве примера талантливости остановилась на авторше «Бесы», Сысой замечтался.

Вот его дочерям тринадцать и пятнадцать годков. После женитьбы года четыре у них с женой детей не получалось, а потом с минимальным перерывом сразу двух родила. И Консуэле Веласкес было пятнадцать, когда она за один вечер написала слова и музыку бессмертного шлягера. Правда, больше ничего за свою долгую жизнь не сочинила. Вот бы и его дочерей направить к чему-либо такому полезному... чтобы не в мать нерушную пошли. Про себя он даже в мыслях промолчал.

◆ Городской дом Сысои стоял на улице Индустриальной, улице своеобразной — вроде бы в центре города, но с двумя особенностями. Первая — это собственно не улица в привычном понимании, а геометрически выверенный квартал-квадрат, застроенный однотипными двухэтажными домами, которые еще в советское время именовали чужерусским названием коттеджи.

По всему периметру квартала дома общались с внешним миром только фасадами, но и те были санитарно отделены от улиц и переулков палисадниками с частоколом низеньких оград, засаженными кустами и уже заматеревшими березами и тополями. Фасады же соседних домов соединены высокими кирпичными оградами, так что внутрь квартала можно было войти-въехать только по асфальтовым дорожкам через

палисадник в одну колею и упиравшиеся в широкую входную дверь по центру фасада.

В прежние, безлошадные времена владельцы машин оставляли их на этих дорожках, ближе к стене родного дома. Теперь же, когда импортный автопром наводнил всю страну лакированными авто, владельцы коттеджей соорудили ворота на палисадничные въезды, а для стоянок асфальтировали небольшие площадки перед фасадами с невысокими навесами. Русский человек на выдумки хитер: и машина в безопасности от вора, и защищена от снега с дождем, главное — все это не портит вид фасада, будучи закрытым от внешнего взора деревьями и кустарником палисадников.

Задними же стенками дома — коттеджи выходили на дворовый квадрат, поделенный символическими изгородями — все здесь свои, а чужой не пройдет — на придомовые участки, засаженные фруктовыми деревьями и ягодниками. Непременный атрибут такого участка — летняя беседка, где днем женщины сплетничают, а вечером мужики в домино или карты играют и водку пьют.

Словом — что твой новомодный загородный коттедж, но только в центре промышленного города!

Приезжий в Бортянск, гуляючи по его центру, сначала удивится большому числу солидных зданий сталинской постройки, а, набредя на квартал-квадрат, вовсе изумится: как в какую-нибудь Германию попал! Но затем над собой же и рассмеется, вспомнив, что в любом среднерусском городе обязательно есть один-два похожих места застройки: военнопленные немцы

в освобожденных городах после сорок четвертого — сорок пятого годов строили, физическим трудом искореняя в себе нацистскую идеологию.

И действительно, при взгляде на фасад такого дома даже никогда не бывавший в Германии (из Егоровых анекдотов: ...для поездки за границу использую только танк!) мигом определит его немецкую архитектуру: два двухэтажных флигеля с островерхими крышами-пирамидами, соединенные срединной частью — одноэтажной, но с высоченными потолками внутри.

Такие коттеджные кварталы-квадраты целевым назначением строились в послевоенные годы в промышленных городах под заселение приглашаемыми или министерствами направляемыми техническими специалистами (не администраторами!) высшего разряда.

Каждый коттедж предназначался для двух семей — правого и левого флигеля, а соединяющий их зал, зачастую даже двухсветный, с большими нижними и маленькими верхними окнами, полагался общим, хотя условная демаркационная линия его разделяла на «правых» и «левых». На каждой половине зала стояли солидные обеденные столы на дюжину персон, стояли кадки с пальмами, кто-то и телевизор сюда выносил. Под Новый год ставилась обшая елка. И — всегда готовый танцзал для общих и семейных праздников. Зал имел выходы по центру на палисадниковую дорожку и во двор. Оба выхода с широкими двухстворчатыми дверями. На потолке — пара люстр. Обязательным атрибутом зала являлся музыкальный инструмент для обучения детей: реже калужской фабрики добротное пианино, ча-

ще — германская контрибуция: концертный рояль «Левенштайн».

Торцами зал упирался во входные двери первых этажей семейных флигелей: кухня, разделенный санузел, размером с однокомнатную «хрущевку», кладовая и гардеробная, небольшая — уже чисто семейная — столовая и комната для прислуги, если таковая имелась. Чаще всего ее роль исполняла и занимала комнату дальняя одинокая родственница.

Лестница из зала — правая и левая — вела на второй этаж со спальнями и домашним кабинетом хозяина. Она же библиотечная комната.

...До начала массового строительства хрущевских, потом брежневских пятиэтажек жильцы коммуналок люто завидовали коттеджным жителям. Вселившись же во вполне благоустроенные отдельные квартиры, стали завидовать еще пуще.

◆ К закруглению советской власти бывшие сталинские спецы, владельцы коттеджей, составились, отошли от дел. Их дети ничем себя не показали, следуя биологическому закону: способности и таланты передаются через поколение. К тому же сработал и закон соседства: дети эти женились, в основном, в пределах двухсемейного коттеджа.

Поэтому-то с началом приватизации всенародной собственности, когда уже умные от дедов, сталинских инженеров и ученых с успехом включились в процесс этой приватизации, то есть стали удачливыми торгашами, ворами, рэкетирами и так далее, дома квартала-квадрата превратились во внутрисемейные коммуналки.

Не менее известно, что в разносемейных

коммуналках люди живут по многу лет, даже всю жизнь, вполне мирно и спокойно, даже помогая друг другу и выручая в сложностях не легкого бытия. Так было при царях, продолжилось при генсеках, а потом и при президентах. Что уж тут говорить о советской коттеджной жизни, когда обе семьи в доме сугубо интеллигентны, дети правильно воспитаны, нищета не угрожает при повышенной зарплате отцов — ведущих специалистов бортянских предприятий: химкомбината, теплоэлектростанции, филиала солидного московского вуза.

Но страшнее родственной коммуналки только общая камера пересыльной тюрьмы. Помните у покойного Миши Круга: «Владимирский централ, ветер северный. Этапом из Твери...». И так далее. Центробежная сила закружилась над кварталом-квадратом, почти сорок лет бывшим в городе островком уюта, истинного коллективизма и взаимного дружелюбия. Даже без какого-либо внешнего сигнала было ясно: пора разбегаться. Тем более, что и в городе люди с достатком, желающие жить в особняках, то есть обособиться, появились в избытке, и умные внуки дедов-спецов накопили трудом праведным стартовые капиталы.

Так Сысой стал владельцем городского коттеджа, куда после его постройки в первый послевоенный год вселились главный инженер теплоэлектростанции и прибывший из Уфы специалист по органическому синтезу с химкомбината.

Новые владельцы готических немецких домов первым делом отгородили свои дворы друг от друга двухметровыми заборами в полтора-два

кирпича, единственно что не протянув по ним спирали Бруно из колючей проволоки. Такими же монументальными стенами опоясались фасадные палисадники, а на въездные проемы навесили стальные двери, выдерживающие выстрел из сорокапятки. После чего задали коттеджам капитальный ремонт.

Сысой — не исключение. После капремонта дом доводился до ума ремонтами-переустройками, так сказать, локальными. На текущий момент времени в правом флигеле, где сохранили кухню, верхний этаж поделен на три комнаты-спальни: большая, пустующая в лондонском отъезде девочек и две поменьше: хозяйки — сысоевой супруги Дарьи Геннадьевны и бывшей няни дочерей, пятидесятилетней, незамужней Зои, ныне перешедшей в должность горничной и садовницы-огородницы.

Такого же примерно возраста, овдовевшая дальняя родственница Дарьи Геннадьевны Наталья, искусная самородок-кухарка занимала комнату рядом с кухней на первом этаже. Дочь ее с мужем и двумя детьми давно уже проживала в областном центре.

Сысой так и называл правый флигель женской половиной, и в добродушном подпитии — гаремом или ханским сараем.

Вообще-то супружеская спальня располагалась на втором этаже сысоевой половины. И это не было фикцией: не столь часто, но все же они спали вместе. Особенно когда Сысой впадал в незлобивую хандру и пару-тройку дней проводил безвылазно дома. Или после вечернего праздничного ужина. При всей своей домашности она умеренно следила за собой: все же до-

чери взрослеют! Так что иногда именуя жену мымрой, причем только заглаза, Сысой непроизвольно оправдывался за свое левачество...

Наконец, Сысой просто порой отдыхал с ней в постели: даже приятный семейный секс (хотя он не любил этого американизма) без излишеств и экстазов. Все ведь познается в сравнении! Но детей далее рожать он запретил: парня, судя по всему, Дарья не осилит, а девок уже достаточно.

Но постоянная общая спальня не отвечала, так сказать, распорядку дня Сысои и супруги. Отъезды-разъезды его, необходимая Сысою тишина для работы — с одной стороны. А у Дарьи — ее женское окружение, привычка в этом же окружении смотреть за полночь сериалы по телевизору с большим экраном в зале. Вот чтобы не мешать друг другу, не раздражать, они и разделились по флигелям. К обоюдной пользе. Главное, сама Дарья и домашние женщины знали: ни в каком она не забросе, просто живут как те же артисты или князья прежние: когда надо — вместе, а когда условно порознь.

...И за Натальей, как дальней, но все же родственницей, числилась своя комната на первом этаже сысоевой половины — на месте упраздненной там второй кухни, но она ею почти не пользовалась, когда летом ей привозили из Тулуповска старшую внучку, ровесницу и подружку сысоевых детей. А так ей удобнее жить при своем кухарничье и женском коллективе.

Остальную часть первого этажа сысоевой половины занимали всякие кладовки, подсобки и, конечно, личный санузел хозяина.

◆ Сысой достаточно внимательно, но как

бы со стороны, контролировал своих дочерей, однако в процесс воспитания не вмешивался, предоставляя это Дарье и Наталье, благо дальняя родственница жены почти два десятка лет проработала учительницей. Но что он говорил по этой части, то и исполнялось беспрекословно. Так, при капитальном ремонте новоприобретенного дома, когда супруга робко намекнула, что хорошо бы предусмотреть две отдельные комнаты-спальни для Лизы и Веры, Сысой сказал как отрубил: «Нет! До шестнадцати лет будут жить вместе. Таить им друг от друга пока нечего. Расселишь по одной — так каждая уткнется в этот чертов интернет пакость всякую смотреть. А вместе будут болтовней заниматься, не до компьютера...».

Свой же личный второй этаж, не считая условнообщей с Дарьей супружеской спальни, Сысой разделил пополам: кабинет и библиотека. Техническая часть последней досталась вместе с домом от прежних хозяев, которым книги были давно уже не нужны, Сысой же иногда заглядывал в справочники и энциклопедии, которым доверял больше, чем интернету.

Художественную же часть, преимущественно русскую и зарубежную классику («Девочки растут, девочкам правильное читать надо», — щебетала явно несуразное Дарья), Сысой купил оптом, не глядя и не торгуясь, по наводке Бориса Карловича у выморочной интеллигентной семьи «с традициями» в Тулуповске.

Уже по своей инициативе культур-трегерша фирмы Люда раз в месяц-два обходила книжные магазины города, отбирала новинки — не по времени написания, а издания! — выписыва-

ла счета на «контору», а книги с курьером отправляла на дом шефу. Правда, прекрасно понимая, что читать их никто не будет. ...«Не до того, Федя, не до того», — отмахивался Сысой от ненавязчивых советов Людды пролистать эту книжку. И добавлял: «Деловые люди сейчас только одну книжку на сон грядущий читают: чековую... правда, все они за предыдущие годы жизни и то в детстве только еще одну книгу прочитали: Гайдара-деда о мальчише-плохише!»

Кстати говоря, кроме технической библиотеки от прежних хозяев семейству Сысои досталось — со включением, конечно, в общий счет — добротное и солидное пианино, которое сейчас и стояло в зале, на котором дочери Сысои иногда разучивали гаммы. С этим пианино связана одна поучительная история.

На новоселье в коттедж пригласили наиболее видных персон города, так что едва все разместились за огромным овальным обеденным столом в зале, выделанном по специальному заказу нового хозяина дома.

Дарья, внутренне гордясь свежотремонтированным, почти что княжеским особняком, побабьи лицемерно приbedнялась перед гостями: ...вот, мол, зал маловат, из-за стола и для танцев места мало, да вместо концертного рояля старенькое пианино...

При этих словах бывший в числе гостей Борис Карлович встал из-за стола, озабоченно подошел к охаянному инструменту, внимательно осмотрел его со всех сторон, даже умудрился просунуть голову в пристеночный проем, а затем, потирая руки, вернулся на свое место и опроверг хулу хозяйки:

— Вы не правы, дорогая Дарья Геннадьевна! Такие пианино, что выпускали на фабрике музинструментов в соседней Калуге до конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, очень ценятся даже у профессионалов-исполнителей. Вот более компактные и несколько легкомысленные, так сказать, инструменты под названием «Калужанка», что там же мастерили в более поздние годы,— это уже ширпотреб для квартир-хрущевок и школьных музкабинетов...

Дело все в том, что после окончания войны союзники обложили поверженную Германию огромной контрибуцией, что, разумеется, вполне справедливо.

В Западной Германии наши бывшие союзники большую часть этой контрибуции зачили в финансирование по плану Маршалла послевоенного восстановления бывшего врага. То есть с помпой объявили об огромной сумме помощи, но тотчас все эти деньги забрали назад в зачет контрибуции. Запад умеет считать деньги и уважает лицемерие.

Это когда недавно натовцы разбомбили Белград и предложили сербам выдать, то есть продать, им Милошевича за миллиард долларов на восстановление страны. Наивные сербы Милошевича-то им отдали, а миллиард баксов не получили: натовцы «зачли» эту сумму в стоимость «томагавков» и крылатых ракет, истраченных на наведение демократии в Сербии — тогда еще урезанной Югославии...

А вот Сталин без всякого лицемерия и «зачетов» взял с Восточной Германии, затем образовавшейся ГДР всю сумму контрибуции сполна. А так как золотого запаса к концу

войны у Германии не имелось, то наши брали бартером.

То есть все крупные, стратегически важные, предприятия Восточной Германии демонтировались по условиям капитуляции — и полностью, со всем оборудованием и даже наиболее толковыми специалистами, перевозились в СССР. Например, вся наша, то есть советская, мощная оптическая промышленность, то есть оптико-механические заводы в подмосковных Красногорске и Загорске, ныне Сергиеве-Посаде, в харьковском Изюме, в Белоруссии — это бывший концерн Карл Цейс Йена.

Даже в наш областной Тулоповск перевезли оборудование зингеровских швейных машинок — в дополнение к уже существовавшему с дореволюционных времен в Подольске бывшему зингеровскому заводу-филиалу. Понятно, после семнадцатого года национализированному.

Вторая же половина германских заводов и фабрик была объявлена репарационной, то есть должна в течение десяти и даже более лет всю свою продукцию бесплатно отправлять в СССР.

Сталин считал каждую копейку для государства и долгов, особенно военных, никому не прощал, даже ставшим просоветскими ГДР, Венгрии, Румынии и Чехословакии — гитлеровским сателлитам.

Так и с калужскими пианино получилось: всю механику музыкальную делали опытные до нее немцы, далее собранную в узлы везли в Калугу, где тамошние умельцы по дереву «одевали» германскую начинку.

Вот так-то, уважаемая Дарья Геннадьевна,

никакой концертный рояль вам не нужен, раз есть такой замечательный инструмент!

◆ Входя в зал дома, Сысой потому и вспомнил давний занимательный рассказ Бориса Карловича, что из-за двух высоких и густолиственных пальм в кадках-бочках, что закрывали пианино в левом от входа углу, доносилась нехитрая мелодия. Это по памяти и потому неуверенно, с паузами музицировала Дарья. Как почти все дочери ответработников, она в детские годы кроме обычной школы посещала и музыкальную. Правда, неохотно посещала, будучи непослушным дитем. «Флейшитц, разыгранный перстами робких учениц», — слегка перевирая классика, подсмеивалась в минуты такого музицирования над хозяйкой Наталья — на правах подруги и дальней родственницы.

Услышав звук открываемой двери, Дарья захлопнула крышку инструмента и вышла из-за пальм, с домашней улыбкой встречая супруга. Хорошо зная хлопотную жизнь Сысою, она никогда не задавала вопросов. Но и Сысой не доставлял ей каких-либо волнений. Имел привычку звонить два раза в день: утром и вечером. В первом случае кратко сообщал, что будет занят весь день. А если звонил вечером, значит, извещал: занят делами до завтрашнего дня.

Причем звонил исключительно по одному из двух домашних городских телефонов, а именно по тому, что стоял для общего пользования в зале (второй — в его кабинете). Сообщал о своем распорядке дня или ночи первому, кто подходил к аппарату: Дарье, Наталье или Зое.

— Устал, дорогой? — Дарья ответа не ждала, поэтому осведомилась: будет ли завтра-

кать, а если остается дома, то во сколько накрывать обед.

— Нет, уже завтракал. Буду весь день работать, поэтому, когда захочу поесть, пусть Наталья наверх принесет, только без супа. А сейчас — только чаю.

Кивнул проходившей через зал Зое и поднялся к себе на второй этаж.

Подавать чай в кабинет являлось привилегией-обязанностью Дарьи. Когда она, спустя четверть часа, зашла в раскрытую дверь кабинета с подносом, на котором кучно стоял большой фарфоровый заварной чайник под ватной куклой, стакан в подстаканнике, сахарница и вазочка с порезанным лимоном, супруг уже сидел за рабочим столом, разбирая привезенные с собой бумаги.

Молча расставляя чайные принадлежности на угловой столик, Дарья непроизвольно покосилась на стоявший у стены диван. На нем Сысой устраивался на ночь, если не звал супругу в спальню. Дарья этот диван люто ненавидела...

Сысой с его волчьим чутьем и наблюдательностью перехватил этот взгляд и неопределенно пожал плечами: не знаю, мол, долог день до вечера. Как с работой дело заладится. — Все это и выражал его жест. Дарья смущенно порозовела добрым лицом и тихо вышла с опустевшим подносом.

◆ Еще в середине девяностых, когда Сысой еще не являлся авторитетом, но, минуя неприглядную должность бойца, уже стал переговорщиком на стрелках, он жадно присматривался ко всем видам криминального и полулегального предпринимательства. Много узнавал, бы-

вая командированным своим смотрящим по делам в Тулуповск, Москву и окрестные губернские города.

Как-то выезжал в Тулуповск на мирную стрелку — босс послал разрегулировать финансовые дела, достаточно второразрядные, с одним тамошним поставщиком шаровых кранов на химкобинат через посредничество смотрящего за бортянским бизнесом. Так что штатный переговорщик Сысой, тогда еще с погонами Артемка, поехал сам-двое с водилой, не взяв обычный штат стрелки: пара бойцов, осведомитель, наводчик и два-три братана — массовка.

Дела-то он решил под вечер, но наутро следовало еще в банке, уже сегодня не работающем, побывать. С собой ствола и больших денег не было, так что Сысой на ночевку отправился в приличную гостиницу. Заняв с водилой двухспальный номер, с ним же спустился на первый этаж — поужинать в гостиничном ресторане.

Видимо съехалось большое число деловых людей, так что свободных столиков не нашлось, а метрдотель, извиняясь, посадил их к двум москвичам, как они представились при знакомстве.

Слово за слово, рюмка за рюмкой, тотчас признав друг в друге коллег по профессии, разговорились. А когда оба шофера, чтобы не надратся, ушли отсыпаться перед завтрашней поездкой, то разговор и вовсе доверительный пошел.

Москвич откомендовался курьером, то есть привозил в Тулуповск черный нал для отмывки через розничные торговые точки.

— ...Конечно, Артем, ты обращал внимание здесь, в Тулуповске, да и в других областных городах вокруг Москвы, на обилие несколько странных магазиннов, в которые покупатели почти не заходят?

Да, Сысой с его любознательностью и цепким взглядом, бывая в Тулуповске, в других окрестных столице городах, давно отметил такую странность. Огромные супермаркеты едва не впритык друг к другу на главных улицах, принадлежащие кавказским и закавказским торговым диаспорам, чередующиеся там же через дом мебельные магазины, занимающие целиком первые этажи жилых и офисных зданий... Наконец, совсем странные бутики на месте бывших булочных, молочных и овощных магазинчиков с торцов жилых же пятиэтажек.

Если зайдешь по незнанию или любопытству в такой бутик в глубине спального квартала, то увидишь сонную молодую продавщицу, охраняющую весь товар торговой точки: женские трусы-стринги за 10000 (десять тысяч) рублей штука и обычную мужскую майку с аляповато оттиснутой через трафарет надписью «Bruno Vanani» с абрисом плутоватой физиономии избретателя джинсов-полугалифе. Цена, правда, в два раза ниже, нежели у стрингов.

— ...Вот, братан Артем, через эти гипертриппермаркеты, мебельные магазины и торговые точки по якобы продаже квартальным бабкам охальных труссеров по десять тысяч и отмываются огромные московские деньги от проституции, наркоты, опосредованных откатов и взятки чиновникам и так далее. Я — человек хотя и простой, бывший инженер, но без пред-

рассудков совковых. Но и меня порой оторопь берет от задействованных сумм. Поэтому и ездим с водилой со стволами...

— Не опасно ли в гостиницу с ними?

— Да мы их в тачке на платной стоянке, надежно припрятанными, оставили. А и оборачиваемся за день. Просто сегодня к вечеру, как сам внимание обратил, гололед ударил, решили здесь перекантоваться. Все из-за стволов. Ладно, в аварию попадем — издержки профессии, но гаишные набегут, вот стволы и выплывут прямо на протокол! Ну, давай, брат, по последней. Понадобимся друг другу — созовимся.

◆ Итак, схема до невероятия простая и безотказная. Стоит себе на главной, а может и вовсе окраинной улице большого города в радиусе двести-триста километров от Белокаменной мебельный магазин, занимая весь первый этаж дома. Витрины опять же во весь этаж стеклянные охотно кажут взорам мимоходящим внутренность «Домашнего уюта». — Так или примерно так именуется магазин.

Проходящий же мимо гражданин видит мебель с аршинными ценниками и проходит мимо. А почему так? Ведь в магазине выставлена мебель и по скромным ценам, и роскошные творения краснодеревщиков по ценам заоблачным.

А потому проходит мимо нищий бюджетник Иванов, что дешевая мебелишка в витрине топорной работы и бессмысленна для нужд владельца «хрущевки» от советских времен.

А нувориш (фамилии разные по произношению) посмотрит, усмехнется: в его городской вилле и в загородном коттедже — или наобо-

рот? — все уже в комплекте давно и от солидных производителей.

...И многочисленные продавцы от скуки сбились в кружок и целый день щебечут о своем, о девичьем.

Только два человека весь тот же трудовой день в заботах: бухгалтерша и кассирша. Каждые десять-пятнадцать минут последняя отбивает чек и пишет счет-фактуру за условно проданный диван или шкаф. А раз в час с удовольствием отщелкивает чек в миллион рублей за комплект настоящей испанской мебели на пять комнат и кухню.

Бухгалтерша же чеки утилизирует, а всю остальную документацию аккуратно подшивает в конторкорректную папку. Отчетность в магазине должна быть на высоком уровне, не вызывающем ни малейших сомнений у многочисленных проверяющих органов.

К пяти вечера прибывает наемный директор — от оптовой торговой фирмы — магазина, энергичный молодой мужчина, зовет в кабинет бухгалтершу с бумагами. Еще через полчаса к входу со двора подъезжает машины с московским номером, курьер с водителем проходят в кабинет директора с объемистой сумкой, отдают ее взамен иносказательно составленной расписки. Без печатей и подписей, но с указанием каких-то, явно кодовых, цифр и букв.

А к закрытию виртуальной торговой точки уже к парадному входу подкатывает инкассаторский броневичок, на котором и увозят в солидный банк вырученную за день немалую сумму.

Все — был черный нал, стала родниковой чистоты, прозрачнее брюлика сумма на счету оп-

товой мебельно-торгующей фирмы. К сожалению для ее владельца, большая часть этих денег уходит на различные московские счета поставщикам дене... тьфу, то есть мебели от производителя.

Главное, бухгалтерия магазина в идеальном порядке: все счета, фактуры, сертификаты и пр., и пр. в порядке. Самый дотошный налоговый инспектор в восторге от полноты и подлинности магазинной документации: по подлинным бумагам отслеживается четкий путь любого проданного испанского мебельного гарнитура — от акта отправки его медленной скоростью из города Сарагосы в город Москву на оптовую базу; далее в Тулуповск, в магазин имярек — и к покупателю Иванову... то есть Березовичу. Но может и крупному чиновнику Сидорову. Только сожалеет дотошный фининспектор, что не заведено у нас в России записывать паспортные данные покупателей.

◆ Разумеется, основной род занятий такого магазина — секрет полишинеля. Но если обыватели в большинстве своем полагают, что магазин торгует мебелью («Вон сосед моего кума три года назад здесь купил кухонную табуретку!»); однако люди заинтересованные — милиция полицейская, пожарная инспекция, налоговики и так далее вплоть до департаментских чиновников-выжиг — прекрасно осведомлены, где собака зарыта. Или по принятому сейчас повсеместно обезьянничеству с американского: где скунс зарыт.

Но всем им платят свой шекель, то есть процент с дохода владельца магазина виртуального.

Но рано или поздно магазин начинает при-

обретать дурную репутацию, главное — борзуют менты и налоговики, постоянно прибавки требуют. Еще хуже, когда кого-нибудь из опекунов берут на цугундер, а тот раскалывается на допросах и сдает всех кого знает.

Но и хозяин магазина не лыком шит, раз пошел в такой щекотливый бизнес. Поэтому, не дожидаясь дня «икс», раз в два-три года фирма и сам магазин самоликвидируются, затем вновь регистрируются под новым названием, а магазин переезжает в другой квартал или район города, перевозя туда нетленные выставочные образцы мебели. Весь персонал при переезде и переименовании, исключая бухгалтершу и кассиршу, увольняют с выходным пособием. Набирают новую стайку девушек-продавиц.

Примерно также работают виртуальные бутики с трусами и майками и гипер-супермаркеты. Отличие лишь в суммах оборота и отчислений опекунам бизнеса.

И еще одна существенная деталь: большим торгово-развлекательным центрам менять вывески и местоположение накладно и не с руки. Поэтому доходную свою часть они, говоря по-американски опять же, делят «фифти-на-фифти». С кавказским акцентом. То есть наряду с отмывкой столичного черного нала они занимаются и традиционной торговлей. Опять же издержки профессии...

Начерно свой подход к новой для него форме предпринимательства Сысой давно уже продумал. Сегодня он должен все это перевести в схемы и конкретные расчеты по исходным материалам, собранным Карлычем и Аркадием. Плюс, конечно, его голова, трезво мыслящая

даже спяну. Единственный, пока не решенный вопрос с Колей-градона начальником хотя и отложен до понедельника, но здесь особых сложностей не предвидится.

Сысой трудился почти до полуночи, отвлекаясь только на обед и ужин, приносимые в кабинет и на уточняющие звонки Карлычу, Аркадию, своему заму Александру Ефимовичу, главбуху и даже Люде — когда требовалось что-то отыскать по интернету. Сам Сысой все эти «компы» люто ненавидел и в своих кабинетах не держал.

◆ Сысой всегда мыслил, начиная новое дело, стратегически. «Иметь — так королеву, воровать — так миллион», — назидательно поучал он свой трудовой коллектив. Люда морщилась, а легализовавшиеся братки одобрительно похихатывали.

Он сразу отмел, как мелочевку, сеть бутиков и мебельных магазинов. Во-первых, времена уже не те; во-вторых, этим виртуальным торговым точкам сложно затеряться в Бортянске, хотя и крупном, но все же не областном городе. Оптимальное решение — торгово-развлекательный центр по образу тех, что в последние пять лет выстроили в Тулуповске армяне и московские сетевые торговые компании.

Непременно в центре города — о чем и будет разговор с Колей-градона начальником. По принципу: чтобы не опознали краденую вещь, ставь ее на самом видном месте.

Но и здесь должна быть изюминка. Например, название. Уже осточертели расплодившиеся по всей стране кавказские «Тамсеры», французско-нижегородские «Эльдорадо» и про-

чие «Рамзесы», «Кайзеры» и «Хилтоны». А вот «Тимофеев лабаз» — это что надо! Как в русской классике (в пересказе Люды) подгулявшие купчики и приказчики варьировали арию индийского гостя: «Не счесть алмазов пламенных в лабазах каменных...».

Но главное — архитектура. Вспомнились мигом сталинские высотки в Москве и рассказы коренных столичных жителей: строили их якобы в географической привязке к абрису пятиконечной звезды: в вершинах и на пересечении лучей. Но три дома не успели-таки достроить: явился Никита и все стройорганизации перебросил на панельные пятиэтажки: «За ночь ровно на этаж подрастает город наш». Дело, конечно, для народа полезное, но теперь он, Сысой, достроит одну из недостающих высоток; правда, не в столице, но в Бортянске.

Поначалу в своей гордыни Сысой даже вознамерился сделать архитектурный ремейк с самой главной, но не построенной, из запланированных высоток — Дома Советов, но потом гордыню поунял: снизошел до копии, понятно, в два раза уменьшенной, здания *МИД*'а на Смоленской площади. Правда, без золотого советского герба. Не так поймут. Хотя бы даже Сысой и плевать хотел на любое мнение. К умным же людям он просто прислушивался.

Но архитектура и название — это все цветики вольнолюбивой фантазии. Подлинный подвиг сметливого практического ума — продумать и соединить в единую, динамическую схему все тонкие ходы намеченной темы, говоря уже забираемым Сысоем братковским языком-феней девяностых...

Как подставить несколько крупных тулуповских «точек» отмывки, освободив сектор деятельности для себя? — Конечно, в дело пойдут самые подлые доносы и кидки. Большие деньги потекут в карманы областными чиновникам и милиции. Пожарным — само собой, разумеется.

Как перетянуть осторожных москвичей на отмывку в мало им знакомый Бортянск? Чем привлечь для начала? Конечно, невысокими процентными ставками за услуги, не брезговать связываться с самыми грязными и сомнительными деньгами. Включая кавказских террористов, киднепинг этот американизированный, всякие расстрельные дела. Что поделаешь, господь бог давно уже отвернулся от Сыся, а в православии не купишь индульгенцию, как в католичестве когда-то. Вроде как современный Ватикан ими уже не торгует оптом и на вынос...

После ужина-«перехвата», исписав-исчертив не один десяток листов, Сысой, как бывший инженер — правда, только по образованию — перешел к вычерчиванию цветными фломастерами генеральной схемы на ватманском листе во всю столешницу большого рабочего стола. Раньше этот формат назывался сорок восьмым, в студенческом просторечии «двойным ватманом». Как он именуется сейчас, то есть по-американски, Сысой не знал и знать не желал.

...Такие листы загодя ему искал завхоз его конторы в писчебумажных магазинах и еле нашел в Тулуповске.

Здесь Сысой почувствовал: если он с полчаса, закрыв глаза, не полежит на диване, то цветные линии, кружки и квадраты начнут бе-

гать и резвиться в его уставших глазах. Он и прилег.

◆ И хотя он все же уснул, но дисциплинированно: ровно на полчаса, пока не сработал некий биологический будильник. Сон же привиделся настолько странный и далекий от текущих дел Сысоя, что он даже и не пробовал его интерпретировать чем-то реалистическим.

Будто бы вслед за нововведениями последних двух лет, то есть сокращением числа часовых поясов, сокращением же армии и срока службы по призыву, переименованием милиции в полицию, вступлением в *ВТО*, увеличением срока президентства, последовал указ о переводе русской письменности с традиционной кириллицы на бывшую давно в забвенье глаголицу. С обоснованием: в целях укрепления вертикали и горизонтали власти и борьбы с коррупцией.

В своих теле- и радиопередачах ведущие Пушков, Караулов и Веллер — рупоры санкционированной мягкой оппозиции — слегка подтрунивали над неожиданной инициативой сверху, но народ в целом отнесся к нововведению позитивно. Особенно пенсионеры и учащаяся молодежь.

Первым как раз увеличили на десять процентов пенсию, а вторым дали полгода на освоение новой грамоты, освободив от всех других занятий на этот же срок.

Самый неожиданный вывод сделал официальный Тбилиси. Поскольку глаголица по начертанию буквиц своей витиеватостью очень похожа на грузинский алфавит, то, по мнению кругов, близких к Майклу Саакашвили, этим российская сторона как бы косвенно, не теряя

статуса великой державы, извиняется перед не менее великой Грузией за свою агрессию и отторжение Южной Осетии и Абхазии. Самое интересное — Смоленская площадь промолчала... Насторожившиеся же бывшие грузинские автономии сделали демарш: перешли с русского рубля на монгольский тугрик.

Мудрый Борис Карлович во всем видел происки субботней оппозиции на Болотной площади.

Дальше — больше: простаивающие работяги «Уралвагонзавода» из Нижнего Тагила (нет заказов на танки от перешедшей на конную тягу армии) вышли на улицы и площади с транспарантами, на которых глаголицей начертано: «Изъять оранжевый цвет из оптики и офтальмологии!»

...Сысой со скрежетом зубным проснулся, сообразив, что дневной и ранне-вечерний сны противоестественны организму, потому и являются собой совершеннейшую нелепицу.

К полуночи генеральная схема была готова и отливала всеми цветами радуги, даже оранжевый цвет змеился на огромном листе ватмана и именно в тех графах, что относились к отмывке долларов, евро и почему-то албанских леков.

Сысой пришел, как всякий творческий труженик, в великолепное состояние духа. Из кабинетного холодильника достал дежурную закуску, а из подсобного шкафчика початую бутылку «Камю». Дважды выпил и закусил, затем спустился на первый этаж, где у большого телевизора женщины смотрели поздний сериал. Они было заполошились: не мешает ли хозяину работать и без того убранный звук?

Но он успокоил их отмашкой руки: смотрите, мол, во все глаза.

Сделал задумчивую восьмерку по залу и, вновь проходя мимо женской группы, кашлянул:

— Даша, зайди ко мне.

Дарья вспыхнула, горделиво посмотрела на товарок и направилась на сысоев этаж стелить постель в супружеской спальне.

**НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ:
РЛЕХАНОВ — ЭТО
ГОТОВА!**

◆ В понедельник с утра Сысой созвонился с мэрией и договорился о приеме его градоначальником сразу пополудни. Город уже привык к новому своему главе и за глаза звал его Колей-градоначальником. Теперь не водопроводчиком.

Сысой не раз и не два презентовал Коле книги Георгия Валентиновича Плеханова: собрания сочинений разных лет издания, юбилейные и серийные двух- и трехтомники, редкостные прижизненные, в том числе дореволюционные издания, даже книги выдающегося марксиста на японском и китайском языках. Он знал: Коля как дитя радуется любому печатному изданию, где автором стоит его кумир и путеводитель в жизни.

Но когда ровно в полдень московский курьер внес в приемную здоровенную фирменную упаковочную коробку, поставил ее на пол, вытер пот со лба и снял крышку, то даже знавшая толк в музейном искусстве Люда всплеснула руками и ахнула. И Сысой приятно удивился:

— Вот ведь умеют, если за хорошие деньги! Двадцать с лишком аккуратных-толстеньких томов *Academy* являли собой чудо переплетного мастерства: натуральная, хорошо выделанная, искусственно состаренная кожа с блестящим золотым тиснением с золоченым же верхним торцом обреза книг. Торцы переплетов, изящно и округло сформованные, рельефно тисненные, также отсвечивали золотом. Но совершенно полный восторг вызывал овальный платиново-серебряный медальон с профилем Плеханова, врезанный в кожу переплета. Каждый томик запаян в хрусткий целлофан. Такой и разрывать жалко!

Курьер между тем, парень молодой и верткий, заглядываясь на роскошные рельефы Людиных бедер, разобрался с ней в счетах-факту-

рах и накладных, получил от Сыся сиреневую бумажку в сто евро (доллары он в натуральном их виде презирал), шутливо козырнул и был таков, уже на пороге приемной сообщив: срок гарантии позолоты тоже сто — только лет.

— Даже жалко отдавать такую красоту, — сожалела Люда, непроизвольно расправив юбку на бедрах — от охальных взглядов.

— Да-а, за эти книги Коля, если бы пьющим был, запросто мне под застройку главную городскую площадь отдал.

— Вот что, Людок, похоже, фирма эта венки вяжет фирменные. Закажи-ка им для меня в таком же исполнении полное собрание сочинений Иосифа Виссарионовича. Правильные вещи уса́тый ба́тька писал. Потом, как и мы, начинал с братковщины: вместе с Камо тифлиские банки подламывал! Наш человек.

Вот еще что, раз пошла такая пьянка... Заодно пусть эти фирмачи подберут хорошую библиотечку книг в сотню по женской поэзии девятнадцатого века. Только без всяких там роскошных переплетов.

Сказал и с испугом посмотрел на Люду, которая даже пошатнулась, а глаза, без того красивые и большие, и вовсе заняли половину лица. Тут же рассмеялся:

— Мне в психушку еще рано. Это для тетушки. Карлыч допек: собирается она на послешкольном покое книгу сочинить о поэтессах того самого века. А когда книги доставят, то сама смекни: как их нашей литераторше подкинуть. Чтобы не догадалась о моем участии.

Сейчас зови Егора — тащить ящик в машину. Я сейчас сделаю несколько нужных звон-

ков и через четверть часа тронемся к градоначальнику. Егор-то Деникина прочитал?

— Пятый том читает. Еще один остался.

— Хотите сами...

— Да что вы — сговорились! Я к тому, что ты больше белогвардейцев ему не предлагай.

— Почему? Полезно для общего развития.

— Полезно-то — полезно, но заговариваться начинает. В субботу на массовой по поддержке нашего бывшего и будущего президента при электорате назвал меня «вашим превосходительством»!

◆ Накануне, в воскресенье, Сысой счел необходимым подготовиться к беседе с Колей, то есть отыскал в домашней библиотеке соответствующий том Большой советской энциклопедии — современным справочным изданиям он не доверял — и прочел статью о Плеханове. Запомнил два-три названия основных трудов Георгия Валентиновича, крупные вехи его биографии.

Попробовал было разобраться: на чем они с бывшим закадычным другом Владимиром Ильичем горшки побили, но слишком мудрено и завуалировано писал в БСЭ об этом опытный в жизни безымянный автор статьи. В голове же Сысои отложилось: Плеханов, по мнению Ильича, слишком расширительно толковал каноническое определение Гегеля: свобода есть осознанная необходимость. А еще Георгий Валентинович в своих философских теориях слишком большое внимание уделял эмпирическому методу пробных ходов и ошибок. Очень это не нравилось прямолинейному вождю мирового пролетариата.

Подготовив мысленный конспект разговора с Колей — в качестве преамбулы — Сысой посмотрел на часы: обе стрелки, догоняя друг

друга, устремились к вертикальному полуночному времени. «Спать пора, — зевнул он, — пойду-ка Дашку позову». — И даже слегка обеспокоился: слишком ему стало нравиться спать с женой. «Неужели старею, к уюту домашнему тянет?» Но успокоил себя: сейчас Дарья в пышнотелом самом соку своей второй молодости. Разве что Катерина с ней сравнится, а стрекозистые попрыгуньи навроде Нелли очень уж пресные... на ночную ощупь.

Утром за завтраком, а это он всегда делал в кабинете, чтобы не видеть восхищенных и преданных глаз жены, снова зацепился мыслями за плехановский метод пробных ходов и ошибок. И не мог всецело не согласиться с Георгием Валентиновичем: уже не в абстрактной философии, а по сугубо практической жизни он в полной мере убедился в исключительной правоте прозорливого учения Маркса — Энгельса. А именно: вспомнил как сам обжигался на этих ходах в пору начала братовской деятельности. Два случая многому его научили.

Еще на последнем курсе института, проживая у тетки, свел он знакомство случайное, по пивной, с таким же молодым братком. Тот и позвал его под крышу набирающего силу местного авторитета Красного — погнало по врожденной гематоме на лбу, как у Горби Меченого. Но предупредил: идти наниматься на работу желательно со своим стволом, лучше всего с «калашом».

Денег на рабочий инвентарь Сысой все же набрал оперативным рэкетом, то есть одноразовыми нахальными поборами с робких лавочников и мелких кооператоров. Дело нехитрое: в наглядку содрал и больше в этом месте не по-

казывайся, чтобы не попасть под карающий нож законных крышевиков. В самом начале девяностых такие беспредельные наезды сходили с рук. Правда, не всегда, но Сысою везло.

◆ Новый знакомец и московский телефончик торговцев стволами дал. Созвонился Сысой, и на другой день, сойдя на Каланчовке с тулуповской электрички, скоро явился по названному адресу. Там его посадили в микроавтобус без окон, попетляли по улицам и высадили во дворе неказистого домишки.

Сторговались быстро, тем более, что продавец, средних лет мужчина с пронзительно черными глазами, юморист и покладистый по характеру, охотно уступал. Сысой отсчитал несколько пачек купюр. Вынесли автомат: настоящий десантный с откидывающимся прикладом. Сысой, как прошедший в институте военную кафедру, мог отличить вещь от китайского ширпотреба. Было видно, что автомат только-только оттерли от заводской смазки. Продавец подтвердил:

— В Одинцово капитан с прапором из ликвидированной части целый склад таких наемников толкнули на московский рынок. Вот и мы подсуетились, три десятка оптом закупили. Ну, дорогой, нам по делам, да и тебе в путь-дорогу пора.

Пока Сысой разбирал «калаш», заворачивал по частям в оберточную бумагу и укладывал в большую спортивную сумку, продавец со своей шестеркой поставили на стол запечатанную бутылку дагестанского коньяка, рюмки и порезанный лимончик. Предложили выпить на дорожку — сбрызнуть взаимовыгодную сделку.

Сысой выпил... и очнулся на лавке перрона Каланчовки. Долго соображал, но все вспомнил,

десятиэтажно выругался. Порылся в карманах — только паспорт, а в наружном кармашке рубашки под расстегнутой весенней курткой заботливо положенный билет на электричку до Тулуповска.

Сидящий на скамейке рядом мужик прореагировал на мат:

— Проспался, земляк? Тебя-то дружки твои с час назад в дупель пьяного привели, посадили, спросили меня: куда, мол, еду. Услышали, что в Тулуповск, обрадовались: ты, дед, как электричка подойдет, так разбуди парня. Вот билет ему в кармашек кладем. Хорошие, парень, у тебе кореша, не оставили где-нито, а довели. Куда там довели — почти что донесли!

Тогда Сысой, неаккуратно посещавший лекции и семинары по философии, и слыхом не слыхивал о методе проб и ошибок. Но вспомнил и накрепко отпечатал в голове присказку мудрого деда Тимофея: «Не за то бил сына отец, что пьет, а за то, что опохмеляется. А с незнакомыми, Артемка, и вовсе упаси тебя бог пить!»

Ствол, но не «калаша», а макарешник, Сысой занял уже по переезду с молодой женой в Бортянск. К тому времени поумнел в делах житейских, приобрел достаточное чутье на людей и обстановку, поэтому второй воспитательный эпизод окончился для него благополучно. Даже с приятностями.

◆ Уже через полгода проживания в Бортянске его начальник, авторитет Молот — за пудовые кулачища — перевел способного парня из рядовых бойцов в разъездные посыльные. Так что и ствол ему не понадобился.

В одном из заданий Сысою требовалось обналичить в московском банке чек на крупную

сумму и доставить ее обратно в Бортянск. Ни бойца, ни ствола ему не дали, ибо на Краснопресненской еще волокло дымом от здания бывшего Верховного Совета, а ментура и патрули-краснопогонщики обыскивали всех подряд.

«Дело, конечно, рисковое,— предупредил Молот,— но мне нал нужен послезавтра до зарезу. Справишься — в накладе не останешься. А что случится... сам понимаешь!»

Еще опаснее было в те дни ехать в Москву на машине. Поэтому Сысой оделся под мелкого торговца-перекупщика, взял с собой приличествующую этому званию большую сумку в мелко-синюю клетку и поехал через Тулуповск на электричке.

Поначалу пути не было, все шло, как на зло, плохо. Забарахлил мотор старой «Волги», что везла Сысой до Тулуповска. Водила целый час ее чинил, но с проклятьями отступился. Еще полчаса Сысой, матерясь про себя и вовне, ловил попутку.

Переезжая через весь Тулуповск до вокзала на троллейбусе, еще на какое-то время задержался: столкнулись две легковушки на перекрестке в центре города.

Дальше — хуже. Электричка добежала до Серпухова. Объявили: дальше по каким-то причинам не пойдет. Все на выход! Самое паскудное, что тут же вокзальное радио объявило: следующие две электрички на Москву отменяются. Народ особенно не роптал, понимая, что недавние танковые бои на Краснопресненской просто так не проходят...

Словом, Сысой добрался до Москвы почти к закрытию банка. Хорошо Молот загодя туда

звонил и сделал заказ. Деньги выдали без промедления и излишнего любопытства.

Чтобы набитая наполовину деньгами сумка не болталась-ежилась, Сысой купил несколько блоков «Винстона»; тогда курил, а в Бортянске даже приличные люди не брезговали подбирать окурки, вышелушивать из них табак, сушить и вертеть самокрутки. Еще приобрел пару флаконов приглянувшегося ему качественного, дорогого мужского одеколона с пульверизатором.

Уже не удивился, прибыв на Каланчовку, что семичасовая электричка отменена, а следующая и последняя пойдет в Тулуповск уже затемно, в девять вечера.

Ждать в такое лихое время два часа на опустевшей Каланчовке, а потом четыре часа ехать в пустом вагоне с откровенно подозрительными попутчиками? Да и Молот советовал: деньги послезавтра нужны, так что если какая задержка случится, лучше переночуй только в хорошей гостинице в центре города.

Сысой снял с головы и упрятал в сумку дрянную маскировочную кепку. Широко распахнул на груди легкое драповое пальто, чтобы виднелся приличный кожаный пиджак, побрызгал себя одеколоном из пульверизатора-флакона и пошел к высотке «Ленинградской», что в трехстах метрах от Каланчовки.

◆ Не обращая внимания на никогда не убираемую табличку «Мест нет», Сысой протянул дежурной администраторше паспорт с вложенными в него несколькими крупными дензнаками, сказал кратко: «До утра». Боковым зрением отметил: трое сидевших в углу вестибюля и нарочито громко споривших о шансах «Спар-

така» в этом сезоне мужиков лет тридцати востроглазо осматривают его и сумку.

Сысой добавил разруливавшей администраторше еще несколько купюр. Та согласительно кивнула, протянула ему для заполнения регистрационный листок, затем выдала ключ. «До половины девятого, молодой человек», — напомнила она, положительно оценив крепкую фигуру постояльца и его щедрость.

В хорошем номере-полулюксе Сысой постоял под душем и собирался заказать — голодный весь день! — ужин в номер. Многоопытная, хотя и молодая, администраторша, оценив ситуацию постояльца с сумкой, сообщила, что такая форма обслуживания у них имеется для клиентов номеров люкс, полулюкс и апартаментов.

Голодный Сысой еще обдумывал меню ужина, как зазвонил телефон. Снял трубку и услышал голос давешней администраторши:

— Молодой человек! Вы бы не хотели провести время с одной очаровательной девушкой? Учтите, она скрашивает досуг только приличным нашим клиентам. Я вам *настоятельно* советую.

Что-то в голосе ее звучало доверительное, даже заботливое. Главное, внутреннее чутье советовало не отказываться.

— Хорошо. Только если она очень красивая, — подыграл голосом Сысой.

— Не сомневайтесь, совершенная фотомодель. Вы сейчас закажите ужин, а Эдита, так называйте ее, придет через полчаса. Да, стоимость услуг будет включена в счет официанта. Не удивляйтесь сумме, услуги Эдиты того стоят. Повторюсь, но она обслуживает только очень состоятельных гостей.

Официант расставил на столе ужин на двоих

с шампанским и виски, как почему-то заказал Сысой, получил с полупоклоном деньги и укатил свою тележку, сказав на выходе: «Приятного отдыха! Эдита постучит дважды по два раза».

Эдита, неполных двадцати лет шатенка с модной тогда стрижкой «гаврош», действительно, оказалась красавицей и, что приятно удивило Сысою, без излишнего макияжа, свойственного столичным проституткам. Значит, действительно, высокого гостиничного полета.

Поздоровавшись, деловито прошла в ванную, не расставаясь с висевшей на плече небольшой дамской сумкой. Скоро вышла, приятно пахнущая остро-терпкими духами, все на тех же двенадцатисантиметровых каблуках туфель, но переодетая в короткую, до середины бедер распашонку-пеньюар. На ногах — только входящие в столичную моду муаровые чулки на кружевной липучке. Сысой, возбуждаясь, глядел во все глаза на нее.

— Что вначале? Ужинать или его на потом? — Эдита говорила все так же деловито, ровным голосом.

Все же голодный Сысой выбрал ужин. Гостя ела символически, а к фужеру с шампанским только прикоснулась губами.

— Знаешь, милый, я на работе почти не ем. Тем более не пью. А ты не стесняйся, вижу, что целый день на ногах, без перекуса.

Видя, что клиент не задает обычных дурацких вопросов: как докатилась, красивая такая, до жизни... и так далее, Эдита сама принялась хорошо поставленным контральто заполнять паузу, пока Сысой ест:

— ...Мы с подружкой работаем для подстраховки на пару, вместе же учимся в МГУ на

филологическом факультете. Сами из Ярославля, а здесь в гостинице зарабатываем на квартиру. Как накопим, так и завяжем с этим делом.

Сысой согласительно кивал словам сказочницы, накачиваясь виски и желанием. Когда он разделся, Эдита пришла в неподдельный восторг и легко согласилась обходиться без ненавистных Сысою резинок. Правда, попросила показать графу о семейном положении в паспорте.

Некрепкий, перемеживающийся их сон дважды нарушал телефон:

— Контрольный звонок от подруги. Все ли в порядке.

И еще был звонок от дежурной по этажу. Эдита выслушала, что-то пообещала, а Сысою со смехом сообщила: в соседнем номере пожилая чета иностранцев просила через дежурную заниматься любовью чуть потише.

Утром Эдита скоренько приняла душ, переоделась в гражданское, но взять еще дополнительно денег от расчувствовавшегося Сысою мягко отказалась: «Не надо. Мы на твердой ставке, а эти все равно кот или мамка отберут. Ты мне тоже понравился. Как еще будешь здесь — зови меня через официантов. Со мною здесь ночью надежнее и приятнее. Надеюсь, милый, ты все правильно понял: чем-то ты приглянулся Ленке-администраторше. И еще совет: в следующий раз с сумкой такой в гостиницу не ходи. Лучше оставляй на вокзале в автоматической камере хранения. Пока!»

Поблагодарив бога, в которого он не верил, Сысой начал готовиться на выход.

◆ В приемной градоначальника почтенная Вера Игнатьевна, хорошо знавшая бескорыстие шефа, с некоторым изумлением посмотрела на

форменный упаковочный ящик, что Егор с натугой вносил в дверь, следуя позади Сыся.

— Книги,— коротко сказал Сысой, вручая секретарше коробку ее любимых трюфелей.— С праздником вас, Вера Игнатьевна!

И, заметив недоуменное движение бровей следящей за собой пожилой женщины, добродушно рассмеялся:

— С Днем весеннего равноденствия!

Здесь и она засмеялась, как всегда с интересом охватывая взглядом мощную, ладную фигуру городского олигарха и указывая на дверь в кабинет:

— Заходите, Николай Алексеевич уже спрашивал о вас.

Градоначальник пришел в неопиcуемый восторг при виде книг, даже испугался: что-то сегодня запросит у него Сысоев? Однако, восторг перевесил все опасения:

— Ну-у, Артем Андреевич, не ожидал, не ожидал...

— Так, Николай Алексеевич, пустячок для вашей плеханиады.

— Ничего себе пустячок! Знаете что, я человек принципиально не пьющий, но за эту роскошь давайте по рюмочке пропустим, а?

Сысой охотно согласился и, предупреждая движение мэра к шкафчику позади рабочего стола, ловко извлек из кармана пиджака ладненькую полуштофную* бутылочку:

— Рекомендую, Николай Алексеевич, так сказать, вечерней лошадей из Парижа — «Наполеон» двадцатилетней выдержки. И у них в

---

* То есть полезным объемом четыреста миллилитров.— Прим. авт.

свободной продаже не бывает; это мой Карлыч, в отпуске любовавшийся Эйфелевой башней, приобрел в знаменитом ресторане «Максим». — На вынос, так сказать. Кстати, в списке знаменитых посетителей ресторана за последние сто с лишним лет и Плеханов числится, — весело врал под сурдинку Сысой.

А Вера Игнатьевна, слышавшая разговор из-за неприкрытых выходящим Егором тамбурных кабинетных дверей, улыбаясь («Ох уж эти мужчины!»), вносила на подносе рюмки, порезанный лимон и вазочку с сахарным песком.

«Хорошо бы напоить Колю», — подумал Сысой.

◆ Напоить не напоить, но двух рюмок Коле вполне хватило для душевной расположенности к столь уважаемому посетителю. Беседу о воззрениях Плеханова на народное благосостояние Сысой умело свел на конкретные, практические рельсы.

Да, Николай Алексеевич, сейчас такое время как раз подошло к тому, чтобы власть и честный бизнес объединились под лозунгом «Живи днем сегодняшним, но более думай о завтрашнем».

— ...Я, Николай Алексеевич, даже ночью просыпаюсь и все думаю: как помочь родному городу, как сделать его краше и привлекательнее для инвестиций и этих... как их — инноваций. Вот решил все свои нажитые трудом непосильным капиталы вложить в строительство серьезного по размерам и оборотам культурно-развлекательного центра.

Что город, возглавляемый вами, получит? Во-первых, само здание по образцу ностальгических сталинских высоток — в контекст архитектуры центра города — потребует для своего

сооружения огромное количество кирпича и много строителей. Значит, оживет наш кирпичный завод. По моим расчетам, на год строительства с учетом кирпичного завода и строителей город получит порядка четырехсот пятидесяти рабочих мест с достойной, как сейчас говорят, зарплатой.

Во-вторых, при запуске центра на полную, так сказать, загрузку — еще двести-триста рабочих мест, но уже постоянных.

Наконец, налоги в городскую казну, опять же по прикидочным расчетам моих экономистов, с продаж и других услуг центра сравнимы с таковыми от работы двух-трех цехов химкомбината!

Самое главное в другом: наш народ-труженик получит товары по стабильно невысоким ценам, а неприкаянная наша молодежь — будущее великой России — сможет культурно отдыхать: без водки, наркоты и, прости меня, господи, этой скверны — проституции.

...Коля настолько вдохновился от золоченых томов Плеханова, коньяка от Максима и пламенных доводов Сыся, что перешел к делу:

— И чем мы, администрация, можем по-настоящему помочь в таком, тоже не побоюсь слов — святом, деле?

— А вот за домами улицы, что видна из ваших окон, имеется странная пустота: не то пустырь, не то заброшенный сквер. И это в самом центре города!

— Да-да, есть такой малоухожженный сквер почти два гектара земли пропадает. Но здесь заковыка имеется, которая отпугивает всех претендентов на застройку. Я и сам толком эту заковыку не знал, пока в должность не вступил.

Заставил начальника стройкомитета порыться в градостроительных архивах, с краеведами и музейщиками поговорить. И выяснилась такая вот картина.

Выяснилось, что в прежние времена, до появления города, на этом месте располагались по соседству сразу два кладбища: обычное деревенское и холерное, на котором хоронили всех павших от морового поветрия тысяча восемьсот двадцатых годов со всей округи.

Конечно, строители города никаких покойников не опасались, боялись только Сталина и его железных наркомов, поэтому именно на месте упраздненных кладбищ собирались возвести районную подстанцию и склады готовой продукции строящегося химкомбината.

Тогда все делали серьезно, поэтому геодезисты провели изыскательские бурения — все получалось хорошо, без подвохов. Для утверждения генерального плана застройки города с химкомбинатом и теплоэлектростанцией прибыла комиссия из Москвы во главе с самым важным геодезическим ученым, еще при царе ставшем академиком. Тот в целом все одобрил, но когда дошел до участка бывших кладбищ, зачем-то потребовал карты бурений соседних территорий, что-то засомневался, дескать, сомнительные тенденции в рельефе просматриваются. И прочие ученые слова все говорил и говорил.

Его бы, конечно, не послушали, но план в целом не понравился химическому наркому. Все велел перепланировать, что и было сделано, а территория бывших кладбищ сама собой выпала в пустошь.

И что мы сейчас видим, Артем Андреевич? Восемьдесят с гаком лет прошло, участок как

стоял, так и стоит, но от греха подальше и суеверия ради никто за это время там ничего не строил. А чтобы не бросалось в глаза, еще в тридцатых годах разбили на комсомольских субботниках глупый этот сквер. Скорее — пустырь.

Так что, если не боитесь душ усопших и карканья царева академика, то берите пустырь под стройку за разумно минимальные отчисления в городскую казну.

— Конечно, беру. Спасибо, дорогой Николай Алексеевич! А чтобы народ из суеверия вывести, так привезу из Москвы лучших геодезистов, чтобы те каждую сотку на участке пробуравили на тройную глубину котлована.

◆ Итак, последнее звено в цепи подлежащих решению вопросов, замкнулось. Вернувшись в контору, Сысой на радостях удвоил, а некоторым сотрудникам и утроил, суммы премий за заканчивающийся первый квартал в принесенной на подпись главбухом ведомости.

Кроме того всех на сегодня отпустил по домам на два часа раньше. Взял Нелли и, начиная с «Тимофеева трактира», пошел куролесить по всем значным местам города и его окрестностей, всюду организуя стихийные банкетные компании из городского бомонда.

Потерял счет времени и пространства, очнулся осмысленно только в загородном коттедже — сообразил по бою часов в гостиной. В темноте долго соображал — кто с ним рядом в постели: Нелли или Катерина.

Дотянулся на ощупь до шнура торшера, включил и увидел сладко спящую рыжеволосую красотку, явно в глубоком градусе подпития. От вспыхнувшего света она инстинктивно повернулась на бок, зачмокала и явственно пробормота-

Егор с неподдельным интересом уставился на хозяина.

— Егор, что за люди в гостиной?

— А это, шеф, артисты из театра; у них вчера бенефис — кажется, так называется — Васильчикова...

— Я что — в театре был?

— Никак нет, шеф, вы их встретили всем коллективом в ресторане, где они обмывали бенефис.

— В моем? В трактире?

— Нет, за городом, в «Серебряном олене». И пригласили к себе, зафрахтовав под них несколько такси. Кстати, в восемь утра они же приедут за артистами... Водилам-бомбилам уже заплачено за отвоз в город.

— И... чего они здесь делали?

— Пели и плясали вместе с вами до часу ночи, затем утомились и заснули. Да вы не беспокойтесь: я, Марья и Петрович по очереди выходим к ним, приглядываем, чтобы с сигаретами, с огнем не баловались. Да им не до этого — дрыхнут без задних ног, а не спящие Карапетов и Васильчиков не курят.

— А та... что наверху рыжая девка — кто?

— Сонька, секретарша Марка Бухвальда с химкомбината; что-то навроде начальника отдела снабжения по-русски.

— Мд-а-а. Полагаю, тоже в кабаке нашел?

— Да, только не в «Олене», а в вашем «Трактире».

— А сам Бухенвальд этот где?

— А вы же его напоили и велели мне доставить Марка домой... вместе с Нелькой.

— Мд-а-а, обменялись, так сказать. Еще что начудили?

— Не могу знать, я ведь при машине. Только краем уха слышал от официанта, что грузил нашу тачку бутылками и закусками для артистов, что вы собираетесь заказать Артуру Белоглазову памятники Плеханову и Деникину для установки перед своим будущим супермаркетом. Остальное по мелочи: велели послать во все московские посольства телеграммы-поздравления с Днем весеннего равноденствия. Много ругались матом, пили на брудершафт с официантами, все порывались ехать на ночевку к Катерине Михайловне.

— Вот что, Егор, поднимись наверх, там где-то на полу в спальне мой прежний пиджак валяется. Выгреби все из карманов и принеси мне. Рыжую не буди — утром с остальными вывезут. А меня домой отвези и сам поезжай досыпать под боком у жены.

◆ По заведенному порядку, если Сысой возвращался домой ночью, то встречать его было не нужно. И сейчас поднялся на свой этаж, прилет на диван — и прерванный сон его вновь сморил.

Заснул он со странной мыслью: человек живет всю свою жизнь во сне, не имеющем ничего общего с его реальной жизнью.

Как то и бывает после бурно проведенного вечера и начала ночи, сны являются спутанными, но, если их наутро проанализировать, то со значительным смыслом. И содержанием также.

В этом сне Сысой являлся рядовым слушателем публичной лекции Галактионова, брата Люды, журналиста и члена райкома КПРФ. Тема лекции — утвердительно-полемическая: «Проклятие слову бизнес».

— Товарищи! — Начал лекцию Александр

Евгеньевич, но его перебил обиженный голос из зала:

— А где же обращение к господам?

Лектор сурово поджал щеки, обрисовав острые, бескомпромиссные скулы и урезонил:

— Господ наши деды-прадеды в семнадцатом году в деревянные бушлаты одели! А нынешние, так сказать, «господа» из подворотни, от спекуляции цветами и джинсами, от вымогательства и бандитских захватов бывшей народной собственности — нам не господа, а воры и бандиты...

Но тот же голос, но уже с выраженной нахальдой, снова перебил лектора, досказывая его фразу:

— ...Которых надо по-сталински всех к стенке, да, гражданин-товарищ?

— Зачем же к стенке, — уже спокойно и с усмешкой парировал Галактионов. — Во-первых, Иосиф Виссарионович слишком мало к стенке прислонил; во-вторых, в двадцать первом веке это полагается негуманным в эпоху всеобщей толерантности и так далее, в том же духе. Наконец, эти «господа» такой материальный вред стране нанесли, что расстрелять их — верх гуманности. А вот десять лет без права переписки — то, что надо, лишний вес сбросят. Инстинкт накопительства в себе притопят, да и хотя малую, но толику пропитого-прожратого трудом на лесоповале вернут народу! Есть еще вопросы? Нет, продолжим.

Итак, слово «бизнес». Я его произношу, мысленно закавычивая. Почему — сейчас поймете. Кстати, присутствующим здесь условным господам дальнейшие мои слова, равно как и первые, будут явно не по нутру, так что они

смело могут покинуть зал и провести время в буфете. Например, за распитием столь же им любезной кока- или пепси-колы.

И еще одна преамбульная оговорка. К сожалению, только восемь процентов людей, независимо от пола, возраста, образования-воспитания, расы и национальности и так далее, являются самодостаточно мыслящими. Остальные же, увы, направляют свою жизнь, так сказать, по указке вождя, старейшины племени и рода, а сейчас — исключительно телевизора.

Это не выдумка, а биологический закон эволюции человека. Более того, мой тулуповский знакомый, ученый и доцент университета Николай Андреянович математически и физико-биологически строго доказал такую пропорцию: 8:92.

Но пусть это вас, товарищи, не огорчает. Ведь на лице-то не написано: к какому проценту вы принадлежите? Так что каждый втайне от других может смело полагать себя восьми-процентником.

С другой стороны, представьте себе такую картину: все сто процентов людей мыслят самодостаточно. А раз так, то никто никого не слушает, ибо сам все знает. Получится эффект Вавилонской башни. А человек ведь, даже пресловутые господа-воры, вне коллектива не живет, не выживает. Вот природа и распорядилась мудро, отделив ограниченное число мыслящих, ведущих, от массы ведомых.

То есть, округляя, на десять человек приходится один ведущий их, то есть десятник. Это мы и видим в организации любого вида. В армии — со времен Древнего Рима — десятник суть командир отделения — низовая должность

в войсках. И строительная бригада имеет своего десятника-бригадира. И так далее, все выше и выше по общественно-государственной лестнице.

...Для чего это я вам говорю? — А для того, что далеко не все воспримут мои доводы как истину в последней инстанции, но ведь надо и стремиться к пониманию истины!

◆ — Итак, слово «бизнес» и почему мы шлем ему проклятие подобно анафеме, которую ежегодно с амвонов наших церквей в День торжества православия, что вначале марта-месяца, вам двенадцати анафематствованным: народным героям Разину и Пугачеву, изменнику гетману Мазепе и другим провозглашают.

Само слово *business* полагается английским, по образованию от общего для германских языков корня *bis*, произносится по-русски как «бис» и означает: занятие, занятость, занятый и прочее в производных от корня словах. То есть говорить, как сейчас принято — заниматься бизнесом, есть тавтология навроде масляного масла. Кстати, в германоязычных странах этот корень присутствует в географических названиях и фамилиях. Например, фамилия «железного канцлера» Германии девятнадцатого века Бисмарка означает: занятый торговлей, торговец, купец, — от слов «бис» и «марк» — торговля.

Но от германского «бис» до американского бизнеса, ныне растекшегося по всему глобализованному миру, расстояние — в смысле значения, этимологии — такое же, как между французским и русским, одинаково произносимым словом «шваль»: в первом случае это лошадь, а во втором, русском — понятно что.

Изначально в том английском языке, на котором говорят в Англии, слово «бизнес» и вовсе

не употреблялось. Не было такого слова в языке Шекспира и почти что нашего современника Джона Голсуорси, автора знаменитой «Саги о Форсайтах».

Но многие европейские, в том числе и английские, слова, «переезжая» в Новый Свет, изменяли свое звучание, а главное — смысловое значение.

Так, например, и название нынешней мировой валюты: доллар. А в средневековой Европе общей, то есть тоже мировой, валютой являлся талер — денежная единица, наиболее распространенная в многочисленных германских княжествах и в североевропейских странах. Назвали его так по имени Серебряной долины, по-немецки *Sielber Tal*, где имелись богатые серебром месторождения.

Первыми гражданскими насельниками Северной Америки стали голландцы, первая партия которых прибыла в Новый Свет на знаменитом «Мейфлауэре» на остров Манхэттен. Они же, не мудрствуя лукаво, назвали свою, северо-американскую денежную единицу все так же: серебряный талер. Впоследствии, уже в англоязычной Америке *Sielber Taller* трансформировался в *Sielver Dollar*, или просто доллар.

«Как бы мы и весь мир сегодня не относились к Америке, но надо знать: ихнее обращение «мистер» является, пожалуй, самым — и единственным — демократическим, в позитивном смысле этого слова, обращением! Ведь все эти сэры, милорды, сеньоры, доны и пресловутые господа — это обращение нижних сословий к высшим, то есть слуги, раба к хозяину, владельцу.

А вот мистер — это от привезенных теми

же голландцами мастеров. Ибо у себя на родине так они обращались друг к другу, не считаясь чинами и сословиями, превыше всего цenia мастерство каждого. И Петр Первый, восхищавшийся трудолюбием и мастерством голландцев, привез это слово в Россию.

◆ — Однако, товарищи, вернемся к пако-стному бизнесу. И в самой Америке до превращения ее в индустриальное государство это слово не употреблялось вовсе.

Опять же, читая американскую классику девятнадцатого и двадцатого веков — от Майн Рида, Фенимора Купера. Мелвилла до Фолкнера, Сэлинджера и Теодора Драйзера, вы не найдете о бизнесе никакого упоминания.

То есть слова бизнес, бизнесмен в американском диалекте английского языка существовали, но если и использовались, то только в узкопрофессиональной среде. Главное, их смысловое значение обозначало только принадлежность к тому или иному занятию человека. То есть слово это обязательно сопоставлялось с прилагательным-определением.

Самодовлеющим это слово стало со времен Великой депрессии в Америке двадцатых-тридцатых годов. Ситуация аналогичная, до боли нам знакомая на гайдар-кириенко-экономике девяностых годов: народ ищет любое занятие — от мытья сортиров до бандитизма, лишь бы самим прокормиться; не говоря уже о людях семейных...

Именно тогда в США слово это, вырвавшись на газетные страницы и в радиоэфир и через них обрушившись на головы масс-медиа, семантически отделилось от корневого своего значения и приобрело *смысл любого занятия*,

приносящего доллары, отвлекаясь от категорий профессионализма, личной тяги к определенному роду занятий, морали и нравственности, законности, патриотизма и так далее. То есть бизнес стал синонимом чисто биологического выживания с претензией на сугубый индивидуализм и на обретение той суммы долларов, которая позволит этому сугубому индивидуалисту подчинять себе других людей.

После окончания Второй мировой войны США стала гегемоном капиталистического мира, на нее стали равняться все другие страны, исключая СССР и сферу его экономико-политического влияния, поэтому и бизнес в его новой трактовке был всемирно воспринят.

Кстати, не только в СССР и соподчиненных ему странах это слово не употреблялось, осмеивалось и презиралось. Не использовалось оно в странах традиционной культуры, например, в Японии. А также в авторитарно-тоталитарных государствах — в той же франкистской Испании.

Здесь проговорился (и «прокололся» в своих симпатиях...) наш знаменитый сочинитель, автор тонкой книжки, по которой был написан сценарий сериала «Семнадцать мгновений весны».

...Уже в другой — потолще — книге, где описываются послевоенные подвиги Исаева-Штирлица в Испании, сочинитель сочувствует бедным испанцам, которые при диктатуре Франко слово *бизнес* произносят как *бузизнес*, ибо в живой речи его не слышат, а читают как написано в иностранных газетах: *business*...

◆ — Если в той же Америке, отчасти в Европе к настоящему времени самодовлеющее

значение слова «бизнес» прочно вошло к грамматические нормы и частота его употребления не создает эффекта долдонящей навязчивости, то в современной России уже и младенцы первым словом произносят: «А-а-а, пи-и-зинец!».

— Или «презерватив», — кто-то дурашливо выкрикнул из зала.

Раздался одобрителный хохот: народ устал от умных слов Галактионова, а более привычное, бытовое, словно конфетка после пересоленных щей. Да еще и без мяса.

— Тише, товарищи. Про санитарные средства интимных отношений идите слушать лекции в другое место, например, в расплодившихся центрах планирования семьи. Там и схемы плакаты висят: как партнерша надевает этот прибор своему мачо.

Зал вновь одобрително хохотнул, а Галактионов, посерьезнев, продолжил:

— И кто это занимательное слово, я имею в виду бизнес, так сказать, не устает внедрять в массы? Конечно, это СМИ. Но и они имеют иницилирующую поддержку. Включите телеящик в то время, когда там вертлявый телеведущий берет интервью у высокопоставленного чиновника. И проанализируйте речь этого превосходного слуги народа: каждое третье слово у него — «проблема», каждое пятое — «бизнес», а уж седьмое-восьмое точно «белый дом». Но тот, что в городе Вашингтоне, округ Колумбия, а не на Краснопресненской. Вот три ключевых слова современного русского новояза — все сплошь американизмы, которые и в самой-то Америке употребляются гораздо реже.

Самое существенное, что весь наш сметли-

вый народ, как бы его с тех же телеэкранов не крыли быдлом и обывателем, прекрасно понимает значение этого слова.— Я возвращаюсь, конечно, к бизнесу.

Вот к примеру обычный разговор двух мужиков, приятелей или знакомых, давно не видевших друг друга:

— Здорово, Вась!

— Привет, Жора.

— По-прежнему в бизнесе состоишь?

— Нет, здоровье не то. Занялся строительством по подряду. А ты еще бизнесментствуешь?

— Куда там, жизнь и здоровье дороже. В торгаши подался.

...И так далее. То есть в народном восприятии бизнес — это криминал или легализованный криминал по извлечению денег из воздуха, то есть их отъем тем или иным способом. Но вот какая игра: ведь и высокие чиновники, уснащая свою речь этим словом, в том же смысле понимают? И так, проклятие слову этому!

...Утром, принимая душ и завтракая сам с собой, Сысой усмехался, вспоминая лекцию Галактионова, и даже корил себя, что не дослушал до конца, ибо... заснул во сне. И такое бывает.

В половине девятого Егор просигналил с улицы. Сысой чмокнул в подставленную супругой мягкую щечку и вышел из дома.

По дороге с удовольствием выслушал свежий егоров анекдот про телефоны прямой связи с Всевышним у папы Римского и главного раввина Израиля.

— Растешь, Егор! От пахабщины смело переходишь на тонкие политические. Да, не зря Людка тебе Деникина подсунула. Кстати, не добил еще белогвардейца до конца?

— Нет, еще два с половиной тома осталось. Скоро по ночам буду читать. Очень интересно генерал пишет!

◆ Поприветствовав Люду, Сысой велел трубить полный сбор, включая Аркадия, который должен быть сейчас в Бортыанске. К половине десятого все были в сборе, густо обсадив в кабинете шефа большой совещательный стол. Но пока народ собирался, Сысой созвонился с тулуповским скульптором Артуром Белоглазовым. Они были на «ты» после брудершафта на обмывке памятника на могилу деда Тимофея, который украли на цветмет.

— Привет, Микеланджело Тулуповска и его окрестностей! Не разбудил человека богемного склада?

— А-а, Артем? На ногах уже с семи утра. В наше время и скульптура ноги кормят. Никак заказ?

— Совершенно в точку... Да-да, помню, что из мрамора не умеешь. Как раз нужен из бронзы... Тоже помню, что реальные лица у тебя не очень получаются, лучше — абстрактное. Но ты ведь деда моего уже лепил? — Лепил, этот тоже Тимофеев будет памятник, только большой — в двадцать метров высоты... Понимаю, что ты не Вера Мухина, но — двадцать и не метром меньше! Все обговорим при встрече в течение следующего месяца. Главное — твое принципиальное согласие. Будь здоров, дорогой!

— Вот что, братья-разбойники, — весело обратился Сысой к собравшимся, — все вопросы по строительству в общем решены; Борис Карлович с Аркадием славно поработали, градоначальник навстречу пошел, остальные руко-

водители отделов и направлений хорошо постарались не за страх, а за совесть, как когда-то наши советские отцы и деды говорили.

Сегодня будем предельно кратки, поскольку мне надо в мэрию с Карлычем ехать — отчуждать от родного города землю под строительство. Так что в ритме гопака, или рок-н-ролла, говоря в духе времени, раскидаем дела и заботы ответственным исполнителям из числа вас.

Александр Ефимович, — повернулся Сысой к своему первому заму, — на тебя, как и положено, самые большие хлопоты: собственно строительство здания. Начинай с геодезии; соответствующих спецов лучше из Тулуповска подряжать, а то в московских проектно-строительных шарашках все с купленными дипломами сидят. Да, чтобы пресечь эти бабьи сплетни, замерочные бурения пусть проводят дважды: до рытья котлована и затем уже на дне его.

А вот проектировщиков самого здания лучше взять их Москвы или Питера, но только из солидных проектных организаций: лучше переплатить, чем потом огрехи по живому исправлять. Также комплектовать строительные бригады — и никаких дешевых таджиков! А так хоть с метростроя бери! Хохлов условных из Харькова можно нанять. Сам сообразишь.

Наш же не менее уважаемый начальник отдела снабжения, — теперь Сысой повернул голову влево, — оставив на потом всякую мелочевку и текучку, пусть садится за общую смету по стройматериалам и договорам с кирпичным заводом, ЖБИ и — заглядывая вперед — с поставщиками торгового оборудования, мебели и прочей халабурды. Но — только качественной,

с позолотой и финтифлюшками. Возьми из интернета фото мебели в здании *МИД*'а на Смоленской площади и на них ориентируйся.

Аркадий за время строительства должен успешно продолжить начатое и организовать конкретную сеть проводок... каких, кто из вас знает, путь и знает. Остальные пусть крепче спят по ночам, если, конечно, не в левом ночном походе, ха-ха-ха!

А наш дражайший слуга Фемиды и нашей компании Борис Карлович как паук, нет, как матерый паучище, раскинет свои юридические сети над всем многообразием задач и будет курировать все и вся, что относится к *неукоснительному* исполнению буквы и содержания законов. Самых справедливых и гуманных к нам, предпринимателям, законов в мире, ха-ха-ха! Желательно — все за достойную, но реальную плату.

Кстати, Карлыч, я тут как-то хандрил по легкой ранневесенней простуде, сидел дома и пил чай медицинский — с ромом, от нечего делать просмотрел четвертую часть Гражданского кодекса. Оказывается, теперь любой наследник произведения творчества его папеньки-маменьки в течение семидесяти лет со дня его, или ее, кончины вправе через суд содрать деньги с того, кто без его согласия где-то и что-то воспроизводит похожее на творение умного отца. Даже матери, если мать — Вера Мухина.

Я сразу забеспокоился, попросил Люду посмотреть по интернету — кто главный архитектор высотки на Смоленской площади, под которую будет косить наш храм торговли. И когда этот главархитектор помер. Оказывается, автор высоток Жолтовский чуть не до ста лет дожил!

Это, конечно, замечательно, но ведь наследники его не дремлют?

Так что, Борис Карлович, изучи комментарий к четвертой части, проконсультируйся со столичными знатоками наследственного права и так далее. Чтобы нам в лужу не сесть.

А в части сроков буду как Петр Первый и Иосиф Первый же. Отсчет от сегодняшнего дня весеннего равноденствия.

К самому длинному в году дню двадцать второго июня — вся геодезия, планировка и полный нулевой цикл: котлован, фундамент, перекрытие фундамента, коробки двухэтажного подземного гаража для клиентов на сотню авто, все коммуникационные подводки и подключения: канализация, вода, свет, телефон и все сопутствующее были готовы.

Ко дню осеннего равноденствия — половина коробки здания, к двадцать второму декабря — вся коробка с фасадом и остеклением. Далее внутренняя отделка, меблировка, завоз товаров — и ровно через календарный год, в день следующего весеннего равноденствия — торжественное открытие!

Приятный момент: солидные премии вам, как ответственным руководителям, начисляются по указанным дням и, конечно, на момент завершения.

Все, расходимся и — за дела!

**НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ:
КАК РОТОРАЕШЬ,
ТАК И РОТОРАЕШЬ**

◆ Целый год — от одного весеннего равноденствия до другого, или как подшучивал директор сысоевой макаронной фабрики Шараф Гайтудинов — от одного байрам-навруза до другого, Сысой трудился не покладая рук. Это было в его характере: или гульба беспробудная, или работа от зари до зари, коль замаячила достойная цель. «Чисто русский характер!» — восхищалась Люда, тем более, что шеф взашей вытолкал из конторы Нельку. Она всерьез вознамерилась стать иностранкой и в открытую крутила с химкомбинатовским Марком.

И вообще Сысой на этот год трудов и забот почти перестал кобелировать. Телефонные намеки Катерины сводил к отщучиванию: дескать, дал монашеский обет воздержания до постройки храма торговли. Редко-редко позволяя себе расслабиться в загородном коттедже с новой переводчицей Галей, заступившей на освободившееся место в конторе. На это новое увлечение шефа Люда отозвалась кратко: «Инязы педуниверситетов полностью перешли на подготовку проституток высшего среднего разряда!»

Ночевал почти всегда дома. И почти каждый вечер, поработав в кабинете почти до полуночи, спускался в зал к сгрудившимся у телевизора женщинам и просил Дарью зайти к нему.

Дарья уже не вспыхивала как прежде и не смотрела горделиво на товарок, а отправляясь стелить супружеское ложе, с наигранной гримасой шептала Зое и Наталье: «Ох, подруги, совсем замучил меня мужик, хи-хи!» При этом пятидесятилетняя Зоя, в последнем женском соку, поджимала губы, а более старшая Наталья поощрительно подмигивала хозяйке. — На правах родственницы.

Сама же Дарья, словно очнувшись от почти двадцатилетней спячки, начала активно следить за собой: три раза в неделю, как на работу, ходила в фитнес-клуб, завела свою парикмахершу и портниху. Сбросила чуток слишком излишнего веса, а в любовной санитарии перешла с однократных пилюль на курсовые — по всему циклу — таблетки. Очень надежные и маловредные для организма.

Привезенные Катериной — Сысой сдержал свое слово — на летние каникулы дочери, уже вкушившие западной свободы словоизъяснения, восхитились новым обликом матери и в один голос спросили: «М-а-а-м! Ты любовника завела?»

А сам Сысой, как будто заново женился на Дарье. Опять начал пугаться: старею никак? Но здраво рассудил: до старости ему еще лет тридцать, просто хлопотная работа отвлекает от левых баб... ну и нечего стыдиться, раз с женой стало так приятно. Главное — не хлопотно. Опять-таки СПИД и деловой гепатит пока что неизлечимы. Снова усмехнулся: как стареющее животное стал боязливым. А бывало по молодости, так и трех-четырех сомнительных знакомых девок без презиков трахал и даже не задумывался...

Ох, бабы-бабы. Вот закончу стройку века, стану Дарью с Катериной разумно чередовать, разбавляя Галиной!

◆ Долог день до вечера, коли делать нечего, зато при обилии не терпящих отлагательства забот и хлопот год пролетел как один день.

«Неужели свершилось? Неужели я все это сделал?» — Сысой, словно не веря в осиленное, бормотал про себя. Верно когда-то дед

Тимофей сказал задумчиво, поглядев на десятилетнего внука, только что им самолично излупленного ремнем за какую-то провинность: «Из тебя, Артем, либо большая сволочь навроде Троцкого вырастет, либо же справным хозяином станешь!» При этом дед восхищенно посмотрел вдругорядь на внука, отложил ремень — для следующего раза — и вручил Артему два мятных пряника.

Накрепко Сысой запомнил на всю последующую жизнь присказку о воспитательной роли кнута и пряника...

Год минул, наступил канун весеннего равноденствия. Он же байрам-навруз, мусульманский Новый год.

Как некогда царь Соломон, Сысой построил новый храм, но уже чисто торговый. С подтекстом торговли.

В день накануне торжественного открытия торгово-досугового центра «Тимофеев лабаз» — таково окончательно выбранное наименование — Сысой приехал в контору в семь утра и еще раз, в тишине и безлюдье, внимательно перечитал список приглашенных на завтра на церемонию открытия.

Список смотрелся солидно. Тем более, что почти все включенные в него дали подтверждение прибытию.

Хорошо представлена губернская власть: сам губернатор, два его зама, заведующий же канцелярией, директора имеющих отношение к храму торговли и культуры департаментов. И глава тулуповская со своим причтом, конечно.

Что же касается Бортыанска, то наличествовал весь бомонд: чиновничий корпус, руково-

дство химкомбината. Из самой столицы намечались посланцы, хотя и третьестепенные, от столичных властей.

Купечество губернии и Москвы едва уместилось в фамильных списках на трех страницах формата *A4* — Сысой по инженерной своей старинке именовал его одиннадцатым.

Широко представлена общественность в лице публичных людей Москвы, Тулуповска и Бортянска: политологи-публицисты, функционеры всех думских партий, отставные генералы-мемуаристы, известные в губернии одиозные личности навроде людиного брата Галактионова.

Многоликим оказался и мир искусства и вообще творчества, как людей вечно голодных и любящих, с одной стороны, покрасоваться на людях, с другой — хорошо закусить семужкой и осетринкой под неподдельные «Камю» и армянский семизвездочный. Признанный дуаиен творческого бомонда области скульптор Артур Белоглазов расписал два листа фамилиями театральных актеров, художников-баталистов, певцов и танцоров, поэтов и авторов многотомных романов. Тоже любителей красиво выпить-закусить.

За большие деньги из Москвы выписали молодых и не очень примадонн и обласканных властью режиссеров и актеров кино. Хотел было Сысой, следуя давнишнему примеру ныне покойного генерала с характерной фамилией, что на свои выборы в Сибири пригласил Алена Делона, выписать и последнего, но тот, алчный, как всякий француз, запросил явно не по чину... Поэтому за четверть запрошенной Алленом суммы Сысой зафрахтовал плясовые хоры румынских и черногорских цыган.

Поскольку сейчас Россия — страна официально православная, но в то же время толерантная и веротерпимая, то, наряду с архиереями и синодальными представителями, позвали и окормляющих мусульман и иудеев.

Конечно, Верховный муфтий и Бер-Лазар вежливо отклонили предложения, но охотно согласились тулуповский имам и оба тулуповских же раввина, для которых на кухне ресторана при «Тимофеевом лабазе» приготовили кошерные разносолы.

По своей инициативе и партийным связям местное отделение *ЛДПР* пригласило буддийского священника из Ойротского дассана Бурятской республики. В пику политическим конкурентам партия эсеров-интернационалистов привезла буддийского же монаха из Элисты.

На правах градоначальника Коля-мэр заказал из Швейцарии, из цюрихского кантона внучатого племянника Плеханова, к сожалению, не говорившего по-русски и ничего не знавшего о своем великом двоюродном деде.

◆ Дойдя до последней в многостраничном списке на пятьсот персон фамилии Плеханов-внука с пометкой: «По-русски не говорит, приставить к переводчику», Сысой развеселился, вспомнив, что Коля-градоначальник очень сокрушался, что внучек ничего не знает о Георгии Валентиновиче.

Мигом припомнил рассказ Люды. Ее брат-журналист, работая в рассекреченных архивах *ОГПУ-НКВД*, наткнулся на протокол допроса сотрудницы музея «Ясная Поляна» — сразу после ухода оттуда немецкой части. Старушка, оставленная на время пребывания в усадьбе нем-

цев — присматривать за порядком — писала в объяснении, что командир части, обер-лейтенант с большим уважением относился к Толстому, говорил, что с детства читает его книги... Жаль, только, что забыл его фамилию (!?).

Пока делал по телефону в разные места «последние штрихи» к празднеству открытия «Тимофеева лабаза», контора ожила — сотрудники в праздничных одеждах подтягивались, начальство заходило в кабинет доложиться.

На одиннадцать часов была назначена генеральная репетиция завтрашнего торжества по всей форме: с якоря сниматься — по бортам стоять! — Что-то навроде этого говорит сева-стопольский дядька, разливая по первой...

За полчаса до назначенного времени кавалькада машин направилась в недолгий путь до храма торговли. Сысой в заглавном автомобиле специально велел Егору покружить по городу, чтобы все его подчиненные убедились: с любой точки города над крышами домов и заводских строений видна верхняя часть «высотки Сысоя», как за время строительства ее окрестили в Бортянске.

А вот и сама высотка — несколько уменьшенная копия здания на московской Смоленской площади с некоторыми изменениями, не позволяющими наследникам академика-архитектора Жолтовского судиться за использование объекта творчества. Венчал же верх здания двадцатиметровый бронзовый Тимофей Сысоев в крестьянских портках и рубахе-распояске, босой, разбрасывающий из переметной сумы золотые зерна посева добра и всеобщего довольства. Смотрел сверху вниз на бортянский народ дед Тимофей с лукавством и задором.

Поначалу Сысой желал видеть деда на вы- сотке в чоновской форме с винтовкой в руке, но его отговорили. Дескать, не так поймут, за про- паганду терроризма посчитают...

Особенно протестовало руководство хим- комбината: на масштабном макете здания Тро- фим-чоновец целил из мосинского винтаря пря- мехонько в заводоуправление.

Квадрат территории центра огорожен фи- гурной чугунной решеткой — точной копией той, что в питерском Летнем саду — с четырь- мя стилизованными воротами-входами, выходя- щими на прилегающие улицы и переулки.

На зеленой, подстриженной лужайке газо- на, окружающего здание, временно размести- лись столы и стулья-полукресла для гостей зав- трашнего торжества. Накрыты полотнищами полиэтиленовой пленки они были скорее от пы- ли, нежели от дождя, ибо каждые шесть часов над районом расположения «Тимофеева лабаза» кружил самолет, нанятый специально для раз- брызгивания антидождевого химсостава.

Поскольку в Тулуповской губернии никакой авиации давно уже не имелось, то аэроплан пришлось фрагтовать в столице.

◆ Почти два часа «приемная комиссия» во главе с Сысоем осматривала храм торговли. Изобилие съестного, мануфактурного и китайча- той электроники оценил даже сдержанный на похвалы патрон: «Да, жареных дельфинов здесь только что нет...»

— Вот что, мужики, — распорядился Сы- сой после завершения осмотра, — вы идите сей- час в банкетный зал левого ресторана, пообе- дайте и — по домам. Сегодня сокращенный рабочий день. Сам же отправился с Жорой Ка-

рапетовым, назначенным директором торговой «высотки» в его кабинет, где они подробно рассмотрели все детали завтрашнего торжества.

Когда начало темнеть, Сысой приказал Жоре доставить в его машину пару складных стульчиков, маленький журнальный столик, закуску, бутылку «Камю» и бутылку «ноль-пять» хорошего вискаря. Добавил:

— Давай, Жора, гони всех из здания вон. Ставь на электронную сигнализацию. Охранники пусть следят в своей будке на периметре, водку не жрут и ждут моей команды на включение прожекторов. Завтра полный сбор в пять утра. Кухня сразу начинает готовку.

Егор укладывал принесенное в багажник, когда Сысой вышел из высотки:

— Поехали в Вайцевский.

— В Вайцевский? Так может бойца с пушкой из охраны взять?

— Не надо. Свои кулаки не хуже елдака стоят. Потом остановимся подальше от домов. Заводи кобылу, а то скоро стемнеет.

Поселок Вайцевский, что в десяти километрах от Бортянска, был назван в послевоенные годы в честь шахтера-стахановца Германа Вайца — из поволжских немцев, которых привезли сюда сразу после освобождения от немцев, но фюрерских, для восстановления шахт.

Поселок пользовался дурной славой. После закрытия в самом начале волчьих девяностых шахт все население Вайцевского оказалось без работы, расплодилось очень свирепая и воровская шпана. Без особой на то нужды туда никто носа не совал.

Поселок расположился на высоком обширном холме. Когда Егор притормозил на лужайке-

склоне в полукилометре от мрачных пятиэтажек поселка, то перед ними раскинулся в низине, под ногами, вечерний Бортянск с ярко освещенными улицами, высокими трубами химкомбината.

— Кавказ подо мной, — хмыкнул Сысой. Егор вытащил из багажника столик и стулья. Расставил напитки и сервировал закуску: икру обоих видов, копченую севрюгу, заливной язык, порезанный заранее хлеб.

Усевшись, Сысой налил себе коньяка, а Егору безалкогольного.

— Пей, Егор, *каку-калу*, как говорил наш первый президент. Может тяпнешь?

— Не-е, шеф, как говорил второй, а сейчас и четвертый президент, котлеты отдельно, а мухи отдельно. Больно дороги здесь колдое..ые, четверть века не ремонтировались.

Здесь оба, пропустившие обед, почувствовали голод и принялись за закуску.

Хотя и патриот, вторую стопку Сысой наполнил «Джонни Уокером». Но, прежде чем ввести вискарь в организм, он вынул из кармана мобильник, отыскал номер начальника охраны, коротко сказал:

— Включай прожектора, Федорыч!

Потемневший к ночи Бортянск высветили высоткой в лучах мощных прожекторов, что расположились на углах периметра квадрата. Освещенные улицы, цеха и трубы химкомбината вроде как исчезли. Над всем немалым городом высился храм торговли, увенчанный статуей деда Тимофея, рассыпающего золотые зерна.

◆ — Сбылась мечта идиота, — устало-довольно пробормотал Сысой, поднося к губам стопку. Именно в этот момент со стороны Бортянска донесся глухой, идущий из-под земли

нарастающий, страшный в своих низких оборотах гул. И видно даже отсюда было, как вышка, мелко дрожа, начала снижаться в своей высоте. «Прав, значит, был старорежимный архитектурный академик: карстовая пустота», — мелькнуло в похолодевшей голове Сысой.

— Егор! Гони!

Едва машина отъехала, как из соседних кустов, озираясь по-волчьи, вышли три фигуры, подошли к столику и молча начали дармовой пир.

С трудом пробираясь через заполненные выбежавшими из домов людьми улицы Бортянска, Егор доехал до квадрата. Во всем городе вой пожарных и полицейских машин, истошные крики: «Землетрясение! Землетрясение!»

Сысой вышел из машины и подошел, молча раздвинув цепь отгоняющих народ от квадрата полицейских, подошел к наклонившейся к провалу ограде. Под ногами ухало по-болотному. Затем все стихло. Над квадратной пустотой, засыпанной обвалившейся землей, уже неподвижно, не дрожа, высилась только статуя огромного дедушки Тимофея, хитро смотрящего на внука.

Народ скорбно замолк. А на балкон ближнего к квадрату дома вышел в накиннутой на плечи кавалерийской шинели до пят восьмидесятилетний отставник-полковник, известный всему городу сталинист Игнат Рыжиков, включил на полную громкость вынесенный из квартиры маленький, но мощный кассетный магнитофон «Vitek». В исполнении ансамбля Александра Гимна Советского Союза в первой редакции текста Сергея Михалкова и Гарольда эль-Регистана.

Не обращая внимания на городских чинов,

пытающихся его утешить, Сысой вернулся к машине:

— Егор! Там в бардачке есть чистые листы бумаги. Принеси с десяток.

Достал из внутреннего кармана золотой паркер и на капоте поставил внизу чистых листов свою подпись. Увидев стоящего рядом Галактионова, поманил его и протянул ручку:

— Возьми. Мне она теперь ни к чему, а тебе *еще* пригодится.

Из другого внутреннего кармана пиджака вынул три «золотые» же банковские карты с надписанными им же пин-кодами (грабителей Сысой не боялся):

— Слушай сюда, Егор. Эту карточку отдашь Дарье, другую — тебе с Людкой пополам. Третью... впрочем, оставлю себе на прожитие. Ибо коммунизм нам не дали построить до конца, а демократы без денег не кормят. Подписанные листы отдай Карлычу — пусть оформит передачу и становится на хозяйство. И Дарье всю недвижимость оформит.

Секунду подумал, потом обнял Егора за плечи:

— Благодарю, Егорушка, за службу. Прощай.

— Шеф, может подвезти куда?

Сысой махнул рукой и пошел через расступающуюся перед ним толпу.

Больше его никто и нигде не видел.

◆ Перебрав в цепкой памяти историю Сысои — со слов Галактионова и сегодняшних телерадионовостей — Николай Андреевич вновь вернулся к своему счастливому детству.

**НОВЕЛЛА — ЭРИПОГ:
БЫЛО СЧАСТЬЕ...**

◆ К семи часам, согреваясь в быстром шаге от озноба ранневесенней морской промозглости, миновав сопку Старого Полярного, Чертов мост, выставший своими сотнями ступенек глубокий овраг, и — наискосок — весь Новый Полярный, Николка точь-в-точь прибыл к проходным среднего пирса подплава. Его уже ждал Серега, демонстративно вскинувший на уровень глаз руку с часами. Так, для порядка, ибо на его сверхточных, подаренных отцом «командирских» до седьмой склянки, говоря по-флотски, значилась целая минута с заштатными секундами. Но все же не удержался:

— Не опоздал — хор-рошо! А я уже минут десять как здесь!

Николка, пожимая руку однокласснику, промолчал: Сереге от дома до пирса пять минут ходьбы, а тут три четверти мили топать...

— Ладно, Коль, не хмурься, как проштрафившийся боцман, пошли. Катер ждать не будет, хотя бы отец еще вчера дежурного по пирсу предупредил.

Вошли в настежь раскрытые стальные ворота, в которые за минуту до того вполз тягач с парой торпед на прицепе, укрытом брезентовым полотнищем.

Сидевший слева за воротами на табурете дневальный — явно нестроевой «страшный матрос»*, по всей видимости готовившийся к дембелю со своей одинокой лычкой на погонах, — доселе щурившийся на раннеутреннее

---

* То есть старший матрос — эквивалент пехотному ефрейтору — флотск. (Прим. авт.)

солнышко, посмотрел на вошедших, с ленивым флотским шиком процедил:

— Куда, паца...— но, оценив вытянувшихся к концу десятого класса за метр-восемьдесят Николку и Серегу, поправился,— каким курсом следуете, ребята?

— По распоряжению капитана первого ранга Ившева на катер *РК-49*. В дежурке должна быть запись,— не останавливаясь, кратко ответил Серега, сделав ударение на фамилии отца, зам. командира эскадры.

Служивый оценил высокую должность, но утреннюю лень преодолевать и не собирался, махнул рукой, но на всякий случай ответил по уставному:

— Добро на вход. Пр-родолжайте движение, ребя... товарищи.

Чувствовалось: мореману в ничтожном чине так осточертели за четыре года службы все эти лодки, торпеды, облезлые круглый год сопки, многочисленные черномундирные военные и диковато смотрящиеся на территории подплава редкие штатские, что он со скрежетом скул зевнул и, мечтая о скорых «ста днях», лениво поплелся прикрывать тяжеленные ворота.

◆ Средний пирс подплава в Екатерининской гавани уже три года как пользовался не очень-то хорошей славой. А именно с того несчастного для Северного флота и всего советского флота дня одиннадцатого января шестьдесят второго года, когда произошла катастрофа.

В этот день, первый учебный после зимних каникул, только успел прозвенеть на первый урок громогласный школьный звонок — корабельный «колокол громкого боя» с крейсера,

подаренный моряками-шефами, как со стороны близкой гавани раздался грохот мощнейшего взрыва. В классах полетели оконные стекла, посыпалась с потолков побелка, тотчас во всем городе погас свет. В темени полярной ночи учеников выводили со всех трех этажей на улицу завхоз и учителя-мужики с фонариками. Учитель физкультуры Рэм Давыдыч — с керосиновой лампой «летучая мышь»...

Рванул полный боезапас — корабль готовился к выходу в море — носового торпедного отсека подлодки Балтфлота *Б-37*, или пофлотски *Буки-37*, пришвартованной у среднего пирса первым корпусом.* Взрыву предшествовал пожар в отсеке, за время которого стоявшая вторым корпусом лодка *С-350* успела по тревоге отойти на два десятка метров, но все равно при взрыве *Буки-37* получила пробоины корпуса.

Обе подлодки затонули; погибли под семьдесят моряков. По чьей халатности произошла катастрофа — выяснить не удалось: фрагменты тел погибших из носового отсека извлекали по сантиметрам...

Буки-37 хотя и числилась по реестру боевых кораблей Краснознаменного Балтийского флота, но много лет уже базировалась в Полярном. Как искушенные во всех флотских тонкостях, даже школьники второй ступени знали: Балтфлот при всей его героической истории в случае современной войны малодейственен, будучи заперт минными заграждениями в Фин-

---

* То есть пришвартованный непосредственно к стенке пирса. К ее внешнему борту швартуется лодка вторым корпусом и так далее (Прим. авт.).

ском заливе. Да и то в малой, окологронштадтской его части.

Поэтому во флотском обиходе и ходила обидная для балтийцев присказка — по первой букве названия флотов (как и у подлодок в их буквенно-цифровых номерах): «Северный флот — современный флот; Тихоокеанский флот — тоже флот; Черноморский флот — учитывая, что матросский состав его в основном призывался с Украины — *чи* флот, *чи* не флот; Балтийский флот — *бывший* флот».

...Вот поэтому подлодки *КБФ* частично базировались на Северном и Черноморском флотах — для выхода в случае чего на оперативный простор. Подводный флот и сам по себе очень подвижен. Так подлодки из Полярного часто зимой отправлялись в Средиземное море — «сопровождать» американские и вообще натовские авианосцы и крейсера.

Семьи офицеров и женатых мичманов с *Буки-37* и других лодок Балтфлота, базировавшихся в Екатерининской гавани, постоянно жили в Полярном; в одном классе с Серегой и Николкой училась дочь командира злосчастной «буки», чудом оставшегося в живых. Но вскоре после взрыва она уже не была их одноклассницей. На флоте всегда виноват непосредственный командир, поэтому капитана второго ранга отлучили от службы на кораблях и перевели в Бакинскую мореходку, где готовили и подводников для Каспийской флотилии. Видимо, на случай войны с Ираном...

◆ Наверное, оба они думали одинаково, подходя к «аркашке», как было принято именовать катера этой серии, под номером сорок де-

вять, ибо эта каботажная посудина была пришвартована на свободном пяточке пирса между плавбазой «Печенга» и... половиной той самой *Буки-37*.

Плавбаза «Печенга», обслуживавшая в плавании подлодки второй эскадры, всем своим рубленным тевтонским видом показывала, что строили ее в Киле или Гамбурге, а была она некогда рейдером* флота Третьего рейха, переданным после раздела союзниками немецкого и итальянского флотов СССР и унизительно переделанного в плавбазу...

С «буки» дело обстояло сложнее, чем с бывшим рейдером, ибо если армия — по сравнению с гражданским обществом — есть бюрократия в квадрате, то флот — она же в кубе... нет, в четвертой степени, как в школьном алгебраическом биквадратном уравнении. Во-первых, после катастрофы Балтфлот «переписал» лодку на северян. Во-вторых, в Минобороны, в Москве, адмиралы и маршалы, опасливо кидая боковые взгляды на свои большие звезды на погонах, начали почесывать свои стриженные «бобриком» головы: по какому реестру провести погибший корабль? Восстановлению он абсолютно не подлежал. Это — раз. Признать погибшей — радость для натовцев***... опять же звезды на погонах. Это — два.

Нашлась умная голова с «бобриком» в здании серо-стального цвета на Арбате: подлодку

---

* Легкий крейсер по немецкой военно-морской терминологии (Прим. авт.).

*** О взрыве в Екатерининской гавани и двух затонувших подлодках «Голос Америки» сообщил в вечерних новостях в день катастрофы (Прим. авт.).

списать, как выработавшую большую часть ресурса, передав ее там же в Полярном в учебный отряд *без права выхода в море*.

Как говорится, и честь мундира не пострадала, и боевая мощь советского флота планомерно не уменьшилась. Минобороны, коротко вздохнув, подмахнул соответствующий приказ с визой Адмирала флота СССР.

Дело мастера боится, когда сверху спущена соответствующая бумага. У *Буки-37*, ранее поднятой с неглубокого дна у пирса и оттащенной на весу спасательными буксирами на шестой судоремонтный завод *ВМФ*, что в Палой губе, отделенной от Нового Полярного сопкой, отрезали носовую половину по самую рубку, а торец заварили герметично стальными листами.

Обретшую плавучесть половину подлодки отбуксировали на вечную стоянку, как «Аврору», к среднему пирсу Екатерининской гавани точно на место ее гибели. Благо моряки — самые суеверные в мире люди, поэтому и под страхом отставки без пенсии ни один командир свою лодку сюда бы не поставил.

Всякий раз, когда этот горестный обрубок попадался на глаза Николке, он тотчас вспоминал картинку из книжки приключений барона Мюнхгаузена, что имелась дома: плывет по морю-океану обрубленная половина кита. А тот улыбается по-рыбьему и весело пускает фонтан воды после завтрака планктоном.

В городе же гулял слух: увидев этот обрубок у пирса, командующий флотом назидательно сказал своей свите: «...И правильно сделали! Никакое это не бельмо на глазу, а суровый воспитательно-дисциплинарный пример. Во-пер-

вых, каждый командир постоянно видит, к чему приводит разгильдяйство по службе. Во-вторых, матросы-торпедисты уяснят, что заваривать трещины в стеллажах с боевыми торпедами на них паяльными лампами* есть преступный идиотизм. Наконец, молодые матросы из учебки, что упражняются на этом обрубке накрепко усвоят серьезность флотской дисциплины».

◆ «Аркашка», цельнометаллический сварной, даже настил палубы из рифленой стали — чтобы ноги не скользили, окрашенный в уставной шаровый цвет, со счастливым по флотским поверьям номером ($7 \times 7 = 49$), готовился отдать швартовы. Салага-матрос первого года службы уже размотал с тумбы кормовой трос, перебросив его на палубу, направлялся к носовому. Стоявший на причальном трапе молодцеватый, подтянутый старшина катера (здесь офицеров, а значит и звания командира, не полагалось), по-весеннему без бушлата, в одной форменке, как и давешний дневальный, с легким прищуром смотрел на солнце, взошедшее над сопками Екатерининского острова, не забывая беззлобным матерком поучать салагу флотскому мастерству.

Не дожидаясь вопроса обладателя солидных главстаршинских погон, Серега, особо не разнообразя свои слова, отрекомендовался:

— По распоряжению капитана первого ранга...

Но на этом слове моторист катера резко запустил сразу на больших оборотах дизель,

---

* Одна из версий пожара и воследовавшего взрыва (Прим. авт.).

заглушив фамилию носителя высокого командирского звания. Старшина ловко, с шиком старослужащего нагнулся с трапа к подошедшим, приложив руку к мичманке:

— Что-что, капитан первого ранга?

Сергея, повысив с поправкой на стрекот дизеля голос, повторил.

— Прошу на борт,— с невыразимой любовью в голосе, дополненной четким жестом руки, пригласил ребят старшина, в два шага сам поднявшись на палубу, освобождая трап.

Лихо козырнув, молодцеватый главстаршина направился в штурвальную рубку — пора отчаливать, благо дизель уже разогрелся и перешел на ровные рабочие обороты, а салага, закинув носовой трос на палубу, сам взбежал на нее и принялся затаскивать трап.

Старшина дал по корабельной «сирене» три коротких отвальных гудка, вода за кормой забурлила, катер отвалил от стенки пирса и пошел, набирая узлы, наискосок Екатерининской гавани курсом на восточный, узкий выход из гавани в Кольский залив.

Не торопясь в пассажирский отсек в носовой части катера, Николка с Сергеем присели на банку* перед рубкой под красным щитом с пожарными причиндалами. Опять же щурясь на ранневесеннее солнце, по которому так соскучились за полярную зиму.

Катер, чуть сбавив обороты винта, миновал самое узкое место пролива между материковым берегом и Екатерининским островом, называе-

---

* Деревянная скамейка без спинки — флотск. (Прим. авт.).

мом пиреймой, то есть шлюпочной переправой с берега на остров, где располагалась на ближней сопке городская метеостанция, а на ее пологом спуске к воде стояли несколько двухэтажных бревенчатых домов. Очень поместительных. Других строений на довольно большом острове не имелось.

Чем занимались проживающие в этих домах семьи — ни Николка, ни, тем более Серега, не знали, но дома эти, построенные в самом конце девятнадцатого века, принадлежали тогда Кольской судоходной компании и являлись первыми строениями будущего города Александровска.

Серее пирейма ничего не говорила, но Николка прекрасно помнил, что эта переправа была началом его с братьями или с матерью пути из Полярного на маяк Большой Олений на одноименном острове за Екатерининским. Четыре года семья маячничала, а Николка с братьями жил в интернате при школе.

...Однако по выходу в Кольский залив стало холодновато; Николка с Сереей, откинув люк, спустились по крутому трапу в пассажирский трюм — отсек с полукружием обитого дерматином большого дивана. На нем они и продремали все полчаса, что катер шел до Североморска.

◆ Вчерашний день, пятница, был по расписанию производственным. Николка с Сереей проходили трудовое обучение по радиотелеграфному делу — «морзисты» на ключе, то есть не выходя за пределы школы — в радиоклассе. А практиковались в школьном же радиоклубе, работая на коллективной радиолубительской коротковолновой станции с позывным *UA1KUZ*.

Все это организовал умелый педагог, матерый мичман Алексей Васильевич, совмещаая школу с основной службой во флотском радиоцентре Полярного.

Перед началом занятий Алексей Васильевич, в своей мичманской мощи очень напоминавший балтийских боцманов из революционных фильмов, жестом подозвал к учительскому столу Николку и Серегу:

— Вам, двум капитанам, боевое задание. Звонили из Североморска — отпечатали-таки нам полторы тысячи кюэселек*. Почему-то две пачки эти попали в райком комсомола. Так что завтра утренним рейсовым катером из Кислой губы отправляйтесь в Североморск, в райкоме найдете управделами и вот по этой доверенности получите нужное. К обеду вернетесь таким же манером. Все понятно?

— Так точно, Алексей Васильевич. А если что не поняли,— отрапортовал Серега,— так сегодня вечером и спросим — у нас с Николаем вахта в радиоклубе с восьми до десяти...

— Не с восьми до десяти, а с двадцати ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль,— привычно поправил мичман и добавил с ухмылкой:

— С восьми до десяти... А еще капитаны!

Вечером на станции, завидев чуть припоздавшего Николку, Серега сообщил:

— На рейсовой посудине пусть всякие штатские теснятся, а мы сам-двое на военном

---

* От QSL — на радилюбительском коде означает стилизованную, с позывным радиостанции, карточку радилюбительской специальной почты. Такими карточками обмениваются радиолюбители, установившие связь друг с другом (Прим. авт.).

катере с полным трюмным комфортом отбудем в Североморск.

И далее кратко пояснил: отец его, узнав о завтрашнем вояже в райцентр, что-то припомнил, позвонил в штаб и сообщил Сереге, что завтра в семь ноль-ноль от среднего пирса отходит катер — забрать из Североморска два десятка курсантов-старшекурсников из ЛВВУПП*.

— ...Они там два дня при штабе прокантовались, получая распределение по эскадрам для походной практики, а двадцать гавриков выделили на нашу эскадру.

— Так что, Коль, сэкономим по полтиннику, а завтра точно в семь *нуль-нуль*, как говорит наш дорогой Алексей Васильевич, будь-стань у ворот среднего пирса!

◆ Отец у Сереги — моряк героический, особо отличившийся в Карибский кризис. Никита Хрущев все делал невпопад, слабо представляя реальность, не просчитывая, как Сталин, все на сорок ходов вперед. Когда он зарвался с установкой ракет на Кубе, а америкосы заблокировали Остров Свободы своими авианосцами и крейсерами, Никита впал в раж: да мы туды-сюды пошлем атомные подлодки Северного флота! Если не шапками, так ракетами из-под воды забросаем!

При этом даже не удосужился поинтересоваться у кого следует: а на плаву ли эти самые первые атомоходы? Оказалось же, что к началу кризиса все они находились в доках и у при-

---

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница советских офицеров-подводников (Прим. авт.).

чальных стоянок в Северодвинске и в судоремонтных заводах Северного флота на доработках, ремонтах, до- и перевооружении.

Поэтому Северный флот смог послать из Полярного только бригаду дизельных подлодок, правда, новейших, в составе четырех единиц.

Лодка, которой командовал тогда еще капитан второго ранга Ившев, назначалась флагманской, поэтому Серегин отец формально числился в походе дублером командира-адмирала бригады.

У американцев, как и у нас, к тому времени появились большие противолодочные корабли, поэтому на подходе к Кубе они заставили всплыть три лодки бригады, то есть де-факто вывели их из боевого строя. Делалось это так: лодка засекалась и забрасывалась муляжами глубинных бомб — сигнал: следующая серия бомб может быть боевой... Подлодка всплывала. Таковы правила игры в невоенное время.

Только флагманская лодка сумела оторваться и на все время блокады Кубы оставалась в боевом строю, неся потенциальную угрозу для американских авианосцев.

...Впоследствии во флотских кругах Полярного, поминая Никиту малодобрым словом, говорили: одна наша лодка противостояла всему атлантическому флоту США!

После завершения Карибского кризиса «флагманцев» щедро наградили. Серегин отец получил орден Ленина. Тем более адмирала не забыли, хотя его бригаду и стреножили на три четверти.

Ставший каперангом Ившев пользовался большим авторитетом в Полярном, по-суворовски заботливо относясь к подчиненным лю-

бого звания. Вот даже о такой мелочи порадел: как двум школярам удобнее до Североморска добраться.

◆ Сквозь чуткую дремоту оба отметили про себя: ага, катер взял несколько вправо, а минуты через три — порезвее влево. Значит, обогнул маячный остров Сальный и взял курс на пристань Североморска между стоявших на широком рейде крейсеров и эсминцев.

Еще через семь-восемь минут ход плавно замедлился: прибыли в нынешнюю (ранее ею был Полярный) столицу Северного флота — в Североморск, которую оба помнили по детским годам еще как поселок, становище по-местному, еще от новгородских времен, Нижняя Ваенга.

У трапа на пристани, козырнув, молодевавший старшина катера пожелал ребятам успехов в их предприятии:

— Сожалею, что не смогу доставить обратно. Вон курсанты уже потянулись, а мне велено их доставить в Полярный к половине девятого. Желаю здравствовать!

Здание райкомов партии и комсомола располагалось неподалеку. По раннему времени около него ни души не наблюдалось, только на площадке перед входом стояла серая «Волга» с водителем, читающим книгу, да в полуотворенной створке двери пожилая женщина выметала из-за порога явно вчерашний мусор от подошв.

— Мы, наверное, первые сегодня? — С наигранной веселостью приветствовал служительницу Серега.

— Да нет, ребятки, военный, что на машине прибыл, чуток опередил вас. Чтой-то лицо его знакомое, да не рассмотрела из-за-подсолн-

ца. А партийных и комсомольцев еще нету. По какому делу-то сюда?

Объяснили, показав доверенность.

— А чего вам управдельшу-то ждате? Все одно на вынос выдает Васильич, мужик мой и здешний завхоз. Он у себя — вот коридор пройдете, в последней комнате налево к нему и попадете.

Завхоз бегло взглянул на доверенность, сверил ее с записью в потрепанной амбарной книге, велел кому-нибудь расписаться, четко указав в скобках фамилию, после чего снял со стеллажа две небольшие пачки в оберточной бумаге, перевязанные шпагатами, пожелал обратного пути, заметив, что после войны и сам служил в Полярном.

Выйдя от завхоза, Серега с Николкой едва не столкнулись с военным, что спускался со второго этажа по боковой лестнице... и тут же остолбенели: это был Гагарин. На сгибе левой руки он держал свернутую шинель с подполковничьими погонами, а в правой — фуражку.

— Здравствуйте, Юрий Алексеевич!

— Здорово, ребята! Уже отоварились, — Гагарин подмигнул, кивнув в направлении пачек. — А я вот в Сафоново к своим сослуживцам приехал, а отсюда позвонили, просили в Североморск заглянуть. Место встречи — райком, а тут еще не души. Хотя, конечно, люди штатские, поздно просыпаются... Вы откуда?

Узнав, что из Полярного, пожалел, что еще не удалось побывать в этом славном городе. Завидев группу людей со стороны входных дверей, попрощался и вновь направился к лестнице на второй этаж.

...Только пройдя половину пути до пассажирского причала, Николка безматерно выругался и хлопнул себя по лбу:

— Вот идиоты! Ведь кюэсельки на руках для автографа! Надо же так растеряться? Нет, Серега, не быть нам капитанами...

◆ Второе огорчение ждало их на пассажирской пристани: «аркашка» только что отвалил и, набирая обороты, удалялся. Дежурный по пристани, видевший, что ребята прибыли на этом катере, посочувствовал:

— Еще немного и успели бы. Благо и задержка случилась: один недотепа из курсантов уронил в воду чемодан.

— Ну и как ловили его?

— Да я за багром к пожарному щиту сбегал. Подцепили за ручку. А вот, кстати, и мурманский катер идет. Берите в кассе билеты — и айда в свой Полярный!

Через час без малого Серега с Николкой выгрузились на пристань Кислой губы, сели в единственный в городе рейсовый автобус и еще через полчаса вручили Алексею Васильевичу пачки с кюэсельками.

— Молодцы, два капитана! На уроки можете не ходить, вас отпросил на весь световой день. Я пошел на педсовет, а вы садитесь за ключ и работайте вне очереди.

Такая награда — до самого вечера вдвоем хозяйничать на радиостанции! Тем более, ранневесенняя погода гарантировала ровную, без мерцаний, замираний, федингов и прочих несчастий коротковолновика почти по всему Северному полушарию.

Действительно, неся попеременно получасовые вахты, Серега и Николка установили в общей сложности под тридцать связей, в том числе и достаточно экзотических — с радиолюбителями из Австралии, Египта, Малайзии. Естественно, обменялись приветствиями со старым знакомцем Тони Спайком. Известен он был всем коротковолновикам мира тем, что работал в эфире почти круглосуточно. А чем ему еще заниматься, ибо проживал он на своей яхте, дрейфовавшей вдоль берегов Калифорнии, а сойти на эти берега не мог — сразу попадет в долговую тюрьму! Очень активны были и станции из ЮАР и Израиля; прямо-таки умоляли ответить UA1KUZ, но... здесь высокая политика: Центральный радиоклуб в Москве под руководством папанинца Кренкеля категорически запрещал с этими странами связываться...

...Вроде и друзья-приятели, но, работая на станции, все же ревниво посматривали друг на друга. Дело в том, что оба являлись обладателями раритетных связей высшего ранга: у Сереги был сеанс связи с королем Иордании Хусейном, известным радиолюбителем-коротковолновиком, а Николка «поймал» не менее важную в мире персону — сенатора Барри Голдуотера, не сходявшего в карикатурах со страниц «Крокодила», а в газетах именуемого не иначе как «бешенный Гарри».

Между Серегой и Николкой постоянно вспыхивал спор: чья связь важнее? Конечно, вроде король солиднее, но на присланной из Иордании кюэсельке непонятная подпись арабской вязью. Король ли автограф ставил? А может какой визирь третьего ранга...

Зато на Николкиной карточке из США тонким синим фломастером четко читалось: *Barry Goldwater* — и лихой росчерк в конце фамилии.

Кстати, сенатор оказался человеком вежливым: охотно ответил на вызов Николки, а в заключении радиообмена пожелал русскому коллеге-спортсмену доброго здоровья и новых встреч в эфире. Из этого Николка сделал верный вывод: политики всегда имеют два лица: свое, человеческое и придуманную им маску для публичности*.

◆ А коллективным прозвищем «два капитана» Серега с Николкой были обязаны все тому же Алексею Васильевичу.

До какого-то момента каждого из них по отдельности иногда именовали капитаном. Николка получил это прозвище в девятом классе вместе с очень престижной в школе должностью начальника радиоузла, совмещенного с кинопунктом, откуда «давали» фильмы на экран в актовом зале.

Вход в радиоузел со стороны коридорной двери включал достаточно крутую лестницу. Директорша Вера Ивановна, навестившая Николку в радиоузле вскоре после его назначения, поднялась по этой лестнице и пошутила: «Ну, Николай, у тебя здесь настоящий корабельный мостик, а ты, значит, есть капитан на мостике!»

Сопровождавшая директора старшая пионервожатая тотчас озвучила прозвище всей школе.

---

* Это как наш Владимир Вольфович — умнейший и ровный в общении человек, но на публике надевает эту ковбойскую маску (Прим. авт.).

Аналогичным прозвищем Серега был обязан своему дому. Это было первое в городе современное многоэтажное здание, гордо высившееся среди сплошной двухэтажной застройки, да еще и с печным отоплением. Построили его сразу за знаменитым Циркульным домом целевым назначением: для подплава, и заселили семьями сплошь капитанов: от капитанов первого ранга до капитан-лейтенантов по нисходящей...

Мигом дом прозвали капитанским, а ребят оттуда — капитанскими или просто капитанами.

Объединил прозвища Сереги и Николки Алексей Васильевич. Как-то случилось обоим опоздать на четверть часа на ночную вахту в радиоклубе во время больших международных соревнований коротковолновиков, делящихся без перерыва двое суток подряд. Николка с трудом пробивался через занесенный снегом Чертов мост, соединявший Старый и Новый Полярный. — Стройбатовцы только-только начали расчищать занос. А Серега увлекся ремонтом лентопротяжки своей «Кометы» и забыл посмотреть вовремя на часы.

Оба вошли в помещение радиоклуба одновременно. Алексей Васильевич, как опытный педагог знавший прозвища всех своих подопечных, встретил их с часами в руке: «А-а, явились два капитана!..» И далее прочел им краткое, но убедительное наставление о флотской дисциплине.

Коллективное прозвище прилипло, как смола к бетону.

◆ Прошли многие годы. Серега и Николка, уже Сергей Валерьевич и Николай Андреевич, давно потерявшие друг друга из виду,

жившие в разных городах, все же стали номинальными капитанами, ни дня не служа — так жизнь сложилась. Оба в своих институтах прошли военные кафедры: Сергей — военноморскую, Николай — ракетно-артиллерийскую. После двухлетних сборов оба получили третью звездочку, а, защитив кандидатские диссертации, стали и капитанами. Два капитана...

Уже в другом веке и тысячелетии, совсем в другой стране нашли друг друга в интернетовских «Одноклассниках». И, не сговариваясь, встречно послали сообщения, начинавшиеся одинаковыми словами: «А помнишь, как растерялись... два капитана?»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Леонид Ханбеков. К читателю.....</i>	<i>3</i>
<i>Новелла — пролог: Счастье.....</i>	<i>11</i>
<i>Новелла вторая: Рассказ богаделки.....</i>	<i>57</i>
<i>Новелла третья: История Бортянска и его градоначальников.....</i>	<i>85</i>
<i>Новелла четвертая: Зеркало на холсте.....</i>	<i>127</i>
<i>Новелла пятая: Выборы по Бортянскому счету.....</i>	<i>171</i>
<i>Новелла шестая: «От трудов праведных...» Будни Сыся.....</i>	<i>203</i>
<i>Новелла седьмая: Домашнее задание.....</i>	<i>239</i>
<i>Новелла восьмая: Плеханов — это голова!..</i>	<i>269</i>
<i>Новелла девятая: Как потопаешь, так и полопаешь.....</i>	<i>301</i>
<i>Новелла — эпилог: Было счастье.....</i>	<i>313</i>

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
Алексей Афанасьевич

КВАДРАТНАЯ ПУСТОТА

Роман-новеллино

Компьютерный набор: Л. П. Хохлова
Редактирование и корректура:
В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин

Издатель: Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
123995, Москва, Поварская ул., 52, каф. 24
Тел.: 8-495-691-63-41

Подписано в печать 30.08.2012 г.
Формат бумаги 70×90 1/32. Печ. л. 14,00.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Akademy».
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета
300600, Тула, пр. Ленина, 92.
Тел.: 8-4872-35-36-20